

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 3
Общественные науки

2014

№ 1 (125)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 3
Social and Political Sciences

2014

№ 1 (125)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

- В. А. Кокшаров**, ректор УрФУ,
председатель совета
- Д. В. Бугров**, директор Института
гуманитарных наук и искусств УрФУ
- М. Б. Хомяков**, директор Института
социальных и политических наук УрФУ
- В. В. Алексеев**, акад. УрО РАН
- А. Е. Аникин**, чл.-корр. СО РАН
- В. А. Виноградов**, чл.-корр. РАН
- А. В. Головин**, чл.-корр. УрО РАН
- С. В. Голынец**, акад. РАН
- К. Н. Любутин**, проф. УрФУ
- А. В. Перцев**, проф. УрФУ
- Ю. С. Пивоваров**, акад. РАН
- А. В. Черноухов**, проф. УрФУ
- Т. Е. Автухович**, проф. (Белоруссия)
- Д. Беннер**, проф. (Германия)
- Дж. Боулт**, проф. (США)
- П. Бушкович**, проф. (США)
- М. М. Гиршман**, проф. (Украина)
- М. Гудерцо**, проф. (Италия)
- Л. Инчуань**, проф. (Тайвань)
- А. Ковач**, проф. (Румыния)
- Н. Коллман**, проф. (США)
- Дж. Майклсон**, проф. (США)
- А. Мустайоки**, проф. (Финляндия)
- Б. Ю. Норман**, проф. (Белоруссия)
- М. Перри**, проф. (Великобритания)
- Х. Рюсс**, проф. (Германия)
- Г. Саймонс**, проф. (Швеция)
- К. Хьюитт**, проф. (Великобритания)
- А. Федотов**, проф. (Болгария)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор

Н. В. Суслов,

канд. филос. наук, доц.

Заместитель главного редактора
по международным связям

А. С. Меньшиков,

канд. филос. наук, доц.

Ответственный секретарь

Е. С. Ковалева

Члены редколлегии

Философия

А. Г. Кислов,

канд. филос. наук, доц.

Т. А. Круглова,

докт. филос. наук, проф.

Е. Г. Трубина,

докт. филос. наук, проф.

Д. М. Федяев (Омск),

докт. филос. наук, проф.

А. Ю. Цофнас (Одесса, Украина),

докт. филос. наук, проф.

Е. С. Черепанова,

докт. филос. наук, проф.

Социология

Е. В. Грунт,

докт. филос. наук, проф.

А. В. Меренков,

докт. филос. наук, проф.

Л. Л. Рыбцова,

докт. социол. наук, проф.

Политология

А. А. Керимов,

канд. полит. наук, доц.

Н. А. Комлева,

докт. полит. наук, проф.

О. Ф. Русакова,

докт. полит. наук, проф.

Международные отношения

В. Д. Камынин,

докт. ист. наук, проф.

В. И. Михайленко,

докт. ист. наук, проф.

Психология

В. В. Макерова,

канд. филос. наук, доц.

Р. Р. Муслумов,

канд. психол. наук

СОДЕРЖАНИЕ

ФОРУМ

<i>Борозняк А. И.</i> Заметки на полях интервью В. И. Михайленко	5
<i>Фельдман М. А.</i> Об интервью В. И. Михайленко	6
<i>Любин В. П.</i> Особенности итальянского фашизма. <i>К дискуссии по интервью проф. В. И. Михайленко</i>	8
<i>Витале А.</i> О фашизме. <i>Размышления о статье В. И. Михайленко</i>	15
<i>Люкс Л.</i> Итальянский фашизм и национал-социализм: краткие заметки о параллелях и различиях. <i>По поводу интервью В. И. Михайленко</i>	21
<i>Терехов О. Э.</i> Между наукой и идеологией: актуальность феномена немецкой «консервативной революции»	23

УРАЛЬСКАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (uAnalytiCon)

<i>Лисанюк Е. Н.</i> Лояльный агент и отменяемость в деонтической логике	32
<i>Лобовиков В. О.</i> Парадокс Мура в свете алгебры формальной этики	44
<i>Ольховиков Г. К.</i> Референция к действиям как основание для референции к объектам	57
<i>Горбатова Ю. В.</i> Семантика возможных миров: уровни анализа и понятие существования	72
<i>Кислов А. Г.</i> К вопросу об онтологической автономии ассерции и негации	79
<i>Назуманова С. Ф.</i> Содержание сознания: различные подходы	88
<i>Пащенко Т. В.</i> Эпистемологические основания математики в некоторых неологистских теориях	94
<i>Кляшторный А. С.</i> Критическое осмысление онтологических оснований концепции «сильного» искусственного интеллекта в контексте проблематики теории действия Х. Йоаса	106

ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТИКИ И ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Мухаметов Р. С.</i> Место и роль неправительственных организаций в российской дипломатии в ближнем зарубежье	118
<i>Береналиева А. А.</i> Депутатские объединения в парламенте Кыргызстана: сущностные и политико-правовые признаки	126

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Шведов Д. В.</i> Эволюция политики США в области нераспространения ядерного оружия (1945–1965)	137
---	-----

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Бердникова Д. В., Виндекер О. С.</i> Исследование взаимосвязи мотивации достижения и учебной мотивации у студентов-психологов	145
--	-----

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

<i>Микрюков Д. А.</i> Религиозно-политические воззрения Р. Дж. Рашдуни	153
--	-----

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Савельева Е. А.</i> Тема народности в философских воззрениях славянофилов ..	161
<i>Тейтельбаум Е. С.</i> Проблема взаимоотношения философии и литературы: опыт философского анализа феномена Фернандо Пессоа	173

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛЕКЦИЯ

<i>Пивоваров Д. В.</i> Основание, причина, эффективность, детерминизм	183
<i>Ионайтис О. Б.</i> Антропологические идеи в философии Средневековой Руси (XI–XVII вв.)	197

АВТОРЫ НОМЕРА	217
---------------------	-----

ФОРУМ

В журнале нашей серии № 1 за 2013 год в рубрике «Форум» было опубликовано интервью профессора В. И. Михайленко «Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена». Материал вызвал живой интерес специалистов не только из России, но и из Италии и Германии. В этом выпуске мы предлагаем вниманию читателей отклики на публикацию, поступившие в редакцию.

УДК 323.12(450)

А. И. Борозняк

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ИНТЕРВЬЮ В. И. МИХАЙЛЕНКО

Текст В. И. Михайленко необычен и поучителен. На первый взгляд автор детально повествует о концепциях фашистского режима в трудах авторитетных итальянских философов и историков. Но это только на первый взгляд. На самом деле Валерий Иванович ведет обстоятельную полемику с указанными концепциями, непременно высказывая собственную точку зрения. Доминанту научного метода Михайленко можно охарактеризовать термином М. М. Бахтина «диалогическое познание». Именно в диалоге обретаются глубина, точность и продуктивность анализа, рождается спор с единомышленниками и инакомыслящими, спор с самим собой. Подлинная наука не просто отвечает на вопросы, но ставит новые вопросы, открывая тем самым новые пространства познания.

В ходе внимательного чтения интервью Михайленко возникают вопросы, для меня связанные прежде всего с возможностями научного сопоставления (сравнения) режимов итальянского фашизма и германского национал-социализма. Вот некоторые из них:

— допустимы ли компаративные подходы такого рода в рамках конструкции тоталитаризма или необходимо искать новые пути научных исследований?

— была ли так называемая «республика Сало» просто судорожной (и заранее обреченной на провал) попыткой спасения режима или же в ее политико-идеологической программе нашли отражение элементы сущности феномена итальянского фашизма?

— почему режим Муссолини пал, несмотря на поддержку Гитлера, достаточно быстро, а режим Третьего рейха продержался уже после того, как его часы пробили предельно громко?

УДК 323.12(450)

М. А. Фельдман

ОБ ИНТЕРВЬЮ В. И. МИХАЙЛЕНКО

Рост масштаба насилия, терроризма, военных агрессивных акций в современном мире порождает дополнительный интерес к изучению тоталитарных режимов. В этой связи интервью В. И. Михайленко, посвященное переосмыслению такого феномена, как итальянский фашизм [1], становится действительно событием не только исторической, но и политической науки.

Давая свою оценку характерных черт итальянского фашизма и солидаризуясь с позицией известного итальянского историка Э. Джентиле, автор характеризует этот политический феномен как прежде всего «националистический и революционный, антилиберальный и антимарксистский...» [Там же, 9]. Если первое определение — «националистический» — является бесспорным, то в отношении другого — «революционный», на мой взгляд, следует сделать ряд существенных оговорок. Во-первых, сохранение примата частной собственности в Италии 1922–1945 гг. при всех ограничительных действиях государства [Там же, 13] заметно сужает допустимость применения указанного определения в контексте существования режима Муссолини. Не случайно автор указывает на «предательство фашистским режимом идеалов фашистской революции» [Там же], не забыв отметить ни эклектический характер самих этих идеалов [Там же, 11], ни весьма прагматическую практику применения в пропагандистских целях различных (в том числе и леворадикальных) идей. Достигнутый компромисс режима Муссолини со старыми политическими и экономическими элитами, обоснованно отмеченный В. И. Михайленко, носил скорее не вынужденный характер [Там же, 14], а вытекал из общности подходов к решению задач индустриального рывка, подчиненного имперским внешнеполитическим программам.

Во-вторых, верное рассмотрение Первой мировой войны как нового социального феномена, связанного с появлением «массового человека действия», «революции масс», возможностью мобилизации массы фронтовиков, получивших опыт насилия, со сближением позиций различных социальных групп

в протесте против королевской власти и правительственных учреждений, спустя почти столетие позволяет трактовать действия Муссолини как критику и борьбу против *конкретных* буржуазных институтов, но не самой сущности капитализма. История XX в. предельно широко показала: кто только ни использовал либеральные, антилиберальные и леворадикальные идеи (например, идею «прямого» управления народа), лозунги низших слоев общества в откровенно узкогрупповых интересах.

В-третьих, верное указание на возросший масштаб границ «социального лифта», действующего в годы фашизма в Италии, нуждается в уточнении и конкретизации. Выскажу мнение, что по мере возрастания ступеней чиновничьей иерархии «площадка социального лифта» заметно суживалась.

Интервью В. И. Михайленко интересно и тем, что, показывая историческую ограниченность возможностей манипулирования сверху обещаниями и лозунгами [1, 13], оно, говоря о прошлом, обращено в современность, предупреждая: ценой очередного модернизационного рывка могут стать либо свертывание институтов представительной демократии, либо формальность их существования. Отмечена автором и возможность длительного сохранения тоталитарного режима в условиях неспособности сплочения оппозиционных сил.

Допустимость сравнения тоталитарных режимов не вызывает сомнения. Интервью В. И. Михайленко убедительно показывает общность таких черт. Другое дело, что изучение данной проблемы, в соответствии с принципом историзма, требует постоянного указания на хронологические рамки исследования и понимания, о каком тоталитарном режиме идет речь. В самом деле, характеристики советского строя в 1922–1927 и 1935–1940 гг. различаются довольно существенно (возможность оппозиционных выступлений, положение частной и индивидуальной собственности, степень соблюдения прав человека и др.), так же как и, например, характеристики итальянского режима в отмеченные годы.

Если говорить о 1920-х гг. в рамках дискурса тоталитаризма, более правомерно сравнение советского и итальянского обществ, находившихся на стадии раннеиндустриальной модернизации, с преобладанием аграрной экономики.

В то же время форсированный рывок в индустриальном развитии в 1930-е гг. в СССР сопровождался таким усилением тоталитаризма в советском варианте, что предпочтительнее было бы сравнивать институты советского и германского режимов.

1. Михайленко В. И. Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена // Изв. УрФУ. Сер. 3 : Обществ. науки. 2013. № 1 (112). С. 3–17.

УДК 323.12(450)

В. П. Любин

ОСОБЕННОСТИ ИТАЛЬЯНСКОГО ФАШИЗМА К дискуссии по интервью проф. В. И. Михайленко

Опубликованное в «Известиях УрФУ» интервью профессора В. И. Михайленко хорошо отражает современный уровень исследований итальянского фашизма [6]. Автор давно изучает эту важнейшую тему и постоянно следит за появляющимися новыми ее интерпретациями как в отечественной, так и главным образом в зарубежной историографии. Начинал он исследование проблем фашизма еще в 1970-е гг. в тесном сотрудничестве с видными отечественными исследователями Б. Р. Лопуховым, Г. С. Филатовым, П. Ю. Рахширом и итальянскими исследователями П. Алатри, Р. Де Феличе, Э. Сантарелли, Дж. Кароччи. Спорил в заочных и очных дискуссиях с западными коллегами, в том числе с известным французским специалистом Ф. Фюре и инициатором (еще в начале 1960-х гг.) изучения фашизма не только как итальянского или немецкого, но и, шире, как общеевропейского феномена Э. Нольте. Известность В. И. Михайленко в России и Италии как исследователя итальянского фашизма придали его публикации — монографии «Итальянский фашизм: основные вопросы историографии» [3], «Тоталитаризм в XX веке» [4], «Тоталитаризм. Спор историков» [5], целый ряд научных статей по данной тематике [7–14].

Мне хотелось бы здесь высказаться по поводу некоторых положений, предложенных журналом и самим автором для дискуссии, поддержать и развить главные тезисы этой компактной картины итальянского фашизма, попутно высказать некоторые критические замечания и добавить, что, видимо, ввиду краткости интервью не вошло в ее содержание, хотя тоже немаловажно для исследования и понимания данного феномена и связанной с его появлением и развитием исторической обстановки. Надеюсь, что наша дискуссия, в том числе и предлагаемые здесь краткие соображения, помогут дорассмотреть что-то остающееся невысеченным до конца, позволят обучающимся в УрФУ студентам и аспирантам лучше осознать отдельные нюансы обозначенных проблем. Возможно, кто-то из них продолжит исследования, начатые В. И. Михайленко, что он, конечно, будет приветствовать.

Высказываясь относительно происхождения фашизма, профессор Михайленко разделяет мнение Б. Р. Лопухова, Р. Де Феличе, Ортеги-и-Гассета, Дж. Моссе, которые связывают появление данного феномена с массовизацией общества. Она произошла в Италии и других европейских странах на рубеже XIX–XX вв., когда народные массы вышли на историческую арену. Те же массы (солдатская масса) стали основными действующими лицами в кровавых боях Первой и Второй мировых войн.

Фашистские идеологи в Италии в поисках преемственности и продолжения национальных традиций пытались выставить себя последователями дви-

жения Рисорджименто. Оно было инициировано итальянскими интеллектуалами-просветителями и началось под влиянием Французской революции в конце XVIII в., развивалось в XIX в. до Объединения в 1861 г., затем, в уже ослабленном виде, и после него. За идеалы Рисорджименто в XIX в. боролись прославленные лидеры республиканско-демократического крыла этого движения Мадзини и Гарибальди. Но, к разочарованию их самих и их сторонников, они и их идеи не победили, оказавшись несвоевременными для Италии.

Либеральное направление, одержавшее верх в ходе национальной буржуазно-демократической революции, которая привела к объединению Италии, возглавлял лидер пьемонтской буржуазии К. Б. Кавур. Но эта революция, как справедливо отмечал впоследствии видный представитель марксистской мысли А. Грамши, брошенный фашистами на долгий срок в тюрьму, осталась незавершенной. Отсюда многие проблемы молодого, объединенного лишь в 1861 г. государства («Мы создали Италию, теперь нам надо создать итальянцев» — таков был лозунг итальянских либералов того времени), которые правившим в стране от объединения до Первой мировой войны либералам так и не удалось решить.

Фашизм как движение и потом как политическая партия появился на итальянской политической сцене после окончания Первой мировой войны в 1919 г. Напомню, что 1919–1921 гг. стали в Италии «красным двухлетием», когда, казалось, левые революционные социалисты и коммунисты близки к взятию власти. Это очень напугало короля и правящие слои прежней аристократии, а вместе с ними и новую, все еще не смелую итальянскую буржуазию, словом весь верхушечный буржуазно-аристократический «класс», и толкнуло его к поддержке реакционных сил. Напомню, что с 1861 по 1946 г. страна именовалась Итальянским королевством. Его политической основой очень долго была конституция, принятая в Пьемонтском королевстве. Последнее в дальнейшем возглавило объединение страны в ходе революции 1848 г. и утвердило так называемый Альбертинский статут. Он получил название по имени тогдашнего пьемонтского короля Карла Альберта, даровавшего стране этот основополагающий документ. Конституция оставалась действенной на протяжении целого столетия, хотя фашизм во многом и выхолостил ее содержание.

Фашизм набирал силу поначалу на итальянской политической сцене, действительно как ответная реакция на события «красного двухлетия». Его влияние сильно возросло в период «черного двухлетия» 1921–1922 гг. По цвету рубашек боевые фашистские отряды «чернорубашечников» («сквадры»), бесчинствующие в стране при потворстве властей, громили своих политических противников. Многие из «сквадристов» прошли боевую подготовку на войне. Фашизм сразу же провозгласил себя ярым противником социалистических идей и исповедовавших их социалистов и коммунистов. И главное — носителем особого национального итальянского духа, которому по плечу решить все оставшиеся нерешенными проблемы.

Это совпало с распространенными в итальянском обществе в первые послевоенные годы настроениями, что Италию обманули другие великие державы —

страны Антанты, на сторону которых она, перебежав из лагеря образованного в 1882 г. Тройственного союза с Германией и Австро-Венгрией, перешла в разгар войны в 1915 г. Страна вступила 23 мая 1915 г. в войну против бывших союзников под лозунгом окончания борьбы за Рисорджименто и довоссоединения страны путем завоевания все еще находившихся у австрийцев «итальянских» земель. Хотя обещанные Италии по Лондонскому договору Тренто и Триест были присоединены, другие обязательства стран Антанты остались невыполненными. Публикация революционной Россией потайных статей этого договора в открытой печати еще в разгар Первой мировой войны в бытность народными комиссарами иностранных дел Л. Троцкого и Г. Чичерина стала пощечиной всей секретной европейской дипломатии и вызвала большой скандал, на много десятилетий опередив последующие разоблачения такого же рода со стороны Ассанжа из «Викиликс» или недавние нашумевшие откровения Сноудена.

Эта психологическая травма — *vittoria mutilata*, «урезанная» или «искалеченная победа», — стала козырем, который хорошо сумел разыграть фашизм в своем продвижении к власти. Аналогичным образом Гитлер, будущий союзник Муссолини, сумел использовать в целях достижения массовой поддержки основанных им национал-социалистского движения и своей партии унижение, которое потерпела Германия, как считали ее военные, не проигравшая войны на полях сражений, но павшая как империя в результате кинжального удара в спину в виде революции и подписавшая руками «веймарских» политиков унизительный для немцев Версальский договор.

Сам лидер итальянского фашистского движения Б. Муссолини, провозгласивший себя дуче — «вождем» нации, благодаря своим политическим корням — он действовал поначалу как социалист и достиг карьерных высот в итальянской социалистической партии — обладал умением общаться с массами и приемами привлечения их на сторону основанного им нового политического движения. Первоначально идеология фашистского движения имела значительный крен в сторону национализма, дополненного идеями итальянского анархо-синдикализма начала XX в. Благодаря последовательной популистского типа политике Муссолини сумел привлечь на свою сторону немалую часть итальянских масс. Фашистская идеология, концентрированное выражение ее проявилось в опубликованной в фашистской энциклопедии «доктрине фашизма», пыталась выдать за свои многие демократические идеалы Рисорджименто: с одной стороны, национальная идея, государственный суверенитет, с другой — свобода, социальная ответственность и т. п.

Итальянский фашизм в своей теории отстаивал идею «прямой» демократии, реализуемой через институты корпоративного государства. В противовес имевшей в те времена большое влияние в развитых странах капитализма марксистской теории, получившей новый импульс после сотворенной ее последователями революции 1917 г. в России, идеологи фашистского движения разработали теоретические основы корпоративного государства. В нем должен был царить социальный мир и не было места классовой борьбе. Доминировавшую позицию получили поддерживаемые установившимся с 1925 г. дикта-

торским «тоталитарным» режимом соглашательские фашистские профсоюзы, они становились массовыми.

Фашисты противопоставили себя рабочему и социалистическому движению не только в Италии (его лозунгом в 1917–1922 гг. было «Сделать как в России!»), но и во всем мире. Они повсюду искали последователей, воспринимавших «фашистскую идею» как идею третьего пути между капитализмом и социализмом. Им частично удались попытки сконструировать фашистский интернационал и распространить по всему миру фашистскую идеологию. Разумеется, в противовес социал-демократическому и коммунистическому интернационалам, продвигавшим марксистскую или марксистско-ленинскую идеологию.

Поэтому, когда исследуют фашизм и нацизм, нельзя забывать о противостоянии доминировавших в первой половине XX в. идеологий и состоявшихся в политической практике, основанных на данных идеях режимов на западе и на востоке Европы. На это в свое время обратили внимание известная философ Х. Арендт и ее последователи, предложившие типологизировать новую реальность с помощью теории тоталитаризма. Среди историков, вернее историков философии, — Э. Нольте, не относящий себя к защитникам этой теории, но тем не менее подвергшийся со стороны приверженцев левых идей резкой критике за проведенные им в своих ранних трудах параллели тоталитарных режимов с различной идеологической окраской и за отстаивавшуюся им в дальнейшем идею «консервативной революции» в Германии как ответа на большевистский вызов.

Одной из первых работ Нольте, опубликованной мюнхенским «Историческим журналом» в начале 1960-х гг., была принципиально новая тогда по своим идеям для историков статья «Маркс и Ницше в идеологии молодого Муссолини». А европейская история первой половины XX в., с начала Первой до окончания Второй мировой войны в 1945 г., в трудах «позднего Нольте» стала эпохой не только европейской, но «мировой гражданской войны». Не так давно мне довелось рецензировать присланную им его последнюю книгу «Поздние размышления о мировой гражданской войне XX столетия» [15]. В ней он полностью в духе «ревизионизма» (в котором не раз его самого, как и его соратника по новым интерпретациям истории фашизма и нацизма Р. Де Феличе, обвиняли придерживавшиеся левых и марксистских взглядов критики) подвергает пересмотру некоторые прежние взгляды и выдвигает в свои девяносто лет новые, и по-прежнему спорные для его оппонентов, идеи и интерпретации.

Вслед за такими признанными авторами западноевропейской и американской историографии, как Р. Де Феличе, Э. Нольте, Дж. Моссе и др., В. И. Михайленко справедливо отмечает, что фашизм со всеми его политическими, социальными, идеологическими и прочими формами и институциями принадлежал своему времени [6, 15]. Первая фундаментальная монография того же Нольте, переведенная на многие языки, так и называлась «Фашизм в его эпоху».

Фашизм одновременно пытался воплотить проекты «модерна» и «антимодерна». В конкуренции с социалистическим проектом итальянский фашизм

конструировал новый тип государства — патерналистское «социальное государство». В отличие от социалистического государства, основывавшегося на принципах пролетарского интернационализма, фашизм собирался построить «национальное государство» с преданными его идеям подданными, «новыми людьми», итальянцами, разделяющими фашистские взгляды.

Следует помнить, что тогда после объединения Италии прошло не так много времени, и страна, несмотря на претензии встать в ряд великих европейских держав, все же занимала последнее место в этой шестерке, оставаясь регионально разобщенной, экономически хрупкой и слабой. Отсюда намерение фашизма, приняв эстафету от создателей национального государства, ускорить его развитие, превратить оставшуюся аграрной по своей экономической сути Италию в страну индустриализированную, догнавшую передовые страны. (Красочный и проникновенный портрет Италии начала XX в., отпраздновавшей тогда свое пятидесятилетие, дан в книге, которой исполнилось в 2013 г. сто лет: М. Осоргин «Очерки современной Италии». Для тех, кому она и ее автор интересны, даю ссылку на посвященный замечательному исследованию Осоргина мой очерк, опубликованный в единственном оставшемся в Эстонии русскоязычном таллинском журнале [1].)

По-настоящему индустриализировать страну удалось только потом, после Второй мировой войны, когда на рубеже 1950–1960-х гг. произошло знаменитое экономическое «итальянское чудо». Но неверно было бы отрицать, что основы превращения страны в высокоразвитое индустриальное государство были заложены на рубеже XIX–XX вв. и развиты затем в годы правления фашизма. Демократическая Италия приняла и мощно развила это экономическое наследие, добившись на деле одного из первых мест в мире.

В. И. Михайленко верно замечает, что провозглашенные фашизмом в 1920–1930-е гг. цели создания «нового человека», создания «нового порядка», строительства «новой цивилизации» достигались через утверждение политики милитаризма, величия Италии, подчеркивания ее силы и стремления к экспансии (кстати, на это фашизм ориентировал и собственную экономику, становившуюся все более военизированной). По замыслу Муссолини и других фашистских идеологов, следовало обратиться к наследству «великой Римской империи», подчиненная фашистскому правлению Италия — ее прямая наследница, фашизму надлежит вернуть былое влияние древних римлян в Средиземноморье и других регионах. Посчитав, что Италия достаточно сильна в военном отношении, фашистский режим начинает в середине 1930-х гг. агрессивные войны. Сначала это была колониальная война в Эфиопии, фашисты гордились тем, что она привела к ее завоеванию (не удавшемуся либералам при правлении Криспи в 1896 г.) и созданию «империи». Именно тогда поддержка фашизма населением достигла апогея, но после этого консенсус постепенно улетучивался. Последовало участие Италии во Второй мировой войне на стороне ставшей в 1930-е гг. ее тесной союзницей гитлеровской Германии (в конце концов страна стала играть в этом союзе фашистского и нацистского диктаторов сугубо подчиненную роль, хотя дуче всячески пытался доказать, что Италия ведет самостоятельную внешнюю политику).

В конечном итоге агрессивные авантюры фашизма оказались непосильной ношей для страны и привели в 1943–1945 гг. к его краху. На протяжении послевоенных десятилетий в Италии господствовала политическая культура антифашизма. Командные высоты в основанной в том числе и на демократических началах Рисорджименто послевоенной Итальянской республике заняли преследовавшиеся ранее фашизмом и победившие его в партизанской войне 1943–1945 гг. его прямые противники.

Было бы неплохо более подробно упомянуть об этом в интервью и далее в дискуссии, провести линию исторического развития, преемственности и размежевания политических идей и политических практик, которые так или иначе определяли итальянскую историю первой и второй половины XX в. А также еще раз зафиксировать внимание читателей на том, что эта политическая борьба продолжается в современной Италии. Она находит отклик не только в политической, но и в повседневной жизни итальянцев, воздействует не только на политику, но и на общую культуру, а также на имидж итальянцев в нынешнем мире.

Следовало бы упомянуть также, что в объяснении феномена фашизма и относительной популярности выдвигавшихся им идей в первой половине XX в. кроме прочего исследователи вынуждены обращаться к ставшей в последние времена вновь модной теории модернизации «отставших», «пришедших вторыми» к империалистическому колониальному дележу стран (зачастую в эту линейку ставят и Россию (СССР), и Италию), пытавшихся «догнать и перегнать» вырвавшиеся вперед в эпоху капитализма западные государства. Иногда и такими методами, как всеобщая концентрация сил государства под управлением «единого диктатора» («эффективного менеджера», как выражаются некоторые отечественные «специалисты» по преподаванию в нужном свете некоторых «родимых пятен» советской истории), установление диктаторских режимов с их однопартийностью и другими составляющими, якобы содействующими ускоренному достижению названной цели. Дискуссия по этим проблемам идет в настоящее время и в отечественной общественной науке, во всяком случае мне самому приходилось делать доклады по данной тематике на всероссийских конгрессах представителей отечественной политической науки (материалы конгрессов представлены в публиковавшихся сборниках, а также в Интернете). Немало внимания данным сюжетам уделено в вышедшем осенью 2013 г. немецко-российском справочном издании [9].

В интервью В. И. Михайленко отмечается, что, как и во многих других государствах той эпохи, провозглашенные фашизмом идеалы и реальность расходились между собой. Несмотря на пожелания и устремления фашистов, фашистская Италия на деле так и не стала примером социальной гармонии между трудом и капиталом. Так, еще одна «утопия» XX в., отнюдь не левого направления, каковой она была в СССР, тоже создававшего «нового человека» и новые, неизвестные миру «политические реалии», а правого, по своему духу реакционного, консервативного и националистического, не нарушающего устоев капитализма, потерпела поражение.

Увлечшись опровержением коминтерновского определения фашизма, автор интервью оставил в тени отношения власти и капитала в Италии. Следовало бы обратить внимание на такие факторы, например, что как политический деятель Муссолини не смог бы прийти к власти и оставаться главой государства, диктатором, на протяжении более 20 лет без поддержки отдельных групп крупного итальянского капитала, и к тому же еще и поддержки королевского двора (об этом мне приходилось упоминать в монографии «Социалисты в истории Италии» [2, 158, 247]).

Основное внимание автор статьи справедливо сконцентрировал на оценке пребывания фашизма у власти, его результатов. Он отметил, что катализатором политической активности в послевоенной Италии стала так называемая «окопная аристократия», т. е. те, кто подобно Муссолини и другим лидерам фашистского движения так или иначе прошел испытания на фронтах Первой мировой войны. (Наступающий ее столетний юбилей будет отмечаться историками и, будем надеяться, ознаменуется выходом новых фундаментальных трудов, поясняющих нынешним поколениям, какую роль сыграла «великая война» в жизни и истории наций Европы и всего мира, в приходе по ее окончании к власти диктаторских режимов.) Послевоенное политическое расслоение в Италии, как и повсюду, коснулось всех, также рабочего класса и крестьянства, среднего класса, интеллигенции, предпринимателей, образно названных в литературе «хозяевами пара».

Новаторским в отечественной историографии представляется тезис В. И. Михайленко, что «одним из первых в капиталистическом мире фашистский режим начал осуществлять концепцию частно-государственного сотрудничества» [6, 13]. В другом месте автор резонно подчеркивает, что важен был и такой субъективный фактор, как наличие устраивавшего многих лидера движения, именно «Муссолини лично осуществлял политический компромисс между фашистскими институтами, королевским двором, военными, финансовой и промышленной олигархией» [Там же, 12].

При этом остается открытым вопрос: считает ли автор, что попытки создания институциональной системы фашистского «социального государства» потерпели крах или все же они оказались успешными? И еще один вопрос: как все же, если абстрагироваться от извечного противостояния сторонников правых и левых идей, объективно, с научной точки зрения следует расценивать наследие фашизма и его пассионарного лидера, их «остаточное» воздействие на жизнь современной Италии?

В завершение хотелось бы отметить, что по прочтении интервью В. И. Михайленко возникает впечатление, что спустя 90 лет с момента прихода Муссолини к власти изучение феномена фашизма, не поддающегося упрощенным оценкам, все еще актуально. Исследователи различных гуманитарных дисциплин — историки, философы, социологи, демографы, психологи и др. — обращаются к изучению итальянского фашизма, пытаются выявить нечто особенное и общее, характерное для того периода исторического развития. Для отечественных исследователей, посвятивших свои усилия данной теме, становится необходимым обращение к трудам предшественников,

в их числе такого глубокого знатока итальянского фашизма, как В. И. Михайленко.

1. *Любин В. П.* Очерки «загостившегося поклонника» // Вышгород. Таллин, 2013. № 4–5.
2. *Любин В. П.* Социалисты в истории Италии. М., 2007.
3. *Михайленко В. И.* Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. Свердловск, 1987.
4. *Михайленко В. И., Нестерова Т. П.* Тоталитаризм в XX веке. Екатеринбург, 2000.
5. *Михайленко В. И., Любин В. П., Нестерова Т. П.* Тоталитаризм: Спор историков. Екатеринбург, 2003.
6. *Михайленко В. И.* Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена // Изв. УрФУ. Сер. 3 : Обществ. науки. 2013. Вып. 2.
7. *Михайленко В. И.* Тоталитаризм: Эвристический потенциал научного понятия // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. 2001. № 6.
8. *Михайленко В. И.* Отрицаемая история: дискуссии об итальянском фашизме // Родина : рос. ист. журн. 2011. № 4.
9. Политлексикон: события, факты, взаимосвязи. М., 2013.
10. *Mikhailenko V.* Ugo Spirito e il destino dell' idea comunista nel XX secolo // Democrazia, Nazione e crisi delle ideologie. Roma-Milano : FUS, 1996.
11. *Mikhailenko V.* Centro e periferia nello Stato Russo // Relazioni Internazionali. 1995. № 12; 1996. № 1.
12. *Mikhailenko V.* La Russia continuerà a essere statalista... // Il Foglio. 1996. 28. Dec.
13. *Mikhailenko V.* Gli storici italiani e il fascismo: Renzo De Felice // Nuova storia contemporanea. 1998. № 2.
14. *Mikhailenko V.* La mitologia dello Stato dei Soviet e lo Stato russo contemporaneo // Etica pubblica e religioni / A cura di Simona Scotti e Margarita Zarate Vidal. Firenze : Mauro Pagliai ed., 2011.
15. *Nolte E.* Späte Reflexionen über den Weltbürgerkrieg den 20. Jahrhundert. Wien ; Leipzig, 2011.

УДК 323.12(450)

А. Витале

О ФАШИЗМЕ **Размышления о статье В. И. Михайленко**

Статья В. И. Михайленко «Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена», посвященная природе фашизма и его потенциальной актуальности как исторического феномена, вызывает большой интерес, так как всего на нескольких страницах автору удалось синтезировать все ключевые аспекты исследуемого феномена, освещая как базовые характеристики такого типа политического режима, так и основные положения дискуссий о природе фашизма, развернувшихся в прошлом столетии.

Фашистская идеология формировалась как смешение различных, в какой-то степени противоположных друг другу элементов. Основным ее компонентом являлся национализм, со всей очевидностью берущий истоки от французской революционной традиции, к тому же «фашио» (*fascio*) уже являлся символом революционной республики. Огромное влияние на Муссолини оказала революция 1917 г. в России. Успешный опыт Ленина и Троцкого в организации победоносной революции и завоевании государства Муссолини стремился использовать.

В фашизме соединяются антиклерикальные, республиканские элементы, особенно чувствуются элементы революционного синдикализма. Фигура Сореля и его книга «Размышления о насилии» предопределили формирование политического воззрения Муссолини. Также в фашизме присутствуют элементы, порожденные «всеобщей волей» Руссо и берущие начало в национальном Рисорджименто (Возрождении) со всей его атрибутикой, а именно: жертвенность во имя Родины, национальная и военная религиозность во имя возрождения человечества, рассмотрение индивидуума во всем сущем, в том числе в явлении жизни и смерти, что станет центральной темой в фашистской идеологической мифологии [7].

Многие ключевые характеристики фашизма проявились уже в левых революционных силах Франции XIX в.: культ насилия, антисемитизм, национализм как наследие Революции и радикальный анти-индивидуализм [6]. Влияние Первой мировой войны, которая отдала массы от государства, стало потом определяющим моментом в формировании фашистской идеологии, которая использовала чувства «изуродованной победы», вызванные в массах и элитах разочарованиями от недостаточных итальянских территориальных приобретений в результате выигранной войны. Лозунг «Выиграли войну, но проиграли мир» стал популярным в националистической среде. Все это влияло на формирование обостренного национализма. К этому следует добавить идеи корпоративного государства, которые использовались для привлечения людей, разделяющих идеи социализма и участвовавших в рабочем революционном движении. Несмотря на первоначальный авторитаризм, новое корпоративное государство неизбежно превращалось в государство тоталитарного типа («все для государства и ничего вне государства», как утверждал Муссолини).

Идеология насилия и нации являлась всего лишь «знаменем» нового политического класса, попыткой с его стороны получить признание и поддержку, используя те проблемы, которые сотрясали итальянское послевоенное общество, находившееся в глубоком экономическом и социальном кризисе, сопровождавшемся высокой инфляцией. Это приводило к высокой активизации рабочего и социалистического движения, наиболее радикального в тот период и способного захватить фабрики и заводы. Не стоит забывать, что 21 января 1921 г. в Ливорно была создана Коммунистическая партия Италии, раньше, чем Фашистская национальная партия (ноябрь 1921 г.). Последняя практически через год после своего создания осуществила известный «поход» фашистов на Рим (28 октября 1922 г.).

Используя идеологическое знамя, состоявшее из столь противоречивых и иррациональных элементов, словно костюм Арлекино, фашизм предлагал «успокоительное» средство как для масс, которым обещались социальные реформы (вновь к ним вернуться в период республиканского фашизма Социальной Республики после 1943 г.), так и для социального слоя мелкой и средней буржуазии. Последние устали от рабочих выступлений и беспорядков, которые либеральный режим не был в состоянии контролировать. Теория, выдвинутая Анджело Таска, о возникновении фашизма как продукта господствующих классов, аграрной и промышленной аристократии или как проявление собственно «капитализма» [1] и антипролетарской реакции буржуазии является несостоятельной именно из-за того, что фашизму, особенно на втором этапе, удалось захватить самые широкие слои населения, на которые он опирался до 1938 г., особенно до провозглашения Империи. Привлекательность фашистской идеологии заключается в том, что она составлена из противоположных друг другу элементов, как это было видно, к примеру, из интервью, которое Муссолини дал немецкому писателю Эмилю Людвигу [5]. Из него становилось очевидным, что фашизм идентифицировал себя с государством, с лидером государства, целью чего являлась консолидация нации в политическое единство на основе достаточно грубого и элементарного принципа «Количество — сила» (исходя из расчета числа штыков и батальонов).

На политическом уровне завоевание фашизмом власти объясняется двумя определяющими факторами. С одной стороны, желанием амбициозного политического деятеля Муссолини добиться власти любой ценой (в том числе вопреки сформировавшемуся представлению о нем как о представителе радикального социализма, граничащего с революционным анархизмом). Он был готов захватить государство, используя любые методы, описанные Н. Макиавелли и Гюставом Лебоном в «Психологии толпы». С другой стороны, ситуация была подготовлена логическим развитием современного государства и этатизма, уже распространенного в Европе и позже использованного в легкой форме в Америке при реализации «Нового курса» (New Deal). Вместе с тем это была политика, основанная на постоянной подготовке к войне [2].

Меня, как политолога, привыкшего изучать то, что находится внутри политических идеологий, особо интересуют те аспекты, которые остаются за «масками» лидеров и политических классов, за их слоганами, к которым они прибегают, чтобы получить власть. Итальянское Рисорджименто не сделало итальянское государство национально органичным. Чтобы «создать нацию» (или «сделать итальянцев», как говорил Муссолини), необходима была жесткая централизация власти. Внутренние различия в Италии действительно были огромны. Устремления населения, включенного военной пьемонтской Монархией насильственно или фальшивыми плебисцитами в государственную структуру, были очень разнообразными по всему полуострову. Монархия использовала французскую модель и, так же как во Франции, стремилась подавить любую форму обособленности при создании унитарного государства. Общественный запрос на создание национального государства был использован

амбициозным человеком, появившимся на арене истории в нужный момент, и никто и ничто на институциональном уровне не смогло ему помешать.

Справедливости ради следует отметить, что цели и итоги Рисорджименто явились последствиями действий немногочисленной интеллектуальной элиты, а вовсе не движения масс. В связи с этим необходимо было вовлекать массы в возведение нового общественного и политического строя. Антилиберальные и антикапиталистические умонастроения получили широкое распространение, и они внесли свой вклад в распространение социалистических идей. Не стоит забывать, что в 1914 г. страна обладала благоприятными условиями для начала революции, по типу февральской, а затем октябрьской революции в России. Действительно, так же как и в России, путь к революции был проложен общественными настроениями, сложившимися в университетах и рабочих кружках, пропитанных представлениями о социально и политически сильном государстве. Как верно отмечает В. И. Михайленко, такие же настроения будут проследиваться после поражения фашизма в 1945 г. при вербовке в коммунистические ряды бывшей фашистской «интеллигенции», при разработке стратегии Тольятти для грамшианского завоевания «культурной гегемонии». Совсем не случайно в центре внимания вновь окажется наследие Рисорджименто. Автор прав, когда отмечает, что наследие фашизма в итальянской ментальности действительно еще и сегодня достаточно распространено. Оно проявляется прежде всего в идеях, четко зафиксированных в национализме, а именно в «противопоставлении коллективного принципа индивидуальному» (*Gemeinnutz geht vor Eigennutz*).

Этот принцип является наиболее универсальным объяснением самой идеи государственного коллективизма в XX в., влияние которой на Советскую Россию объяснялось прусским этатизмом немецкого происхождения. Она присутствовала в идеологии немецкой социал-демократии как на уровне политической организации партии, так и в идеальном представлении о мире, основанном на государственном принуждении индивида, как это было в милитаристском Прусском государстве [4, 47].

Муссолини был убежден, что чем сложнее обстояла социальная ситуация, тем более необходимым становилось ограничение индивидуальных свобод, которые могли бы стать слишком опасными. Отсюда вытекала необходимость дисциплинировать массы и выстраивать иерархические отношения в функционировании государства, используя при этом психологические инструменты [5, 131]. Именно поэтому является корректным использование В. И. Михайленко «водораздела» между завершившимся поражением в 1945 г. «историческим фашизмом» и тем фашистским мировоззрением, следы которого в дальнейшем проявлялись в итальянском обществе. Этот феномен укоренился в итальянской ментальности и психологии, что позволяет ему постоянно проявляться в новых обновленных формах итальянского неофашизма.

Исторический фашизм был типично итальянским продуктом, однако схожие его измененные формы имеют мировое распространение в XX в. Мы можем обнаружить его проявления в планах государственного планирования экономики, в правящих режимах любого цвета, в политическом контроле над

гражданским обществом, при осуществлении национализации и контроле над частной собственностью, в милитаризме и распространении этатизма. Гитлеровский национал-социализм выдвигал многие схожие концепции. Его развитие опиралось на мировоззрение и доктрины этатизма, склонные к вмешательству государства в экономику. Эти же идеи доминировали в немецких университетах и в политике до 1914 г. (сошлемся на «кафедральный социализм», «науку о государстве»), идеи Лассалья, Родбертуса, Трейчке, Шмоллера, Адольфа Вагнера и Ратенау).

Немецкий национал-социализм в полной мере реализовал идеи этатизма, которые к моменту прихода Гитлера к власти уже доминировали в немецком обществе и политических партиях. Этим объясняются массовое присоединение к нацистскому движению, а также та народная поддержка, которой заручился Гитлер в Германии. Конвергенция социалистических и националистических программ была связана с тем, что в обеих из них присутствовали идеи и практика национализации, государственное ограничение частной собственности, лишенное эффективности общество, в котором свобода личного выбора была подчинена властным структурам, а конкурентное распределение ресурсов упразднено. Административная и авторитарная системы содержат в себе потенциал неминуемой войны, поскольку экономический этатизм всегда пронизан враждебным отношением к соседям. Наконец, своей чрезмерной власти достигает государство в XX в.

Фашизм и нацизм не являлись результатом неожиданного выброса неуправляемой толпы или криминальных и воинственных настроений отдельных людей. Но это результат планируемого, расчетливого отношения, пропитанного неприязнью к индивидуальным свободам, рыночной экономике. Экономический национализм вобрал в себя все проявления коллективизма и этатизма, которые в совокупности смогли трансформироваться в тоталитаризм. Естественно, что итальянская культура привнесла в «исторический фашизм» свои специфические особенности, такие, как мифы объединения, возрождения страны и др.

Однако было бы ошибкой приписывать только Италии или Германии и их культурам происхождение данного феномена, который воплотился в различных формах в других странах. Имея одинаковое происхождение, сегодня этот феномен проявляет себя в чрезмерной концентрации государственной власти, в неспособности конституционным образом ограничить естественную экспансию власти, в вырождении парламентских систем, в историческом наследии абсолютизма, а также в выражении тех особых интересов, которые ставятся выше интересов общества. В этой международной практике закладываются предпосылки фашизма. Не следует забывать, что государство модерна формировалось в военно-политических целях и его главным мотором являлась подготовка к войне. Не принимая во внимание военные интересы государства, невозможно понять сам фашистский феномен. Все в логике фашистского государства было подчинено подготовке к войне. Общей для всех типов национализма является идея, сводящаяся к тому, что один человек может добиваться собственного благосостояния только в том случае, если он целиком

ведом государством. Точно так же послушно, как солдат в армии, отдельный человек должен вести себя относительно собственного народа [8, 119].

Политика силы, меркантилизм и милитаризм являются взаимосвязанными. Сформированное на этой основе милитаристское государство автоматически трансформируется в «зоркое полицейское государство», которое воспринимает общественное благополучие как усиление государственной целостности [4, 35]. Цензура и тоталитарная культурная политика стоят на страже милитаристского государства. Внутренняя организация государственной машины изменяется и интегрируется в военную систему, которая становится на службу государству. Даже «общественные отношения или социальные», которые часто используют ностальгирующие по фашизму люди, в действительности находились в зависимости от подготовки государства к войне. Образование, здравоохранение, социальное страхование, управляемые государственным тоталитаризмом, имели своей целью обеспечение «пушечным мясом», достаточно подготовленным для отправки на войну. Вся внутренняя социальная система работала на нужды войны [Там же, 36]. Многие современные сторонники «государства всеобщего благоденствия» даже не догадываются о той исторической эволюции, которую проделало государство от «полицейского государства» (*Wohlfartsstaat-Polizeistaat*) к современному «социальному государству», пройдя через фазу фашистского этатизма.

Действующая социально-политическая система Италии продолжает находить свои истоки во «втором фашизме». В 1936–1938 гг. закончился «Сан-Сеполькрестский» фашизм¹. Новый популистский фашизм укоренялся в военных победах в Африке, Испании, становясь все более демагогическим, поскольку необходимо было растворить массы в государстве, добиться их полной поддержки при помощи организации общественного согласия (*consensus*). К этому выводу пришли исследователи Ренцо Де Феличе и Джордж Моссе.

Именно к этому времени сформировался новый политический класс, очень похожий своим социальным происхождением на антифашистский. «На смену сословной иерархии приходит иерархия функций», как справедливо отмечает В. И. Михайленко. Фашистское государство широко использует для «подкармливания» нового политического класса предоставление политических благ, общественных должностей, высокие зарплаты, которые гарантированы государственной властью. Это наследие государственного *дирижизма* проявится после 1945 г. в отношении антифашистских политических классов и станет основой социальной политики Первой республики [3], приспособленной к развиту этатизму.

В современной Италии можно найти немало следов фашизма, начиная от статей Уголовного кодекса и заканчивая самой системой административного управления, но прежде всего они проявляются в менталитете людей. Однако возможность того, что одна из форм фашизма может возродиться, является общей проблемой для всех стран, особенно в период тяжелого экономического

¹ Первая фашистская программа была принята в 1919 г. в Милане на площади Сан-Сеполькро.

кризиса. Как писал известный экономист Людвиг фон Мизес, «люди цепляются за этатизм, и это великий самообман, что можно разрушить их веру во всемогущество правительства» [8, 198].

Перевод К. М. Романовой-Табарицовой

1. *Tasca A.* La Naissance du fascisme. Gallimard, Paris 1938. (Trad. ital.: Nascita e avvento del Fascismo, La Nuova Italia, 1950 e 1955 e Laterza, Bari, 1965.)
2. *Schivelbusch W.* Three New Deals: Reflections on Roosevelt's America, Mussolini's Italy, and Hitler's Germany, 1933–1939. Metropolitan Books, 2006.
3. *Miglio G.* Una Costituzione per i prossimi trent'anni. // Intervista a cura di M. Staglieno, Laterza, Bari 1990.
4. *Hintze O.* Stato e esercito. (*Staatsverfassung und Heeresverfassung*, 1906). Flaccovio, Palermo 1991.
5. *Ludwig E.* Colloqui con Mussolini (1932). Mondadori, Milano 1965.
6. *Gottfried P.* Le origini di sinistra del Fascismo. Spunti critici sull'opera di Zeev Sternhell // Futuro Presente. 1993. № 4. P. 11–116.
7. *Accame G.* Religio mortis e lotta politica // Futuro Presente. 1993. № 3. P. 122–142.
8. *Mises L. von* In nome dello Stato. (Im Namen des Staates oder die Gefahren des Kollektivismus, 1978). Rubbettino 2012.

УДК 323.12(450)

Л. Люкс

**ИТАЛЬЯНСКИЙ ФАШИЗМ И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ:
КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ О ПАРАЛЛЕЛЯХ И РАЗЛИЧИЯХ
По поводу интервью В. И. Михайленко «Итальянский фашизм 90 лет
спустя: актуальность исторического феномена»**

В моей краткой заметке посвященной чрезвычайно насыщенному и информативному интервью профессора Михайленко, я хотел бы сосредоточить свое внимание лишь на одном вопросе: на сравнении фашистского режима в Италии и нацистской диктатуры. Я полностью согласен с Валерием Ивановичем и с Р. Де Феличе, на которого проф. Михайленко часто ссылается, что фашистская диктатура в Италии существенно отличалась от нацистского режима. Хотя итальянские фашисты и определяли свое государство как «тоталитарное», в случае фашизма в Италии речь шла, по мнению многих авторов, о «неполном тоталитаризме» [1, 156, 161–164].

В отличие от национал-социализма у итальянского фашизма не было монокаузальной модели объяснения мира, лежавшей в основе апокалиптических преступлений нацистского режима. Несмотря на свою манию величия, итальянский фашизм не инициировал мировую революцию, писал американский политолог Зигмунд Нейман [3, 111].

Радикальные словесные тирады Муссолини в действительности воплощены не были. Ему не был свойствен и беспощадный фанатизм Гитлера, по крайней мере до начала 30-х гг. В итальянском фашизме не было ни Освенцима, ни Трешлинка. Но, несмотря на все эти различия, существовали все же и параллели между двумя правэкстремистскими режимами. Несмотря на свою тягу к прагматизму, итальянский фашизм никогда не терял своего изначального революционного характера. Хотя он и не смог в такой степени индоктринировать и изменить подвластное ему общество, как национал-социализм, он никогда не терял эту цель из виду. Хотя Муссолини и пытался на время усмирить радикально-террористическое крыло своего движения во главе с Роберто Фариначчи, чтобы не подвергать опасности свой союз с консервативными элитами, радикалы никогда не были лишены власти окончательно. Муссолини они были нужны как противовес, чтобы не попасть в полную зависимость от его консервативных союзников. Итальянский фашизм сохранял до конца свою изначальную радикальность, которую воплощала прежде всего фашистская милиция (MVSN). Немецкий историк Вольфганг Шидер пишет по этому поводу: «Для радикальных партийных лидеров, как Акилле Стараче, Роберто Фариначчи, да и для самого Муссолини, фашистская милиция еще в 30-х годах была основной политической надеждой режима. <...> Несмотря на то что фашистскому режиму... не удалось сформировать из милиции элитное военное формирование наподобие Ваффен-СС, важен по меньшей мере сам факт такой попытки» [4, 99–110].

Итальянский фашизм отличал от классических бюрократически-авторитарных режимов и тот факт, что он никогда не отказывался от создания «нового человека» и нового, никогда доселе не существовавшего общества. Как пишет итальянский историк Эмилио Джентиле, «фашисты считали себя — как и футуристы — “конструкторами будущего”. Фашистский миф о “перманентной революции” был к тому же модернистским, так как он заставлял фашизм не почитать на своих успехах и не стабилизировать свою позицию власти через осторожную политику сохранения, а заставлял его посредством постоянного придания импульса своей изначальной сущности чувствовать себя обязанным и даже вынужденным конструировать новую реальность будущего и оставить свой отпечаток для грядущих цивилизаций» [2, 399].

Кроме того, фашизм и нацизм объединяло прославление насилия и войны, и эта «тяга к войне» являлась как бы центральной движущей силой обоих режимов. Поскольку фашисты и нацисты пришли к власти не через устранение правящих до этого элит, а через компромисс с ними, их «захвату власти» недоставало принудительного характера, отличавшего путь большевиков к власти с осени 1917 г.

Как фашисты, так и нацисты пытались завуалировать этот факт, поскольку он противоречил насаждаемой им концепции об открытии новой исторической эпохи. В обоих случаях передачу власти они стилизовали под «захват власти», даже под революцию. Однако из-за союза с консервативными элитами путь к глубоким социальным преобразованиям в обеих странах оказался закрыт. Поэтому территориальная экспансия представляла собой важнейший клапан для разрядки накопившегося напряжения.

Уже в 20-х гг. многие наблюдатели предсказывали, что фашизм неминуемо свергнет Европу в войну. Например, Филиппо Турати, один из лидеров Итальянской социалистической партии, заявил в 1928 г., что фашизм родился из войны и должен неизбежно породить войну [5, 143].

Общая для режимов Муссолини и Гитлера «тяга к войне» привела к тому, что, несмотря на первоначальные конфликты, они становились друг другу все ближе. Так, Муссолини заявил 4 февраля 1939 г. в своей речи перед *Большим фашистским советом*: «Политика оси Рим — Берлин отвечает... исторической необходимости первостепенного значения» [4, 106].

Вольфганг Шидер пишет: «Идеологическое возвышение совместных с Гитлером политических действий возникло не из простой риторики. Оно с самого начала скорее показало, что привязанность к родственному по духу германскому диктатору была для Муссолини чем-то большим, чем просто тактический расчет» [5, 143].

-
1. *Aquarone A.* L'organizzazione dello Stato totalitario. Torino 1965. Stanley Payne: Geschichte des Faschismus. Aufstieg und Fall einer europäischen Bewegung. B. ; München 2001.
 2. *Gentile E.* The Origins of Fascist Ideology 1918–1925. N. Y., 2005. P. 399.
 3. *Neumann S.* Permanent Revolution. Totalitarianism in the Age of International Civil War. N. Y., 1965. P. 111.
 4. *Schieder W.* Kriegoorientierung im faschistischen Italien // Faschistische Diktaturen. Studien zu Italien und Deutschland. Göttingen, 2008. P. 99–110.
 5. *Turati F.* Faschismus, Sozialismus und Demokratie / E. Nolte (ed.): Theorien über den Faschismus. Köln, 1967. S. 143–150.

УДК 323.12(450)

О. Э. Терехов

МЕЖДУ НАУКОЙ И ИДЕОЛОГИЕЙ: АКТУАЛЬНОСТЬ ФЕНОМЕНА НЕМЕЦКОЙ «КОНСЕРВАТИВНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

В первом номере «Известий Уральского федерального университета» (Серия 3. Общественные науки) за 2013 г. в рубрике «Форум» было опубликовано интервью известного отечественного итальяниста, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой теории и истории международных отношений УрФУ В. И. Михайленко, посвященное «знаменательной» в европейской и итальянской истории XX столетия дате — 90-летию «похода на Рим» итальянских фашистов и соответственно прихода Бенито Муссолини к власти [3]. Главная идея автора, с которой нельзя не согласиться, вынесена в заголовок интервью. В. И. Михайленко акцентирует актуальность исторического феномена итальянского фашизма, подчеркивает многофакторность его идейно-политических предпосылок, отмечает неоднозначность его воздействия

на итальянскую и европейскую общественность, продолжительность влияния его духовного наследия.

Во время известного «спора историков» ФРГ второй половины 1980-х гг. о сущности германского национал-социализма Э. Нольте, пытаясь показать актуальность и значимость феномена нацизма, ввел в научный и общественно-политический дискурс выражение «прошлое, которое не хочет уходить», вполне, на наш взгляд, применимое и к итальянскому фашизму. В этой связи хотелось бы отметить следующее: в своем интервью В. И. Михайленко рассматривает итальянский фашизм через призму новейших исследовательских методов и практик и прежде всего через проблемы изучения кризиса традиционных идеологий, концепции модернизации, оценки влияния интеллектуалов (интеллигенции) на идеологию и политику межвоенного периода. В последние 20–30 лет именно в русле исследования этих проблем были созданы наиболее значительные труды, посвященные духовному и идейно-политическому развитию, вновь используя терминологию Э. Нольте, эпохи «европейской гражданской войны».

В процессах, протекавших в духовной и общественно-политической жизни Запада в межвоенный период в условиях быстрого становления «массового общества», роль и значение интеллектуалов как генераторов и трансляторов неких идейных концепций значительно возросли, особенно когда «у традиционной либеральной и консервативной идеологии и политики практически не было шансов на завоевание масс» [3, 7]. В окопах Первой мировой войны погибла не только несокрушимая вера XIX столетия в прогресс, но и та идейная основа, которая питала эту веру.

30 января 2013 г. прошло восемь десятилетий со времени назначения президентом Веймарской Германии Гинденбургом лидера Национал-социалистической рабочей партии Германии Адольфа Гитлера на пост рейхсканцлера. Тогда в Германии и Европе мало кто представлял значение этого события. Прозрение пришло гораздо позже, в «час ноль», на руинах Третьего рейха и немецкой истории. В многочисленных дискуссиях о германском национал-социализме одно из главных мест занимает проблема духовной и моральной ответственности немецкой интеллигенции за приход нацистов к власти. Как, каким образом страна философов и поэтов допустила такое? Как показало время, однозначного ответа на этот вопрос не существует. Однако сила и мощь интеллектуального наследия немецкой общественно-политической и гуманитарной мысли первой половины XX в., в том числе и в ее отрицательных моментах, оказались столь сильны и притягательны, что последствия ее воздействия мы ощущаем до настоящего времени.

Дело здесь не в идеологии национал-социализма, сформулированной достаточно примитивно и явно выходящей за рамки традиций рафинированных германских интеллектуально-идеологических штудий. Вопрос заключается в том, почему мировоззренческие и морально-этические основания немецкой интеллектуальной мысли имели ярко выраженный дихотомический характер? И в чем заключается секрет притягательности германского интеллектуального продукта, который даже в его мефистофельском воплощении продолжает привлекать внимание?

Не беря во внимание всю социокультурную составляющую возможных ответов на эти вопросы, отметим, что одной из главных традиций германской интеллектуальной мысли (на этом базируется высокий социальный статус интеллектуалов в немецком обществе) стала попытка связать фундаментальные вопросы бытия с их конкретным повседневным проявлением, в этом немецкий интеллектуал сродни с русским интеллигентом. В итоге получался некий гибридный продукт, нечто среднее между наукой и идеологией. Правда, претворение в жизнь этого продукта не всегда соответствовало представлениям его создателя, да и осуществляли его зачастую другие люди, но на этот факт поначалу никто не обращал внимание.

Проиллюстрируем двойственность и одновременно значимость положения немецких интеллектуалов эпохи «европейской гражданской войны» на примере феномена идеологии «консервативной революции», самого необычного явления в консервативном идейно-политическом лагере периода Веймарской республики в Германии. Национал-социализм можно считать побочным детищем «консервативных революционеров», хотя полностью отождествлять два этих феномена в напряженной духовной и общественно-политической атмосфере Веймарской Германии не следует, к тому же сами «консервативные революционеры» отдавали большее предпочтение итальянскому фашизму и Муссолини, чем национал-социализму и Гитлеру, что неоднократно отмечали как современники, так и последующие исследователи «консервативной революции» [5, 9].

Идеология «консервативной революции» возникла в Германии на пике общественно-политического кризиса 1918–1919 гг. Поражение Германии в Первой мировой войне, Ноябрьская революция, учреждение демократической Веймарской республики, Версальский мирный договор нарушили устоявшийся жизненный уклад немецкого общества и перевернули общественные представления немцев. В условиях краха идеологии германского консерватизма предвоенной эпохи начинается раскол среди германских консерваторов. Представители молодого и частично среднего поколения немецких консерваторов выступили против возвращения к традиционной консервативной идеологии и политике кайзеровского толка, что привело к возникновению идеологии «консервативной революции», идейные предпосылки которой формировались еще до войны.

«Консервативная революция» была попыткой создания нового немецкого консерватизма и национализма радикального характера. Четко очертить ее идейные и политические границы едва ли представляется возможным, так как она не обладала программным и политическим единством. Ее деятели стремились обновить германский консерватизм и придать ему современный и динамичный характер. К числу характерных черт «консервативной революции» обычно относят национализм, антилиберализм, противопоставление немецкого народного духа и немецкой культуры ценностям западной цивилизации, поиск особого пути исторического развития Германии в русле «немецкого (прусского) социализма», идею корпоративного государства, бескомпромиссную борьбу против Веймарской республики. Эти черты делали «консервативную

революцию» родственной национал-социализму — другому, более радикальному течению германского консерватизма периода Веймарской республики в Германии.

«Консервативные революционеры» отвергали парламентский путь достижения своих целей и считали, что они могут быть достигнуты только революционным способом. Ее сторонникам грезилась новая, истинно «немецкая революция», которая возродит Германию. Иными словами, «консервативная революция» представляла собой довольно причудливую смесь из национальных мифов, острой критики буржуазно-либерального общества, витализма и иррационализма, культурпессимизма и политического романтизма и в то же время обладала ясным пониманием невозможности удержать традицию в рамках добуржуазных общественных и экономических структур. Образно говоря, «консервативная революция осталась в истории последним ярким явлением немецкого романтизма» [4, 133]. К числу видных протагонистов «консервативной революции» относят Артура Мёллера ван ден Брука, Освальда Шпенглера, Эрнста Юнгера, Карла Шмитта, Эдгара Юлиуса Юнга, Ганса Церера, Эрнста Никиша и ряд других деятелей немецкого консерватизма в Веймарской республике.

Влияние консервативно-революционного движения на общественно-политическую жизнь Веймарской Германии осуществлялось по трем направлениям.

Во-первых, благодаря персональному вкладу в различные области культуры и высокому личному авторитету его представителей. О. Шпенглер являлся видным философом истории и культуры, автором нашедшего «Заката Европы», издание которого рассматривается как начало формирования идеологии «консервативной революции». К. Шмитт по праву считается одним из ведущих немецких юристов и политологов Веймарской Германии. Э. Юнгер в 1920-х гг. вошел в число наиболее популярных немецких писателей. А. Мёллер ван ден Брук еще до Первой мировой войны получил известность как публицист и литературный критик. Его работы, написанные уже после войны, в том числе и знаменитый «Третий рейх», принадлежат к числу фундаментальных трудов, в которых были выражены ключевые идеи «консервативной революции».

Во-вторых, через издательскую деятельность. Практически каждая более или менее значительная группа «консервативных революционеров» имела свой печатный орган. К числу крупных печатных органов принадлежали журналы «Die Tat», «Der Ring», «Das Gewissen», «Deutsche Rundschau», «Deutsches Volkstum», «Die Standarte», «Arminius» и ряд других.

В-третьих, в опосредованном политическом воздействии «консервативных революционеров» на общественно-политическую ситуацию в Веймарской Германии. Так, например, один из ведущих идеологов «консервативной революции» Э. Ю. Юнг был ближайшим помощником известного правого деятеля, одного из «могильщиков» Веймарской республики Ф. фон Папена.

И наконец, в-четвертых, в завораживающих своей новизной и мифологичностью идеологических конструкциях ведущих представителей «консервативной революции». О. Шпенглер сформулировал концепцию «прусского соци-

ализма». Переход Шпенглера после 1918 г. на позиции «консервативной революции», что в итоге позволило ему стать одним из ведущих ее идеологов, не был случаен. Уже в первом томе «Заката Европы» (1918), написанном в годы Первой мировой войны, он с позиции немецкого консерватора выстраивает глобальную философско-историческую концепцию развития человечества. В центре этой концепции находилась одна из ключевых идей немецкой гуманитарной мысли — борьба цивилизации и культуры. Шпенглер, следуя традиции консервативной критики цивилизации, утверждал, что переход к цивилизации в политическом отношении есть переход от сословного порядка к современному массовому обществу, парламентской и партийной демократии. Парламентская демократия стала признаком распада сословного порядка, сторонником которого являлся Шпенглер [6, 114–116].

Шпенглер как консерватор выступал за сохранение традиций, но его консерватизм был иного рода, чем традиционный германский консерватизм кайзеровской эпохи. Он понимал, что старые традиции в его эпоху были уже в значительной мере утрачены и связь поколений нарушена. Традиции уступили место индивидуализму классов, слоев, индивидуумов. Как и консерваторы XIX в., Шпенглер рассматривал общество как органическое целое, однако существенным отличием его представлений об обществе от представлений о нем традиционного консерватизма является отсутствие опоры на религию. Шпенглер являлся последователем Ницше, провозгласившим, что «Бог умер». Шпенглер отрицал влияние церкви на процесс формирования государственной политики. По его мнению, государство основывается на принципе «воли к власти» и не нуждается ни в какой божественной санкции.

А. Мёллер ван ден Брук обосновал новые ценностно-мировоззренческие ориентиры для немецкого консерватизма. Его перу также принадлежат работы, в которых предпринята попытка изложения внешнеполитической доктрины германского «революционного консерватизма», в частности проблемы взаимоотношения с Советской Россией. Мёллер ван ден Брук уже в своих довоенных работах выразил эстетическое неудовлетворение культурой и повседневностью кайзеровского рейха и позиционировал себя как немецкого националиста, презиравшего буржуазию и все, что с ней связано. В дальнейшем исследователи неоднократно указывали на то, что истоки младоконсерватизма Мёллера ван ден Брука находятся в его довоенных сочинениях. Ведущий идеолог французских «новых правых» Ален де Бенуа писал относительно истоков политического мировоззрения Мёллера ван ден Брука: «Для того чтобы узнать характер разных народов, утверждает он, искусство дает намного больше ключей, чем политические и общественные институты. Это выливается у него в примат эстетики: образ общества — это прежде всего художественный образ» [1].

В «библии» немецкой «консервативной революции», книге «Третий рейх», Мёллер попытался пересмотреть роль консервативных ценностей в немецком обществе. Им было заявлено о необходимости трансформации консервативной идеи с учетом современных политических задач. Идеология германского консерватизма кайзеровской эпохи находилась, по мнению Мёллера, в упадке

и она была уже не в состоянии возбудить в сердцах людей столь необходимую энергию, как раньше. Современная задача германского национального движения должна заключаться в подготовке масс к будущим свершениям, в придании им политической динамики. Нация должна проснуться. Разбудить ее могла только национально и патриотически ориентированная интеллигенция, стоящая на позициях революционного консерватизма. Гитлер был восхищен работами Мёллера и пытался получить авторитетного идеолога в союзники; такой союз Мёллер, как известно, категорически отверг.

Э. Юнгера по праву считают глашатаем нового понимания мира и человека. Актуальность интеллектуального наследия Юнгера заключается в том, что он дал всеобъемлющую оценку последствиям наступления эпохи так называемого «второго модерна» с точки зрения ее философско-исторических, социально-философских и идейно-политических перспектив. В этом отношении философская эссеистика и публицистика Юнгера не менее значимы, чем его литературное наследие. Он стремился выявить как позитивное, так и негативное влияние модерна на общественное сознание. Анализ и критика различных политических проектов модерна стали характерной чертой творчества Юнгера как диагноста эпохи. Но он, вероятно, так и остался бы в ряду многочисленных критиков модерна, если бы не предпринял попытку сформулировать собственный идеологический и философский проект видения современного общества. Э. Юнгер попытался примерить национализм с перспективами общественной и научно-технической модернизации Германии, что воплотилось в его концепции «тотальной мобилизации» и образе «Рабочего» как воплощения технико-индустриального мира.

В центре правовой и политической мысли К. Шмитта находилась категория «государство», которое он понимал в русле традиций немецкого обществознания как субстанциональное единство. Из такого подхода к определению сущности государства вытекало его отрицательное отношение к либеральному государству. По существу, Шмитт стал автором, и этого не скрывал, концепции диктатуры тоталитарного государства (тотального, по терминологии того времени). Он ввел в научный оборот такие политико-юридические категории, как политическая теология, понятие «политического» и дихотомия друга/врага в политике, которые прочно вошли в лексикон современной гуманитарной мысли. Но дело не в том, что на Шмитта западногерманская и европейская общественность возложила все грехи «консервативно-революционного» движения, а в том, что Шмитт рассматривается в немецкой и западной гуманитарной мысли прошедшего столетия как наиболее значительный критик принципов политического плюрализма, демократии, либерализма, оппонент парламентаризма и почитатель итальянского фашизма, противник правового государства, естественного права и сторонник неабсолютизма. Однако, с другой стороны, эта в своем роде уникальность политической философии Шмитта, которую не оспаривали даже его непримиримые интеллектуальные оппоненты, как, например, бывший ученик и будущий отец-основатель идеологии неоконсерватизма Лео Штраус, вызывает неослабевающий интерес к его творчеству [2].

Двойственность интеллектуального облика «консервативной революции», смещение в ее идеологии сугубо политических и научных идей способствовали значительному интересу к феномену в современной гуманитарной мысли. В историографии «консервативной революции» выделяются три ключевые проблемы: определение ее сущности, анализ персонального вклада в разработку ее идеологии ее видных представителей, ее отношение к национал-социализму.

Относительно сущности «консервативной революции». В настоящее время существуют две общепризнанные концепции, которые по-разному трактуют феномен: основоположника историографии «консервативной революции» А. Молера и одного из ведущих социологов современной Германии Ш. Бройера. Под «консервативной революцией» Молер подразумевал «духовное движение обновления, которое покончило с оставшимися позади руинами XIX столетия и пыталось создать новый порядок жизни» [8, S. XXVIII]. Бройер полагает, что «консервативная революция» не была консервативна в том смысле, в каком ее понимают. Несмотря на апелляцию к традиционным формам политического сознания и использование символов немецкого консерватизма, она явственно несла черты модерна [5, 180]. Бройер считает «консервативную революцию» одним из проявлений кризиса буржуазного сознания в форме нового национализма, родившегося в недрах массового общества, стремившегося разрушить партикулистские узкоклассовые интересы «старого» консерватизма и рассматривающего нацию как единое целое. Более того, он полагает, что необходимо отказаться от самого понятия «консервативная революция», так как оно скорее запутывает рассматриваемый феномен, чем проясняет его.

Что же касается изучения персоналий «консервативной революции», то все исследователи указывают на единство науки и идеологии в трудах ее видных представителей. Наиболее сложной оказалась проблема соотношения «консервативной революции» и национал-социализма. Проблема вины «консервативных революционеров» за идейную подготовку Третьего рейха стала основополагающей в оценке их взаимоотношений с национал-социализмом в послевоенной историографии. Подходы к трактовке этой проблемы зачастую были краеугольным камнем оценки идейно-теоретического наследия «консервативной революции» в целом как явления германского радикального консерватизма и служили водоразделом в ее анализе различными направлениями гуманитарной мысли: либеральным, социал-реформистским, консервативным и марксистским. Так, например, по словам Ф.-Л. Кроля, трактовка проблемы взаимоотношения между концептами «консервативной революции» и национал-социализма спровоцировала в западногерманской историографии одну из острейших дискуссий после 1945 г. [7, 103–104].

Сохраняющаяся актуальность немецкой «консервативной революции» выражается в том, что ее влияние присутствовало и присутствует в духовной, политической и научной жизни послевоенной Европы. Вклад ее видных представителей в различные сферы западной культуры настолько весом, что, занимаясь проблемами новейшей истории идей, истории философии XX столетия, политологии и т. д., невозможно игнорировать их труды. Такие произведения,

как «Закат Европы» О. Шпенглера, «Рабочий» Э. Юнгера, «Понятие политического» К. Шмитта вызвали не только общественно-политический резонанс, но и широкую научную дискуссию. После Второй мировой войны в политическом отношении идеологемы «консервативной революции» подпитывали «новых правых» в ФРГ и во Франции, итальянских неофашистов.

1. *Бенуа А. де.* Артур Мёллер ван ден Брук: Биография консерватора [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=1131> (дата обращения: 20.05.2013).

2. *Майер Х.* Карл Шмитт, Лео Штраус и «Понятие политического»: О диалоге отсутствующих. М., 2012.

3. *Михайленко В. И.* Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность исторического феномена // Изв. УрФУ. Сер. 3 : Обществ. науки. 2013. № 1 (112).

4. *Сендеров В.* Кризис современного консерватизма // Новый мир. 2007. № 1.

5. *Breuer S.* Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993.

6. *Felken D.* Oswald Spengler: Konservativer Denker zwischen Kaiserreich und Diktatur. München, 1988.

7. *Kroll F.-L.* Konservative Revolution und Nationalsozialismus: Aspekte und Perspektiven ihrer Erforschung // Stand und Probleme der Erforschung des Konservativismus. В., 2000.

8. *Mohler A.* Die Konservative Revolution in Deutschland 1918–1932; ein Handbuch. 4. Aufl. Darmstadt, 1994.

9. *Mohler A., Weißmann K.* Die konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: ein Handbuch. 6, völlig überarb. und erw. Aufl. Graz, 2005.

УРАЛЬСКАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (uAnalytiCon)

В последние годы кафедра онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук нашего университета регулярно проводит встречи специалистов под общим названием «Уральская аналитическая конференция (uAnalytiCon)». На встречах обсуждаются проблемы аналитической философии, философии математики, логической семантики, интенциональных логик, методологии искусственного интеллекта, когнитивных исследований. В мероприятиях принимают участие ученые из Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Самары, Саратова, Томска, Новосибирска. В этом выпуске журнала мы публикуем подборку статей ряда постоянных участников обсуждений.

УДК 164.3 + 510.643 + 34.023

Е. Н. Лисанюк

ЛОЯЛЬНЫЙ АГЕНТ И ОТМЕНЯЕМОСТЬ В ДЕОНТИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ*.¹

На основе разграничения между детерминистскими и индетерминистскими подходами исследуется нормативная деятельность агента и выделены две группы сценариев лояльного поведения агента, подразумевающего выполнение норм некоторого кодекса. Ключевым аспектом анализа выступает понятие отменяемости нормы, которое трактуется как уточнение обстоятельств ее выполнения или компенсирующая норма. Отменяемость нормы моделируется тремя способами: сначала посредством оператора пересмотра К. Альчуррона, затем — при помощи *cstit*- и *dstit*-операторов и далее — на основе динамической семантики ван Бенгема, Гросси, Лю с учетом предпочтений и приоритетов выполнимости. На примере «Деонтики» Э. Малли, претендовавшей на то, чтобы быть логикой воли (агента), демонстрируется, что в целях успешной реализации этого замысла язык формальной теории и ее аппарат должны предусматривать соответствующие выразительные возможности не только для моделирования норм, но также и для анализа нормативной деятельности агента. Обоснованы выводы о слабонормальном характере условно-отменяемой нормы и о наличии двух подходов к отменяемости, ключевой характеристикой которых является замкнутый или незамкнутый характер сценариев выполнения норм.

К л ю ч е в ы е с л о в а: норма, отменяемость, рациональный агент, Э. Малли, К. Альчуррон, *stit*-структуры, стратегии поведения, динамический подход.

Одна из центральных проблем логики норм сегодня — создание логического аппарата для анализа поведения рационального агента (агентов) в условиях существования нормативных кодексов и факта нормативного регулирования такого поведения со стороны другого рационального агента (агентов). Назовем ее проблемой нормативной деятельности агента.

Воображение привычно рисует образ гражданина в качестве рационального агента и образ государственного института в качестве агента нормативного регулирования и создания нормативных кодексов. Это одна из возможных «визуализаций» ситуации, однако не единственная. Условимся считать, что имеется два агента, один из которых является создателем актуальной нормативной системы, или авторитетом данной нормативной системы, выступая авторитетом каждой нормы, принадлежащей данной системе. Второй агент — это субъект данной нормативной системы, или ее адресат. Здесь мы рассмотрим поведение лояльного агента, стремящегося к реализации личных целей в рамках имеющихся нормативных установлений. Такой агент отводит требо-

* Исследование поддержано РФФИ, проект № 11-06-00206а.

¹ Данная статья написана по результатам сообщений на II Российско-французском коллоквиуме по логике (17–18 июня 2013, Санкт-Петербург) и на международной конференции «VIII Смирновские чтения по логике» (19–21 июня 2013, Москва). Автор благодарит А. И. Мигунова, Ю. В. Нечитайлова, Ю. Ю. Черноскутова, Г. В. Сорину, Н. С. Никитченко за ценные замечания и дискуссии, а также анонимного рецензента, чьи рекомендации были весьма полезными.

ваниям нормативной системы регулирующую роль, но не конститутивную, и считает выполнение этих требований коррелятом выстраивания своей жизненной стратегии. Здесь мы ограничим исследование проблемы нормативной деятельности агента выявлением особенностей поведения только двух типов агентов, играющих в нормативных системах ключевые роли, — это создатель норм, или нормативный авторитет, и их адресат, или субъект норм. Тем самым мы абстрагируемся от того, что на практике имеется многообразие рациональных агентов, субъектов и создателей нормативных систем. Важно понимать, что обязанность, позволение и запрет, рассмотренные с точки зрения нормативной системы, их содержащей, и с позиций субъекта, которому они адресованы, — это различные интенциональные объекты.

Проблема нормативной деятельности агента имеет по крайней мере два ракурса рассмотрения. Первый ракурс — это деятельность рационального агента, подразумевающая обозначенное выше различие между имеющейся в данном социуме нормативной системой и нормативной системой в представлении агента, формулирующего линию поведения с учетом некоторых норм, могущих относиться к разным нормативным кодексам, например, правовым, моральным и пр. Второй ракурс составляют разнообразные аспекты поведения рационального агента: предпочтение агентом одной линии поведения перед другими альтернативами, доступными ему в определенный момент, а также приоритетность в отношении исполнения им действующих норм, из которых одним агент может отводить более важное место в своей жизненной стратегии по сравнению с другими. Исследований, посвященных этим двум группам вопросов, немного.

В данной статье мы остановимся на втором ракурсе, и нормативную деятельность лояльного агента будем понимать в смысле конструирования им линии поведения с учетом непротиворечивого сочетания адресованных ему норм и его личных предпочтений. Нормативистская философия права трактует этот вопрос в русле создания агентом единой ценностной иерархии, которая была бы способна объединить нормативную систему и ее субъекта независимо от того, какой философской позиции придерживаться касательно онтологических оснований норм [1]. Между ситуацией, возможно воображаемой, когда выполняются все нормы некоего нормативного кодекса или хотя бы часть из них, с одной стороны, и фактическим поведением ее субъекта, в котором эти нормы реализуются или, наоборот, нарушаются, имеется определенный выполнимостный разрыв, который, однако, ни в коей мере не отменяет самого кодекса норм. Выполнимостный разрыв появляется очевидным образом, когда агент пренебрегает какими-то нормами. Такой разрыв может быть и результатом того, что некоторые нормы данного кодекса вообще оказались не востребованы. Например, если в кодексе имеется запрет на действие, осуществить которое никто не пытался. Наличие выполнимостного разрыва между кодексом норм и их выполнением агентом не играет большой роли для исследования логических отношений между нормами, составляющими данный кодекс. Вместе с тем выявление такого разрыва и уточнение его логических аспектов играет первостепенную роль для изучения того, каким образом нормативный

кодекс влияет на формулирование агентами линии поведения. Такая задача стояла перед исследователями деонтической логики с самых первых шагов ее становления.

Создание унифицирующей семантической модели — один из возможных подходов к ее решению [9]. Идея аналогии между деонтическими и алетическими модальностями, выдвинутая Г. Лейбницем, была основана на особой константе *vir bonus* — «нравственно идеального человека» [5]. В «Деонтике» Э. Малли также была предпринята попытка построить логическую теорию нормативной деятельности агента, учитывающую особенности нормативной системы и представлений о долге агента, ею руководящегося [14]. В XX в. теория нормативных систем, начиная со статьи Г. фон Вригта «Деонтическая логика» 1951 г. [15], развивалась вне идеи агентных обязательств, исследование которых было подготовлено становлением логики действий [4], вклад фон Вригта в которую во многом был продиктован выразительной бедностью первых деонтических формализмов. Адекватные формализмы агентных обязательств были предложены в конце XX в. в рамках трех концепций: логики изменения убеждений, к которой относятся также и АГМ-теории, динамической логики, включая ее динамо-эпистемические приложения, а также концепции stit-теорий. В последнее время активно исследуются возможности создания гибридных формализмов [6], в том числе и в рамках теории принятия решений [3], а также формализмов, редуцирующих понятия «ситуации» и «положения дел» к действиям агентов [11] или основанных на модификации стандартных деонтических операторов в духе динамической логики [7].

В чем же состоит проблема создания логического аппарата для анализа социального поведения рационального агента (агентов) в условиях существования нормативных кодексов и почему она важна? Логическое исследование нормативных систем (кодексов) и логическое изучение поведения рациональных агентов — это разные направления современной логики, которые исходят из различных и часто несовместимых базовых допущений и используют трудносоединяемые методики анализа. Об этом свидетельствует подход Мейнонга — Чизхольма, согласно которому то, что агент обязан делать в конкретной ситуации, определяется наличием доступных ему альтернативных историй развития событий, а также тем, как они соотносятся между собой [13, 46].

Создание логического формализма на основе этого подхода и вне формальных разграничений между действиями агента и нормами чревато нежизнеспособностью теории, что продемонстрировал Э. Малли в своей «Деонтике» [9]. Деонтическое исчисление Э. Малли не влечет противоречивых следствий и не имеет сугубо формальных изъянов. Его неприемлемость носит содержательный характер и связана с тем, что доказуемые в нем теоремы делают избыточным деонтический фрагмент. Причина такого коллапса заключается в том, что логические постулаты, отражающие, по мнению Малли, свойства «правильной воли» субъекта, совпадают с постулатами нормативного долженствования вообще, о чем прямо говорит аксиома III:

$(A \text{ f } B) \leftrightarrow !(A \rightarrow B)$, где *f* — символ формальной импликации нормативного характера, описывающий нормативно-необходимую условную связь между

положениями дел, а! — аналог монадического деонтического оператора, выражающего «правильную волю» [14]. Таким образом, если Лейбниц предложил соединить норму в представлении ее субъекта, или агентный долг, и независимое от агента обязательство, вытекающее из имеющейся нормативной системы, посредством особой константы, то Малли попытался выразить это синтаксически. Позиция Лейбница, абстрагирующаяся от разграничений между нормами в представлении агента и нормативной системой вообще, послужила отправной точкой для линии Лейбница в деонтической логике, а идею Малли в конце XX в. стали называть подходом Мейнонга — Чизхольма, хотя, пожалуй, не менее справедливо было бы назвать ее подходом Мейнонга — Малли.

Одним из острых вопросов нормативной деятельности агента является свойство отменяемости, присущее в том или ином отношении многим нормативным установлениям. В силу различных обстоятельств, как-то: изменения в самом кодексе, возникновение новых практик общественной жизни, действия агента, — некоторые нормы кодекса могут приобретать больший или меньший вес, прекращать свое действие или, наоборот, вступать в силу. Отмены и модификации отношений приоритетности и иные изменения нормативного кодекса могут происходить и по воле нормативного авторитета или в процессе правоприменения, однако в этом случае изменяется сам кодекс. Действия агента не меняют кодекс, но, несмотря на это, способны вызвать особого рода отмены, изменения отношений приоритетности между нормами и запуск компенсирующих норм в актуальных кодексах.

Различают три разновидности отношения отменяемости применительно к нормативным кодексам: фактическое исключение, уточнение (для обязательств *prima facie*) и запуск компенсирующих норм в случае нарушения некоей нормы. Фактическое исключение имеется в нормах с оговорками. Например, согласно антитабачному закону, принятому в России 23.02.2013 г., изображение курения в фильмах и театральных постановках запрещено, за исключением случаев, когда оно является неотъемлемой частью художественных образов. Здесь мы рассмотрим уточнение и компенсирующие нормы.

В качестве разновидности отношения отменяемости в логике норм уточнение рассматривается в форме ограничений на применение правил усиления antecedента (УА) и ослабления консеквента (ОК):

$$\frac{O(\beta \setminus \alpha)}{O(\beta \setminus \alpha \wedge \gamma)} \quad (\text{УА}) \quad \frac{O(\beta \setminus \alpha)}{O(\beta \vee \gamma \setminus \alpha)} \quad (\text{ОК})$$

Примером, иллюстрирующим желательность введения ограничений на применение правила (УА), может служить такой: движение по красному сигналу светофора запрещено, однако разрешено повернуть направо по одновременному зеленому сигналу дополнительной секции светофора. Позволение, содержащееся в уточнении, применительно к определенной ситуации фактически отменяет запрет, изложенный в основной норме. Аналогичным примером для правила (ОК) служит «парадокс» Д. Росса о сожженном письме: «Если обязательно послать письмо, то обязательно послать письмо или сжечь его». Затруднения, связанные с применением в деонтических системах правил (УА),

(ОК) и некоторых других, подробно изложены в научной и учебной литературе [8, 405–414], и мы не будем здесь на этом останавливаться.

Чтобы выразить уточнение как разновидность деонтической отменяемости, было предложено два решения: строить семантические формализмы диадических деонтических логик на основе отношения предпочтения вместо отношения достижимости [12] или ограничить область действия правил при помощи оператора пересмотра [2]. Средствами монадических логик отменяемость невыразима.

Семантические формализмы на основе отношения предпочтения носят динамический характер и базируются на идее относительности «лучшего» положения дел:

$$M, S \models O(\beta \setminus \alpha) \Leftrightarrow \text{Max}([\alpha]_M) \subseteq \text{Max}([\beta]_M), \quad (\text{Предп})$$

где $[\alpha]_M$ обозначает выполнимость (истинность) на модели M , построенной на Крипке-структуре $F = (S; \leq)$, а S — это множество ситуаций, упорядоченное на основе (нестроого) отношения предпочтения \leq , согласно которому $\text{Max}([\alpha]_M)$ обозначает ситуацию (на модели M), наиболее близкую к идеальной, т. е. ситуацию, в которой выполняется (истинно) наибольшее количество высказываний, служащих содержаниями норм некоторого кодекса [12].

Согласно (Предп) предпочтительным может быть не только наилучшее положение, но также и, за отсутствием иного, наименее худшее из возможных. (УА) и (ОК) не действуют в системах диадической ДЛ, построенных при помощи (Предп).

Похожих результатов добивается и К. Альчуррон при помощи оператора пересмотра (ревизии) — Φ , играющего двойную роль. Этот оператор указывает на то, что не допускается появление синтаксического оператора, связывающего высказывания о фактах в области оператора, связывающего деонтические выражения, и устраняет противоречивые высказывания из множества высказываний — условий диадических норм. Отменяемые условные обязательства Альчуррон предлагает выражать так:

$\text{Od}(\alpha \mid \beta)$, где α и β — метапеременные, оператор Od определен как $(\beta > \text{O}\alpha) \Leftrightarrow (\Phi\beta \Rightarrow \text{O}\alpha)$, а $(\alpha > \beta)$ выражает условное высказывание, говорящее о том, что α совместно с допущениями, связанными с ним, т. е. $\Phi\alpha$, является достаточным условием для (утверждения) консеквента β [2, 363]. В результате Альчуррону в одной системе удастся выразить четыре разновидности норм: условные и безусловные отменяемые — при помощи оператора пересмотра, а также стандартные неотменяемые условные и безусловные [Там же, 368]. В практическом смысле это означает, что, формулируя норму, авторитету нормы надлежит явным образом указать, является ли она отменяемой или нет. На деле же отменяемый характер нормы часто обнаруживается на этапе ее применения, а не издания.

Тем не менее, двигаясь в любом из этих направлений — либо посредством построения семантики на основе предпочтения, либо при помощи Π -оператора пересмотра, можно избежать контринтуитивных следствий, возникающих из-за (УА), (ОК), а также правила деонтического модуса поненса (ДО), ва-

лидность которого также влечет проблематичность при выражении компенсирующих норм:

$$\frac{O(\beta \setminus \alpha), O(\gamma \setminus \beta)}{O(\beta \wedge \gamma \setminus \alpha)} \quad (\text{ДО})$$

Аксиомы I–III «Деонтики» Э. Малли аналогичны правилам (ДО), (УА) и (ОК), они влекут неприемлемость ряда теорем этого исчисления [9, 40–41].

Семантическое отношение предпочтения (Предп), взятое за основу деонтического формализма, и оператор пересмотра (ревизии) Φ , разграничивающий группу условных норм на отменяемые или неотменяемые, позволяют получить адекватное решение рассматриваемой проблемы в связи с уточнением, если ситуации, рассматриваемые авторитетом нормативного кодекса и его субъектом, содержат наборы высказываний, упорядоченные на основе отношения тождества. Иными словами, если свойства положений дел одинаковы по своей значимости для обеих сторон. Однако часто бывает так, что некоторым свойствам придают более весомое значение, делая их приоритетными, и для авторитета нормы и ее субъекта эти приоритеты различны.

Рассмотрим это на примере.

Адам и антигабачный закон. *Правительство РФ рекомендует отказаться от курения. С 01.06.2013 курение запрещено в государственных учреждениях, на транспорте, в школах, вузах, кафе и ресторанах, учреждениях культуры и ограничено в публичных местах. За курение в запрещенных местах (будет) предусмотрен штраф.*

(A1) Гражданам рекомендуется не курить

$O \neg k$

(A2) Гражданам надлежит не курить в вузе

$O (\neg k \setminus v) (= O \neg(k \wedge v))^2$

(A3) Если гражданин курит в вузе, его надлежит подвергнуть наказанию в форме штрафа

$O (f \setminus k \wedge v) (= O (\neg k \vee \neg v \vee f))$

(A4) Если гражданин курит, но не в вузе, то неверно, что его надлежит подвергнуть наказанию в форме штрафа

$O (\neg f \setminus (k \wedge \neg v) (= O (\neg k \vee v \vee \neg f))$

Кодекс Адама представляет собой разновидность собрания норм, в котором имеются уточнение нормы-рекомендации (A1) в нормах (A2) и (A4) и компенсирующая норма (A3), запускающая механизм санкции в случае нарушения (A2). Норма-рекомендация (A1) является условно отменяемой нормой, как свидетельствует A2 ($k; \neg v$). Условно отменяемый характер (A1) явно указан при помощи выражения «рекомендуется». Как увидим далее, она задает иерархию приоритетов, подразумеваемых законодателем в кодексе Адама. Покажем, что при помощи семантического отношения предпочтения (Предп)

² Нормы кодекса А являются условными, или диадическими, и для удобства описания ситуаций их выполнения и невыполнения в скобках приведены их безусловные аналоги.

на основе кодекса Адама можно сформулировать разные сценарии его выполнения лояльными агентами — субъектами норм кодекса А. При этом вовсе не обязательно, чтобы эти сценарии лояльного поведения, рассматриваемые Адамом как законодательным авторитетом кодекса, были тождественны линиям поведения, избираемым лояльным агентом, которого для удобства назовем Эрнстом.

Исходя из (A1–A4), можно сформулировать две последовательности предпочтений Адама в смысле выполнения субъектами антитабачного закона:

Таблица 1

Предпочтения Адама

C(A1)	C(A2)	C(A3)	C(A4)
$\neg k$	$\neg k; v$	$\neg k; v; \neg f$	
	$k; \neg v$		$k; v; f$

Различные варианты ситуаций выполнения Адамом норм в табл. 1 размещены в отдельных ячейках, расположенных в разных строках таблицы таким образом, чтобы отграничить ситуации, где выполняется центральное требование кодекса $\neg k$, т. е. Адам предпочитает отказаться от курения, от ситуаций, где имеет место обратное — k .

Переход из A1 в A2 и из A2 ($\neg k; v$) в A3 — это уточнение, из A3 в A4 — введение компенсирующей нормы. Согласно отношению (Предп) A1 ($= \neg k \setminus T$) — наилучшая ситуация с точки зрения кодекса Адама. Ее можно достичь, реализовав либо A2 ($\neg k; v$), либо A3 ($\neg k; v; \neg f$). Вместе с тем ничто в кодексе Адама не мешает субъекту норм предпочесть иной сценарий — A2 ($k; \neg v$) или A4 ($k; v; f$). Однако при рассмотрении этих ситуаций с точки зрения их выполнения возникает ряд затруднений:

(1) оценить допустимость A4 невозможно на основе $\neg k$, так как в A4 не выполняется требование $\neg k$;

(2) различить в смысле предпочтительности A2 и A3 сложно, т. е. неясно, понимается ли уточнение указанных случаев (v и $v; \neg f$) как необходимое или достаточное (замкнутое) описание.

Более того, в логическом смысле оба случая выполнения A2 удовлетворяют условию, что норма (A1) является отменяемой применительно к определенным случаям. Это означает, что хотя выполнение ($\neg k; v$) более предпочтительно, с точки зрения Адама, тем не менее ($k; \neg v$) тоже допускается. Вместе с тем A4 выступает как ухудшение по отношению ко второму случаю A2: ($k; \neg v$), однако

(3) сопоставить A4 и A2 ($k; \neg v$) относительно выполнения требования $\neg k$ невозможно.

Как увидим далее, проблема может быть решена в два этапа — введением эксплицитного приоритетного условия и механизма изменения оценки приоритетности. Представим ситуацию Адама в виде Диаграммы А:

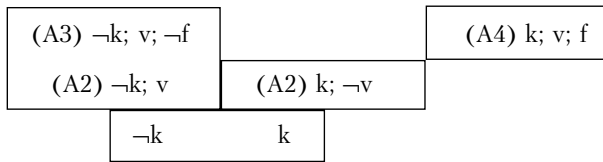

Диаграмма А

Как видно из диаграммы А, затруднения (1)–(3) возникают вследствие того, что некоторые случаи выполнения норм кодекса несовместимы, потому что принадлежат разным историям (сценариям), избираемым агентом на основе различных предпочтений.

Диаграмма А подсказывает, что для адекватного решения этих проблем можно воспользоваться формализмами, основанными не на отношениях между ситуациями, но на отношениях между альтернативными сценариями развития событий, или индетерминистской деонтической логикой с stit-структурами. Stit-структура — это ветвящийся в будущее граф, выполняющий роль модели выбора агентом линии поведения из множества историй, доступных ему в точке выбора, каковой является всякое ветвление графа, расчлняющее истории. Подразумевается, что агент имеет некую стратегическую цель, выражаемую пропозициональной формулой в области действия stit-оператора, и следит за ее реализацией (sees to it that). Постулаты cstit-оператора аналогичны постулатам \square -оператора S5 [13, 17–18]:

- N. $[a \text{ cstit } T]$
- T. $[a \text{ cstit } \alpha] \supset \alpha$
- M. $[a \text{ cstit } \alpha \wedge a \text{ cstit } \beta] \supset [a \text{ cstit } \alpha \wedge \beta]$
- B. $\alpha \supset [a \text{ cstit } \neg[a \text{ cstit } \neg\alpha]]$

Они делают невозможным выбор линии поведения, основанный на условно отменяемом характере некоторых норм, как гласят N, T, B. Постулат N говорит о том, что агенту недоступен сценарий A2 ($k; \neg v$), предполагающий отменяемость A1 в случае $\neg v$, а также A4 — по той же причине.

Возможной альтернативой становится dstit-оператор, для которого постулаты T и M не имеют места, а вместо N имеет место \aleph :

- \aleph . $\neg[a \text{ dstit } T]$

Постулат \aleph , указывающий на слабо-нормальный характер dstit-оператора, не только допускает избрание линии поведения лояльным агентом — субъектом нормы, предполагающей условно-отменяемый сценарий относительно определенных норм. Этот оператор требует наличия альтернативных линий поведения и не ограничивает выбор сценариями, подразумеваемыми кодексом Адама.

Таким образом, когда авторитет кодекса норм предполагает, что некоторые из норм могут быть отменяемыми в определенных случаях, это означает, что такие нормы являются слабонормальными. Фактически данное заключение хотя и демонстрирует некую «свободу» действий для лояльного агента, но на деле ограничивает ее тем, что авторитет нормы должен эту «свободу»

предусмотреть, издав *отменяемую* норму³, а не норму вообще, не заботясь о ее характере при издании. Избрание линии поведения агента, однако, остается прерогативой субъекта нормы. Посмотрим, можно ли представить кодекс так, что не только избрание линии поведения, но и задание приоритета останется за лояльным агентом. Рассмотрим кодекс Адама с точки зрения лояльного субъекта кодекса — Эрнста.

Эрнст и привычка курить. Эрнст — преподаватель вуза и курильщик, он не готов отказаться от своей привычки. Эрнст поддерживает антитабачные инициативы и не возражает против ограничения мест курения. В то же время он желал бы иметь место для курения в здании вуза, где он работает, или неподалеку, если в самом здании это невозможно. Эрнст законопослушен и не хотел бы доводить дело до штрафа за курение в неположенном месте.

(Э1) Обязательно если курить, то не подвергаться за это штрафу

$O(\neg f \setminus k) (= O(\neg k \vee \neg f))$

(Э2) Обязательно если курить и не подвергаться за это штрафу, то делать это в университете

$O(v \setminus k \wedge \neg f) (= O(\neg k \vee f \vee v))$

(Э3) Обязательно если курить, то не подвергаться штрафу и делать это не в университете

$O(\neg v \wedge \neg f \setminus k) (= O(\neg k \vee f \vee \neg v))$

(Э4) Обязательно если курить не в университете и не подвергаться штрафу, то делать это рядом с ним.

$O(r \setminus k \wedge \neg f \wedge \neg v) (= O(\neg k \vee f \vee v \vee r))$

(Э5) Рекомендуется не курить.

$O \neg k$

Таблица 2

Предпочтения Эрнста

$C(B_1)$	$C(B_2)$	$C(B_3)$	$C(B_4)$	$C(B_5)$
$k; \neg f$	$k; \neg f; v$	$k; \neg f; \neg v$	$k; \neg f; \neg v; r$	
				$\neg k$

В табл. 2 ситуации выполнения кодекса Эрнста помещены в ячейки, расположенные в разных строках таблицы, чтобы отразить несовместимость предпочтений k и $\neg k$. Ситуации в ячейках B_3 и B_4 , строго говоря, несовместимы

³ Деонтические динамические операторы А. Г. Кислова [7], по-видимому, дают похожий результат с той разницей, что авторитету нормы надлежит предусмотреть не столько различные сценарии выполнения норм, сколько личностные качества агентов — их субъектов. Для агента с низкой степенью доверия, следует издать норму посредством строгого оператора, предусматривающую единственный сценарий ее выполнения и не допускающий никаких ситуаций условной отмены нормы. Для агента с высокой степенью доверия авторитет может издать норму посредством нестрогого оператора, позволяющего различные сценарии ее выполнения. Применение таких операторов в ракурсе анализа поведения лояльных агентов заслуживает отдельного исследования.

с ситуацией в ячейке B_2 (но не с ситуацией B_1). Несмотря на это, они расположены в одной строке с предпочтением «курить» — k , потому что это является первичным предпочтением Эрнста, а выбор между тем, чтобы делать это в вузе — v или вне его — $\neg v$, вторичен.

$B_1 - B_5$ — это Э-последовательность случаев относительно избрания линии поведения «курить» — k , ухудшающаяся слева направо. Отметим, что предпочтения Эрнста располагаются в порядке, противоположном расположению предпочтений Адама. Поскольку Эрнст — курильщик, случай со свойством «не курить», взятый в абсолютном смысле, без уточнений, соответствующий $A1$, для него наихудший. Случай B_2 для Эрнста был бы наиболее подходящим, но он недоступен, так как нарушает $A3$. Однако следующий за ним B_3 неприемлем по показателю v , курение в здании вуза. Необходимо встроить между $B_1 - B_5$ еще одну ситуацию B_4 , отвечающую пожеланиям Эрнста — курить рядом с университетом, т. е. неподалеку от рабочего места, если уж в самом здании это запрещено. Например, возле входа в здание — $г$. Кроме того, необходим механизм «сочетания» («взвешивания») приоритет-последовательностей, который учитывался бы при задании предпочтений. Применительно к рациональным агентам его называют свободой воли, а в отношении их действий — свободой выбора.

Чтобы выразить этот механизм логически, используем подход, предложенный Й. ван Бентемом, Д. Гросси и Ф. Лю [12]; модифицировав его в соответствии с поставленной здесь задачей, и в семантике, основанной на (Предп), введем понятие приоритетного свойства и построим последовательность предпочтений, основанную на нем.

Адам в данном законе предусматривает ухудшение ситуации слева направо от C_1^ϕ к C_4^ϕ в зависимости от линии поведения, избранной субъектом нового закона: $C_1^\phi > C_2^\phi > C_3^\phi > C_4^\phi$. Пусть C^ϕ — множество случаев, определенные свойства которых Адам считает нужным регулировать в процессе создания кодекса: $C_1^\phi, \dots, C_n^\phi \in C^\phi$. Пусть $k, v, f, \dots, p_1, \dots, p_n$ — атомарные элементы множества высказываний P , описывающие свойства случаев, получаемые в результате выполнения или невыполнения норм кодекса (Адама); C^ϕ — непустое множество случаев, описываемых при помощи таких высказываний. Означивание I отображает множество P в S : $P \rightarrow 2^S$. Определим $<$ — отношение приоритетности на множестве S , строго линейное, тотально бинарное, нереклексивное и транзитивное, и зададим A (дамову) модель A_k -последовательности для свойства «курить» («не курить») $\langle A, < \rangle$ таким образом, что для любых $\alpha, \beta \in P$ и $C_i, C_j \in S$ если $\alpha < \beta$, то $[[\beta]]_i \subset [[\alpha]]_j$. Иными словами, если Адам считает, что выполнение некоего α является приоритетным, то A -последовательность показывает, что α выполняется в наихудшем из возможных случаев его выполнения. Таким образом, можно сформировать A -последовательности относительно описаний выполнения и невыполнения каких-либо норм Адамова кодекса. При помощи этих A -последовательностей мы можем построить определение предпочтения для случаев выполнения и нарушения A -кодекса:

$$C_i \leq_A C_j := \forall \alpha \in A : C_i \in [[\alpha]] \Rightarrow C_j \in [[\alpha]], \quad (\text{Лучше для } \alpha)$$

где \leq_A — отношение приоритетности случаев применительно к A-последовательности, \Rightarrow — импликация относительно этой последовательности, связывающая случаи выполнения норм кодекса. Иными словами, если в некоторой ситуации из A-последовательности выполняется норма $O\beta \setminus \alpha$, для которой установлено приоритетное свойство α , то либо оно не выполняется в A-худшем случае, либо выполняется в нем и также во всех случаях, A-лучших по отношению к нему.

Применительно к A-кодексу и к Э-кодексу:

$$M, c \models O(\neg v \setminus k) \Leftrightarrow \text{Max}([k]_M) \subseteq \text{Max}([\neg v]_M) \quad (\text{A-Предп } \neg k)$$

$$M, c \models O(\neg k \setminus v) \Leftrightarrow \text{Max}([v]_M) \subseteq \text{Max}([\neg k]_M) \quad (\text{A-Предп } \neg v)$$

Применительно к A-кодексу:

$$\text{Если } (\neg k < \neg v), \text{ то } [[\neg v]]_I \subset [[\neg k]]_I \quad (\text{A-}\neg v\text{-приорит})$$

$$C_i \leq_{A\neg v} C_j := \forall \neg v \in A : C_i \in [[\neg v]] \Rightarrow C_j \in [[\neg v]] \quad (\text{Лучше } \setminus \neg v)$$

$$\text{Если } (\neg v < \neg f), \text{ то } [[\neg f]]_I \subset [[\neg v]]_I \quad (\text{A-}\neg f\text{-приорит})$$

$$C_i \leq_{A\neg f} C_j := \forall \neg f \in A : C_i \in [[\neg f]] \Rightarrow C_j \in [[\neg f]] \quad (\text{Лучше } \setminus \neg f)$$

Применительно к Э-кодексу:

$$\text{Если } (\neg v < r), \text{ то } [[r]]_I \subset [[\neg v]]_I \quad (\text{E}_r\text{-приорит})$$

$$C_i \leq_{Ar} C_j := \forall r \in E_r : C_i \in [[r]] \Rightarrow C_j \in [[r]] \quad (\text{Лучше } \setminus r)$$

$$\text{Если } (\neg f < v), \text{ то } [[v]]_I \subset [[\neg f]]_I \quad (\text{E}_v\text{-приорит})$$

$$C_i \leq_{Av} C_j := \forall v \in E_v : C_i \in [[v]] \Rightarrow C_j \in [[v]] \quad (\text{Лучше } \setminus v)$$

Этот же кодекс можно рассмотреть иначе, взяв в качестве приоритетной норму, требующую отказаться от курения в учебных заведениях — $O(v \wedge \neg k)$, $O(\neg v \wedge k)$, $O(v \wedge k \wedge f)$. Тогда наиболее предпочтительной будет ситуация «не курить в учебных заведениях», наихудшая — «курить в учебных заведениях и подвергнуться санкции», причем ситуация C_3^{-v} «курить не в вузе» не принадлежит данной последовательности.

Таблица 3

Приоритет-последовательности относительно v

C_1^v	C_3^{-v}	C_2^v
$O(v \wedge \neg k)$	$O(\neg v \wedge k)$	$O(v \wedge k \wedge s)$

Таким образом, отменяемость нормы как важное свойство для логического анализа лояльного поведения агента можно понимать двояко. Во-первых, как особую норму, сформулированную в этом качестве авторитетом нормы при ее издании. В этом случае потребуется специальный формализм для ее выражения, однако выразительные возможности для анализа лояльного поведения

субъекта такой нормы не нужны, если законодатель предусмотрел степень его свободы в выполнении данной нормы посредством указания конкретных случаев отменяемости или сценариев поведения агентов, причем и то и другое будет носить замкнутый характер. Во-вторых, отменяемостью нормы можно считать предоставление лояльному субъекту возможности самому формулировать линии поведения и выбирать из них предпочтительные. Такая трактовка отменяемости подразумевает либо отсутствие вообще сценариев выполнения норм в кодексе, либо их незамкнутый характер. Отметим, что в последнем случае, когда сценарии выполнения норм подразумеваются законодателем, но не носят замкнутого характера, указанные трактовки отменяемости норм совместимы.

1. *Альчуррон К. Э., Булыгин Е. В.* Нормативное знание и истина / пер. Д. А. Гусева, Е. Н. Лисанюк // «Нормативные системы» и другие работы по философии права и логике норм / пер. с англ., нем., исп. под ред. Е. Н. Лисанюк. СПб., 2013. С. 303–317.
2. *Альчуррон К. Э.* Отделение и отменяемость в деонтической логике / пер. А. М. Павловой, Е. Н. Лисанюк // Там же. С. 358–370.
3. *Болдырев А. С., Назаренко А. Ф.* Категории как детерминанты саморазвития философского знания // *Логико-философские штудии*. Вып. 11. СПб., 2013. С. 39–48.
4. *Блинов А. Л., Петров В. В.* Элементы логики действий. М., 1991.
5. *Глинчикова А. В.* Истоки деонтической логики в философии Лейбница // *Логико-философские штудии*. Вып. 11.
6. *Караваев Э. Ф.* Об усовершенствовании логической модели планирования на основе опытных данных о «парадоксе стратегии» // *Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Сер. 6 : Философия. Культурология. Политология. Право. Международ. отношения*. 2009. № 3. С. 97–105.
7. *Кислов А. Г.* Динамическая логика и деонтические операторы в «строгом смысле» // *Философия науки*. 2012. Т. 52, № 3. С. 65–80.
8. *Лисанюк Е. Н.* Деонтическая логика // *Основы логики и аргументации : учеб.* под ред. И. Б. Микиртумова, А. И. Мигунова, Б. И. Федорова. М., 2010. С. 377–424.
9. *Лисанюк Е. Н. Э.* Малли и его «Деонтика» // *Изв. Урал. федер. ун-та*. 2012. № 4 (109). Сер. 3 : *Обществ. науки*. С. 31–44.
10. *Лобовиков В. О.* Логический квадрат в формальной логике и этический квадрат в формальной этике: их алетическая, деонтическая и квантификационная интерпретация // *Логико-философские штудии*. Вып. 9. СПб., 2011. С. 157–173.
11. *Ольховиков Г. К.* К вопросу о возможности редукции состояний дел к действиям: анализ логик L0 и L1 // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7 : Философия*. 2009. № 5. С. 53–67.
12. *Benthem J. van, Grossi D., Liu F.* On the Two Faces of Deontics: Semantic Betterness and Syntactic Priority // *Research Reports of the Institute of Logic, Language and Computation, Amsterdam University*, 2011 [Electronic resource]. URL: <http://www.illc.uva.nl/Research/Reports/PP-2011-29.text.pdf> (дата обращения: 10.12.2013).
13. *Horty J.* Agency and Deontic Logic. Oxford, 2001.
14. *Mally E.* Grundgesetze des Sollens: Elemente der Logik des Willens, Graz: Leuschner und Lubensky, Universitäts-Buchhandlung. Reprinted in Ernst Mally, Logische Schriften: Großes Logikfragment, Grundgesetze des Sollens, Karl Wolf and Paul Weingartner (eds.), Dordrecht : D. Reidel, (1926) 1971. P. 227–324.
15. *Wright H. G. von.* Deontic Logic — as I see it // McNamara P., Prakken H. (ed.) Norms, logics and information systems. Vol. 49 of Artificial Intelligence and Applications series, IOS Press, Amsterdam, 1999. P. 15–28.

УДК: 1(091) + 165 + 17.018.2

В. О. Лобовиков

ПАРАДОКС МУРА В СВЕТЕ АЛГЕБРЫ ФОРМАЛЬНОЙ ЭТИКИ*

Парадокс Мура исследуется путем рассмотрения эпистемических модальностей «знание» и «допущение», «вера» и «сомнение» не как истинных или ложных высказываний, а как морально хороших или плохих поступков. Исследование парадокса осуществляется с помощью двузначной алгебры формальной этики. В этой алгебре дается точное ценностно-функциональное определение понятия «формально-этическое (аксиологическое) противоречие деятельности» и выясняется его отношение к понятию «формально-логическое противоречие мышления и речи». Автор приходит к выводу, что парадокс Мура не является формально-логическим противоречием мышления и речи, он есть формально-этическое противоречие деятельности. Формально-этическая противоречивость парадокса Мура демонстрируется «вычислением» соответствующей ценностной таблицы.

Ключевые слова: эпистемический, парадокс Мура, абсурд, формально-логическое-противоречие, алгебра формальной этики, ценностная переменная, ценностная функция, формально-этическое противоречие.

Эпистемический парадокс Мура как формально-этическое (аксиологическое) противоречие деятельности

Целостное представление о философском реализме Дж. Э. Мура как системе можно получить, ознакомившись со вполне репрезентативным собранием его работ [35]. Философские взгляды Мура действительно представляют собой стройную систему реалистического мировоззрения, знакомство с которой позволяет легко понять, почему именно Мур впервые обратил столь пристальное внимание на тот фантастический (явно абсурдный) речевой акт, который в англо-американской аналитической философии естественного языка называется «эпистемическим парадоксом» Мура или просто «парадоксом Мура»¹. Репрезентативными примерами этого парадокса могут быть следующие предложения:

«Идет дождь, но я в это не верю» [12, 9].

«Мы никогда с очевидностью не знаем то, о чем помним» [Там же].

«Я *достоверно* знаю, что p , но я *не верю*, что p », где « p » — некое истинное или ложное высказывание.

«Я *вижу*, что идет дождь, но я *не верю* в это».

«Я *ощущаю материю* (чего) b , но я *не верю* в существование (чего) b ».

* Статья подготовлена при поддержке научного проекта № 12-С-6-1003 «Новые парадигмы социального знания», реализуемого Институтом философии и права УрО РАН совместно с Институтом философии и права СО РАН.

¹ Согласно Википедии термин «парадокс Мура» был предложен Людвигом Витгенштейном, который считал этот парадокс самым важным вкладом Мура в философию. Витгенштейн много писал об этом парадоксе в своих поздних работах, благодаря которым парадокс Мура привлек к себе такое внимание, которого он в противном случае вряд ли бы удостоился [36].

«Я воспринимаю (что) *b*, но я не верю в существование (чего) *b*».

Парадоксальность этих утверждений заключается в *непоследовательности действий*, осуществляемых с помощью данных утверждений. По поводу такого рода утверждений Мур писал: «Странно, и, однако, философы оказались способны искренне придерживаться, как части своего философского кредо, таких суждений, которые не согласуются с тем, что они *знали* как истинное; и это, насколько я могу судить, действительно часто случалось» [11, 137].

По мнению Мура, человек, утверждающий, что «идет дождь, но он в это не верит», *сам себе противоречит*. Речевой акт такого человека — пример в каком-то смысле *непоследовательной*, т. е. внутренне *противоречивой* деятельности. В этом (конкретном) смысле можно сказать, что такой речевой акт представляет собой эпистемический парадокс. Но в каком именно (конкретном) смысле указанный пример эпистемической деятельности внутренне *противоречив*? Является ли эпистемический парадокс Мура формально-логическим противоречием? По моему мнению, а также по мнению многих других участников дискуссии, строго говоря, формально-логического противоречия как такового в эпистемическом парадоксе Мура нет [36, 37]. Но тогда почему он называется парадоксом? Просто потому, что он необычен (непривычен), представляет собой некую странность с точки зрения обыденного языка и сознания? Но странность и непривычность сами по себе еще не есть парадокс. Для возникновения парадокса *необходимо* некое *противоречие*. Но что значит «некое»? Какое *именно* противоречие имеет место в эпистемическом парадоксе Мура, если формально-логического противоречия там нет? К сожалению, Мур не дает ответа на этот очень важный вопрос. Правда, он и некоторые его комментаторы говорят о *непоследовательности деятельности субъекта* эпистемического парадокса, но в каком (конкретном) смысле эта деятельность *непоследовательна*? В содержании или в форме деятельности имеется здесь *непоследовательность*? Если речь идет о форме деятельности, то о какой именно форме (ведь в логической форме тут противоречия нет)?

Ясных и точных ответов на эти вопросы Мур, к сожалению, не дает: у него нет точно сформулированного в самом общем виде *формального* критерия (метода), с помощью которого можно было бы в любом конкретном случае эффективно отделять эпистемические парадоксы от таких речевых актов, которые эпистемическими парадоксами не являются. (Это критическое замечание относится также и к многочисленным трудам комментаторов [14–25, 33, 34, 38–43], на мой взгляд, незначительно продвинувшихся дальше Мура в понимании исследуемой проблемы.) Тем не менее следует отдать должное Муру, в течение длительного времени проводившему кропотливый (иногда даже нудный) лингвистический анализ «обыденного языка обыденной философии» на *эмпирическом* уровне. До собственно *теоретического* уровня *абстрактной* метафизики его «философия обыденного языка», на мой взгляд, недотягивает (это критическое замечание относится также и к многочисленным трудам его комментаторов). Но она формирует некий эмпирический базис (указывает на большой массив лингвистических фактов), могущий быть основанием для перехода к собственно теоретическому уровню «философии обыденного языка

философии». Те абстрактно-теоретические определения (в самом общем виде), которых так не хватает при обсуждении Муром (и его комментаторами) эпистемического парадокса, могут и должны быть получены на собственно теоретическом уровне исследования *формы* деятельности, *отвлеченной от ее содержания*. Какой именно формы? Ответу на этот вопрос и посвящается настоящая работа.

В статье предлагается *формально-аксиологическая* интерпретация обсуждаемой проблемы: парадокс Мура рассматривается как *формально-аксиологическое противоречие* деятельности; дается точное ценностно-функциональное определение термина «формально-аксиологическое противоречие (деятельности)». Знание, допущение, вера, сомнение и другие эпистемические модальности рассматриваются и точно определяются как *ценностные функции от некоторого конечного числа ценностных переменных* в собственно математическом значении терминов «функция» и «переменная». Исследование этих ценностных функций осуществляется в алгебре формальной аксиологии, важным частным случаем которой является алгебра формальной этики и естественного права [4–10].

Двузначная алгебра формальной этики (и естественного права) строится на множестве любых поступков (или субъектов), являющихся либо хорошими (добром), либо плохими (злом), с точки зрения некоторого оценивающего субъекта Σ («оценщика»), играющего роль «системы отсчета» в *теории относительности* морально-правовых оценок. На упомянутом множестве (морально-правовых актов и агентов) определяется множество унарных и бинарных алгебраических операций, представляющих собой морально-правовые *ценностные* функции. (Слово «функция» используется здесь в строго математическом смысле.) Областью допустимых значений (ОДЗ) переменных этих функций является двухэлементное множество $\{x$ (хорошо), p (плохо) $\}$. Элементы данного множества называются морально-правовыми ценностными значениями поступков. Областью изменения значений этих ценностных функций является то же самое двухэлементное множество $\{x$ (хорошо), p (плохо) $\}$. Строчные буквы (s, w, z) обозначают морально-правовые *ценностные формы* (поступков или субъектов), *отвлеченные от их конкретного содержания*. Простые ценностные формы — независимые ценностные переменные, а сложные ценностные формы — ценностные функции от этих переменных. В *теории относительности* морально-правовых оценок, представленной в виде алгебры формальной этики и естественного права, *законом* является такая и только такая ценностная функция, у которой *положительное* морально-правовое значение *инвариантно относительно любых преобразований «системы отсчета»*, т. е. относительно любых изменений «оценщика». В свою очередь, *формально-аксиологическим противоречием* в обсуждаемой алгебре является всякая такая и только такая ценностная функция, у которой *отрицательное* морально-правовое значение *инвариантно относительно любых преобразований «системы отсчета»*, т. е. относительно любых изменений «оценщика».

С точки зрения двузначной алгебры формальной этики проблема, исследуемая в данной статье, должна быть сформулирована в виде следующего воп-

роса: является ли *морально-правовая форма* абсурдного речевого акта, именуемого парадоксом Мура, *формально-аксиологическим противоречием* деятельности? В случае положительного ответа на этот вопрос парадокс Мура интерпретируется как *формальное противоречие*, т. е. как противоречие в форме. В какой форме, в форме чего? Ответ — в *ценностной форме* деятельности, а именно в *морально-правовой ценностной форме* речевого акта как *поступка*. Но можно ли вполне аргументированно дать именно положительный ответ на вопрос: является ли *морально-правовая форма* абсурдного речевого акта, именуемого парадоксом Мура, *формально-аксиологическим противоречием* деятельности? Согласно настоящей статье — да, можно. Но для того, чтобы этот положительный ответ стал вполне аргументированным, необходимо дать целый ряд точных ценностно-функциональных дефиниций понятий, непосредственно относящихся к исследуемой проблеме.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-1: ценностные функции Ω и Δ называются *формально-аксиологически эквивалентными*, если и только если они (Ω и Δ) принимают одинаковые ценностные значения из множества $\{x$ (хорошо); p (плохо) $\}$ при любой возможной комбинации ценностных значений (x или p) переменных. Отношение *формально-аксиологической эквивалентности* ценностных функций Ω и Δ обозначается символом « $\Omega=+=\Delta$ ». В естественном русском языке отношение формально-аксиологического тождества ($\Omega=+=\Delta$) выражается разными средствами, например, словами «эквивалентно», «значит», «означает», «является», «есть», иногда заменяемыми тире. Поскольку эти же самые слова-омонимы имеют вполне определенные значения в формальной логике, не совпадающие с их формально-аксиологическими значениями, постольку на стыке формальной аксиологии и логики необходимо употреблять указанные омонимы осторожно, чтобы исключить возможность нечаянной «подмены понятий и тезисов».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-2: законом двузначной алгебры формальной этики является любая такая и только такая ценностная функция, которая принимает значение «хорошо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, закон формальной этики есть ценностная функция-константа, принимающая значение «хорошо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть закон формальной этики, если и только если $\Omega=+=x$.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-3: формально-аксиологическим противоречием в алгебре формальной этики называется ценностная функция, принимающая значение «плохо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, формально-аксиологическое противоречие есть ценностная функция-константа, принимающая значение «плохо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть формально-аксиологическое противоречие, если и только если $\Omega=+=p$.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-4: в двузначной алгебре формальной этики *эпистемические* модальности как ценностные функции от двух ценностных переменных определяются табл. 1.

Глоссарий (словарь используемых терминов) для табл. 1: Символ K^{Ez} обозначает ценностную функцию «*знание* (чего, кого) $у$ (чем, кем) z ». A^{Ezy} —

Таблица 1

Эпистемические модальности

		1	2	3	4	5	6
z	y	K^{Ezy}	A^{Ezy}	N^Azy	N^Kzy	D^{Ezy}	R^{Ezy}
x	x	п	x	п	x	x	п
x	п	п	x	п	x	x	п
п	x	x	x	п	п	п	x
п	п	п	п	x	x	п	x

ценностную функцию «*допущение* (чего, кого) у (чем, кем) z». N^Azy — «*недопущение* (чего, кого) у (чем, кем) z». N^Kzy — «*незнание* (чего, кого) у (чем, кем) z». D^{Ezy} — «*чисто субъективное (абсолютно произвольное) мнение* (чего) у (кем) z, т. е. эпистемическое безразличие (чье) z к (чему, кому) y». R^{Ezy} — «*небытие эпистемического безразличия (чьего) z к (чему, кому) y*».

Для исключения возможных логико-лингвистических недоразумений здесь важно подчеркнуть, что все термины в данной глоссарии используются в *древнегреческих* значениях слов «знание (эпистеме)» и «мнение (докса)». В языке древнегреческой философии «знание (эпистеме)» есть неизменное знание о неизменном бытии. Поэтому, чтобы исключить путаницу, от опытного научного знания (scientific knowledge) и его эволюции мы в данной статье преднамеренно абстрагируемся, осознавая, что вышеупомянутые два значения слова-омонима «знание» существенно различны в некотором отношении [26, 28–30]. Изменяющемуся опытному знанию об изменяющемся объекте, т. е. научному знанию (в англосаксонском значении слова «science»), и его *закономерной ценностно-функциональной связи* с древнегреческим значением слова «эпистеме» [Там же] целесообразно посвятить отдельную статью (что мы и собираемся сделать).

Теперь в настоящей работе перейдем от *эпистемических* модальностей к *фидеистическим*. Первые связаны со знанием (эпистеме), а вторые с верой (Faith). Обычно в эпистемической модальной логике модальности веры включаются в число эпистемических. Но данная статья посвящена не логике, а *этике* модальностей [7, 8, 10, 30]. И упомянутый обычай логиков мы нарушим, используя для модальностей знания и модальностей веры отдельные названия. Наряду с этой оговоркой необходимо подчеркнуть, что в настоящей статье систематически исследуются не все значения слова-омонима «вера», а только то, которое именуется словосочетанием «*экстраординарная* (бесконечная, неизменная) *истинная вера*». В английском языке такая вера обозначается словосочетанием «*extraordinary (not-revisable) true belief*». Ярчайшим примером веры в этом значении слова может служить истинная религиозная вера. Ее собственной противоположностью выступает «*неустранимое сомнение (not-removable doubt)*». К этому же типу фидеистических модальностей относится «*экстраординарный (бесконечный) скептицизм, т. е. бесконечное безразличие к истинной вере (абсолютная конфессиональная нейтральность)*».

Из-за ограниченности объема данной статьи мы преднамеренно абстрагируемся в ней от анализа *ординарных* фидеистических модальностей.

Примеры модальностей этого типа — ординарная вера (конечная, преходящая уверенность) и обычное (устранимое) сомнение. Сюда же относится и разумный (относительный) скептицизм. В литературе по философии религии качественное различие между экстраординарной и ординарной верой вполне осознается. Например, проводя между ними качественное различие, первую Д. В. Пивоваров называет «faith-верой», а вторую — «belief-верой» [13]. Систематическому формально-этическому исследованию *ординарных* фидеистических модальностей и их *закономерной ценностно-функциональной связи* с соответствующими экстраординарными фидеистическими модальностями целесообразно посвятить отдельную статью (что мы и собираемся сделать).

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-5: в двузначной алгебре формальной этики *экстраординарные фидеистические* модальности как ценностные функции от двух ценностных переменных определяются табл. 2.

Таблица 2

Фидеистические модальности

		1	2	3	4	5	6
<i>z</i>	<i>y</i>	V^Fzy	D^Nzy	B^Nzy	D^Tzy	S^Czy	V^Pzy
х	х	п	х	п	х	х	п
х	п	п	х	п	х	х	п
п	х	х	х	п	п	п	х
п	п	п	п	х	х	п	х

Глоссарий (словарь используемых терминов) для табл. 2: Символ V^Fzy обозначает ценностную функцию «*экстраординарная* (бесконечная, неизменная) *истинная вера* (чьа) *z* в (кого, что) *y*». D^Nzy — ценностную функцию «*неустранимое (бесконечное) сомнение* (чье) *z* в (чем, ком) НЕ-*y*». B^Nzy — «*экстраординарная* (бесконечная, неизменная) *истинная вера* (чьа) *z* в (кого, что) НЕ-*y*». D^Tzy — «*неустранимое (бесконечное) сомнение* (чье) *z* в (чем, ком) *y*». S^Czy — «*экстраординарный (бесконечный) скептицизм* (чей) *z*, т. е. *бесконечное безразличие* (чье) *z* к *истинной вере (конфессиональная нейтральность z)*, в отношении к *y*». V^Pzy — «*небытие экстраординарного (бесконечно-го) скептицизма* (чьего) *z* в отношении к (чему, кому) *y*».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-6: в двузначной алгебре формальной этики табл. 3 точно определяет (1) ценностную функцию Kzy от двух ценностных переменных *z* и *y*, называемую «*объединением поступков z и y в поведение*»; (2) ценностную функцию Nz от одной ценностной переменной *z*, называемую «*не-совершением* поступка *z*» или «*воздержанием от* поступка *z*».

Графы 1 и 2 табл. 3 представляют собой определения ценностных функций Kzy и Nz соответственно. Графы 3 и 4 табл. 3 суть определения ценностных функций K^Ezy и V^Fzy , уже данные выше табл. 1 и 2 соответственно. На первый

Таблица 3

Ценностные функции и их композиции

		1	2	3	4	5	6
z	y	Kzy	Nz	K ^E zy	B ^F zy	KK ^E zyNB ^F zy	HKK ^E zyNB ^F zy
x	x	x	п	п	п	п	x
x	п	п	п	п	п	п	x
п	x	п	x	x	x	п	x
п	п	п	x	п	п	п	x

взгляд излишнее включение граф 3 и 4 в табл. 3 оправдывается соображениями наглядности, удобства, простоты и быстроты «вычисления» *композиций* ценностных функций, представленных графами 5 и 6. Графа 5 табл. 3 есть не что иное, как дискретная математическая модель *морально-правовой формы* того в каком-то смысле парадоксального (абсурдного) речевого акта, на который впервые обратил пристальное внимание Джордж Мур. Это графа — результат «вычисления» ценностной функции KK^EzyNB^Fzy , представляющей собой *композицию* ценностных функций, определенных ранее (выше). Согласно полученному результату «вычисления» функция KK^EzyNB^Fzy является отрицательной моральной константой: $KK^EzyNB^Fzy = + = п$. По данному выше определению DF-3 это значит, что парадокс Мура есть некое *формальное противоречие*, а именно *формально-аксиологическое противоречие деятельности*, что и требовалось доказать.

**Понятие «формально-аксиологическое противоречие (деятельности)»
как обобщение понятия «формально-логическое противоречие
(мышления)»**

В «Топике» Аристотеля есть места, где *ценностно-функциональные закономерности, описываемые на естественном языке в этических терминах «хорошо» и «плохо», удивительно напоминают истинностные таблицы логики высказываний* [1, 389]. И это не случайно: начиная с Античности в течение многих веков существовали мыслители, считавшие логику и этику родственными дисциплинами, в основе которых лежит некое единство. Например, так считали все те, кто верил в некое единство логики, этики и эстетики, обусловленное единством их предметов — истины, добра и красоты соответственно. В Средние века необходимая связь элементов этой триады истолковывалась как единство Бога, именами которого считались «Истина», «Добро» и «Красота». Как правило, предустановленная гармония логики, этики и эстетики трактовалась не как их абсолютное тождество, а как некое фундаментальное единство, проявляющееся в формальном сходстве (похожести, подобии). В более позднее время на аналогичность, подобие, «параллелизм» логики и этики обращал внимание Франц Brentano [2, 27, 29, 45–52]. В наше время в отечественной литературе его концепцию «параллелизма» логики и этики обоснованно принимает и на новом уровне развивает А. Г. Кислов [3, 71, 77–79].

С начала 70-х гг. XX в. идея единства логики и этики принимает новую форму: этика математизируется, предстает в виде алгебраической системы. Конструируется и всесторонне исследуется простейшая дискретная математическая модель этики как системы ценностных функций (моральных форм деятельности, отвлеченных от конкретного содержания) — двузначная алгебра формальной этики (алгебра поступков). Она строится «по образу и подобию» двузначной алгебры формальной логики (алгебры высказываний) (см. относящуюся к этому научную литературу в библиографических списках работ [4, 5]). На указанном новом этапе развития старой идеи формального сходства («параллелизма») логики и этики впервые было замечено и осознано «как бы параллельное» существование следующих двух принципов:

1) базисный принцип *формально-логической семантики* языковой деятельности: « p истинно» формально-логически эквивалентно p , где p и « p истинно» суть высказывания (истинные или ложные);

2) базисный принцип *формально-этической (формально-аксиологической) семантики* деятельности вообще: « Ω хорошо» формально-этически (аксиологически) эквивалентно Ω , где Ω и « Ω хорошо» суть поступки (морально хорошие или плохие). Здесь моральная форма « Ω хорошо» есть моральная форма поступка, называемого «моральным *одобрением*» поступка Ω [4, 10].

Насколько «параллельно» существуют эти два принципа? Не «пересекаются» ли они? И в каком строго научном смысле используется метафора «параллельности логики и этики»? Вопросы эти очень интересны с точки зрения теории и очень важны с точки зрения практики. В связи с этими вопросами целесообразно обратить особое внимание на концепцию польского логика Яна Лукасевича. В Стэнфордской философской энциклопедии (Stanford Encyclopedia of Philosophy) в статье «Львовско-варшавская школа» («Lvov-Warsaw School») утверждается, что, «согласно Лукасевичу, “логика есть мораль (для) мышления и речи”» («According to Jukasiewicz, “Logic is morality of thought and speech”») [32]. Однако мораль как таковая выходит далеко за пределы морали (для) мышления и речи. Существует мораль (для) семейной жизни, (для) физического труда, (для) воинской службы, (для) предпринимательской деятельности и др. Мышление и речь — *частные случаи* деятельности вообще.

Мораль относится к деятельности вообще. Поэтому изучающая ее этика является более общей и фундаментальной наукой по сравнению с логикой. В таком случае *формальная этика есть обобщение формальной логики* [6–9, 27, 31]. Следовательно, *двузначная алгебра логики — скромный частный случай двузначной алгебры этики* [Там же]. При этом формально-логическая семантика речи (языковой деятельности) есть частный случай формально-аксиологической семантики деятельности вообще. В некотором отношении весьма непривычные понятия «формально-аксиологическая семантика деятельности вообще» и «формально-аксиологический синтаксис деятельности вообще» подробно разъясняются и точно определяются в моей докторской диссертации «Формализация деятельности (оценки и нормы)» [5], а также в монографиях [4, 6].

Согласно развиваемой концепции формально-аксиологической семантики деятельности вообще справедливы следующие утверждения:

А: Если акт мышления и речи имеет истинностное значение «и (истинно)», то он имеет ценностное значение «х (хорошо)». Но в общем виде из того, что акт является хорошим, логически не следует, что он является истинным, ибо акт может иметь ценностное значение «х (хорошо)», не будучи актом мышления и речи.

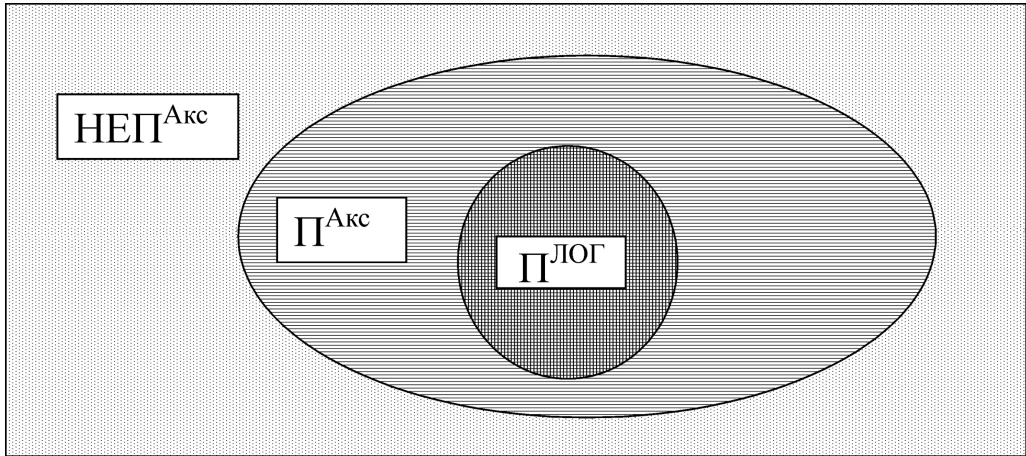
В: Если акт мышления и речи имеет истинностное значение «л (ложно)», то он имеет ценностное значение «п (плохо)». Но в общем виде из того, что акт является плохим, логически не следует, что он является ложным, ибо акт может иметь ценностное значение «п (плохо)», не будучи актом мышления и речи.

С: Если акт мышления и речи является тождественно истинным (т. е. законом формальной логики), то он является тождественно хорошим (т. е. законом формальной этики). Но в общем виде из того, что акт является тождественно хорошим, логически не следует, что он является тождественно истинным, ибо акт может быть тождественно хорошим, не будучи актом мышления и речи.

Д: Если акт мышления и речи является тождественно ложным (т. е. формально-логическим противоречием), то он является тождественно плохим (т. е. формально-аксиологическим противоречием деятельности). Но в общем виде из того, что акт является тождественно плохим, логически не следует, что он является тождественно ложным, ибо акт может быть формально-аксиологическим противоречием деятельности, не будучи актом мышления и речи.

Если все сказанное выше принять, то тогда как будет выглядеть графическая схема, моделирующая взаимоотношения объемов понятий: « P^{log} (формально-логическое противоречие)»; « P^{acc} (формально-аксиологическое противоречие)»; « $НЕP^{acc}$ (формально-аксиологическое не-противоречие)»? На мой взгляд, в случае принятия вышесказанного эта графическая схема будет выглядеть так, как показано на рисунке. На нем «зарешеченная (в клеточку)» область (и с вертикальными, и с горизонтальными линиями) есть множество формально-логических противоречий (P^{log}). «Разлинованная (в линейку)» область (только с горизонтальными линиями) — множество формально-аксиологических противоречий (P^{acc}). Область неразлинованная (в которой нет ни вертикальных, ни горизонтальных линий) — область формально-аксиологических не-противоречий ($НЕP^{acc}$). Неразлинованная и разлинованная области взаимно исключают друг друга. Однако та область, которая разлинована и вертикально, и горизонтально, полностью включается в горизонтально разлинованную область, но не исчерпывает ее. Графически говоря (т. е. говоря на языке графических образов), эпистемические парадоксы Мура «расположены» в разлинованной, но «незарешеченной» области графической модели. Не будучи формально-логическими противоречиями, парадоксы Мура все-таки являются противоречиями, а именно формально-аксиологическими противоречиями (см. рисунок).

Таким образом, понятия « P^{acc} (формально-аксиологическое противоречие)» и « $НЕP^{acc}$ (формально-аксиологическое непротиворечие)» взаимно исключают

Графическая модель взаимоотношения объемов понятий

(дополняют) друг друга. При этом $\Pi^{\text{Лог}}$ (противоречие формально-логическое) есть частный случай $\Pi^{\text{Акс}}$ (противоречия формально-аксиологического). Множество первых *полностью включается* во множество вторых, *но не исчерпывает* его. (Объем понятия $\Pi^{\text{Акс}}$ строго больше объема понятия $\Pi^{\text{Лог}}$.) Поэтому существует некоторое непустое множество формально-аксиологических противоречий, не являющихся формально-логическими противоречиями. Согласно сказанному выше, если некоторая версия эпистемического парадокса Мура (в настоящее время различных версий этого парадокса уже много) формально-логически непротиворечива, то она представляет собой конкретный пример сентенции, которая формально-логически непротиворечива, но формально-аксиологически противоречива. Философски значимый конкретный пример теории, которая формально-логически непротиворечива, но формально-аксиологически противоречива, приведен в работах [9, 27].

Парадокс Мура и «Гильотина» Юма

Согласно сказанному выше эквивалентность [(Парадокс Мура) \equiv (p & не-p)] истинна. На естественный язык эта формально-этическая (аксиологическая) эквивалентность переводится предложением «Парадокс Мура *есть* формально-логическое противоречие», в котором слово-омоним «есть» обозначает определенное выше отношение эквивалентности « \equiv ». Очень часто в качестве якобы возражения против вышеупомянутой истинной формально-этической эквивалентности выдвигается тезис, согласно которому суждение [(Парадокс Мура) \equiv (p & не-p)] ложно, следовательно, неверно, что «Парадокс Мура *есть* формально-логическое противоречие», где слово-омоним «есть» обозначает отношение формально-логической эквивалентности « \equiv ». На мой взгляд, такое «возражение», строго говоря, возражением не является, так как в таком «контраргументе» нарушен формально-логический «закон тождества»:

осуществлена «подмена понятий и тезисов», замаскированная омонимией слова «есть». (На опасность омонимии этого слова указывали многие видные логики.)

Ошибка в обсуждаемом «контраргументе» возникает при незаметном, но незаконном переходе от обсуждения чистых ценностей к обсуждению чистых фактов. Незаконность такого перехода заключается в нарушении принципа, получившего условное название «Гильотина Юма». Используя искусственный язык алгебры формальной аксиологии, можно точно сформулировать и обобщить «Гильотину Юма» следующим образом [10, 29].

Пусть символ « \equiv » обозначает логическую эквивалентность, а символ $\dot{E}\omega$ – высказывание (истинное или ложное утверждение) о том, что действие ω реализовано, т. е. имеет место в действительности. В связи с приведенными в данной работе уравнениями алгебры формальной аксиологии важно иметь в виду, что: (А) из истинности $\varphi=+=\omega$ не следует логически, что истинно $\dot{E}\varphi\equiv\dot{E}\omega$; (В) из истинности $\dot{E}\varphi\equiv\dot{E}\omega$ не следует логически, что истинно $\varphi=+=\omega$. Конъюнкция утверждений (А) и (В) – важный, но *частный* случай принципа, именуемого «Гильотина Юма». Этот частный случай может быть обобщен до следующего более фундаментального принципа С-Д: (С) из истинности $\varphi=+=\omega$ не следует логически, что истинно $\dot{E}\varphi@ \dot{E}\omega$; (Д) из истинности $\dot{E}\varphi@ \dot{E}\omega$ не следует логически, что истинно $\varphi=+=\omega$. Символ «@» в формулировке принципа С-Д обозначает *любую бинарную логическую операцию* (логическая эквивалентность – частный случай).

Еще один важный аспект «Гильотины Юма» в самом общем виде может быть сформулирован так: (Ж) из истинности $\dot{E}\textcircled{\omega}$ не следует логически, что истинно $\dot{E}\omega$; (Ю) из истинности $\dot{E}\omega$ не следует логически, что истинно $\dot{E}\textcircled{\omega}$. Символ « $\textcircled{\omega}$ » в формулировке принципа Ж-Ю обозначает *любую унарную операцию* алгебры формальной этики (установление *долга*, т. е. *обязывание*, и *одобрение*, т. е. *положительная оценка*, – частные случаи среди огромного множества других перформативно различных частных случаев). Первоначально Д. Юм в знаменитом небольшом отрывке (из своего «Трактата о человеческой природе»), получившем название «Гильотина Юма», обратил внимание читателей на тот очень важный (но все-таки *частный*) случай сформулированного выше принципа Ж-Ю, когда значением переменной « $\textcircled{\omega}$ » является установление *должного*.

Ниже приведен конкретный пример *неправильного* (нарушающего «Гильотину Юма») умозаключения:

Посылка: [(Парадокс Мура) $=+=$ (р & не-р)].

Заключение: [(Парадокс Мура) \equiv (р & не-р)].

Согласно вышесказанному посылка в этом неправильном умозаключении истинна. А заключение в этом умозаключении ложно, согласно разделяемой нами точке зрения, доминирующей в дискуссии о парадоксе Мура [14–25, 33, 34, 38–43] и представленной в философских энциклопедиях [36, 37].

Однако согласно «Гильотине Юма» нельзя, опираясь на ложность *фактофиксирующего* суждения [(Парадокс Мура) \equiv (р & не-р)], логически обосновать

вать (по правилу «modus tollens») ложность *ценностного* суждения [(Парадокс Мура) = += (p & не-p)], так как в приведенном выше умозаключении нет отношения формально-логического следования заключения из посылки: умозаключение логически неправильно.

«Гильотина Юма» категорически запрещает формально-логические выводы от чисто аксиологических суждений к чистым суждениям о фактах (т. е. о логической связи чистых фактов), а также формально-логические выводы в обратном направлении. Этот запрет основывается на утверждении, что *не существует отношение формально-логического следования между чисто ценностным суждением (т. е. формально-аксиологической связью ценностей) и чисто фактическим суждением (т. е. формально-логической связью фактов):* логического следования нет ни в ту ни в другую сторону.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

- 1) парадокс Мура есть *формальное противоречие*, а именно *формально-аксиологическое противоречие (деятельности)*;
- 2) парадокс Мура есть формально-логическое противоречие мышления и речи в том значении слова-омонима «есть», которое точно определено выше дефиницией DF-1. Иначе говоря, обсуждаемая парадоксальная сентенция Мура логически противоречива в том весьма нетривиальном и экзотическом смысле, что она *формально-аксиологически равноценна* формально-логическому противоречию, не будучи таковым.

1. Аристотель. Топика // Соч. : в 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 347–531.

2. Брентано Ф. О происхождении нравственного познания. СПб., 2000.

3. Кислов А. Г. Возвращаясь к Францу Брентано из лабиринтов деонтической логики // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Обществ. науки. 2012. № 1. С. 71–80.

4. Лобовиков В. О. Модальная логика оценок и норм с точки зрения содержательной этики и права. Красноярск, 1984.

5. Лобовиков В. О. Формализация деятельности (оценки и нормы) : дис. ... докт. фило-соф. наук. Свердловск, 1989.

6. Лобовиков В. О. Математическая этика, метафизика и естественное право (Алгебра метафизики как алгебра формальной аксиологии). Екатеринбург, 2007.

7. Лобовиков В. О. Единство алетических, мажоритарных, эпистемических, аксиологических, деонтических и утилитарных модальностей в двузначной алгебре формальной аксиологии // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд. Рос. акад. наук. Вып. 9. Екатеринбург, 2009. С. 123–140.

8. Лобовиков В. О. Фундаментальное обобщение формально-логической концепции «пропозициональных установок» Бертрана Рассела и Яакко Хинтикки в двузначной алгебре формальной аксиологии («Пропозициональные установки» как ценностные функции от двух переменных в алгебре формальной аксиологии: «законы контрапозиции» бинарных операций, представляющих собой «пропозициональные установки» в этой алгебре) // Там же. Вып. 10. Екатеринбург, 2010. С. 108–131.

9. Лобовиков В. О. Логико-философское обоснование гипотезы о формально-этической противоречивости формальной арифметики, исследованной К. Геделем // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Обществ. науки. 2011. № 1 (88). С. 14–28.

10. Лобовиков В. О. От формальной логики к формальной этике : (От учения Джона Остина о перформативах к двузначной алгебре формальной аксиологии) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Обществ. науки. 2012. № 4. С. 17–31.

11. Мур Дж. Э. Защита здравого смысла // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М., 1998. С. 130–154.
12. Мур Дж. Э. Природа моральной философии. М., 1999.
13. Пивоваров Д. В. Два понятия веры // Религиоведение. 2013. № 2. С. 75–89.
14. Almeida C. What Moore's Paradox Is About // *Philosophy & Phenomenological Research*. 2001. Vol. 62, iss. 1. P. 33–59.
15. Bovens L. 'P and I Will Believe that not-P': Diachronic Constraints on Rational Belief // *Mind*. 1995. Vol. 104 (416). P. 737–760.
16. Chan T. Belief, assertion and Moore's Paradox // *Philosophical Studies*. 2008. Vol. 139, iss. 3. P. 395–414.
17. Cholbi M. Moore's Paradox and Moral Motivation // *Ethical Theory & Moral Practice*. 2009. Vol. 12, iss. 5. P. 495–510.
18. Fernandez J. Self-Knowledge, Rationality and Moore's Paradox // *Philosophy & Phenomenological Research*. 2005. Vol. 71, iss. 3. P. 533–556.
19. Gillies A. S. A New Solution to Moore's Paradox // *Philosophical Studies*. 2001. Vol. 105, iss. 3. P. 237–250.
20. Green M. S., Williams J. N., eds. Moore's Paradox: New Essays on Belief, Rationality and the First-Person. Oxford ; N. Y., 2007.
21. Green M., Williams J. Moore's Paradox, Truth and Accuracy // *Acta Analytica*. 2011. Vol. 26, iss. 3. P. 243–255.
22. Heal J. Moore's paradox: A Wittgensteinian approach // *Mind*. 1994. Vol. 103, iss. 409. P. 5–23.
23. Huddleston A. Naughty beliefs // *Philosophical Studies*. 2012. Vol. 160, iss. 2. P. 209–222.
24. Larkin W. S. Shoemaker on Moore's Paradox and Self-Knowledge // *Philosophical Studies*. 1999. Vol. 96, iss. 3. P. 239–252.
25. Linville K., Ring Ml. Moore's Paradox Revisited // *Synthese*. Vol. 87, iss. 2. P. 295–309.
26. Lobovikov V. Modal Logic and Formal Axiology of Alethic and Epistemic Modalities // Proc. of the 7th Panhellenic Logic Symp. (PLS7) at Patras University, Greece, July 15–19, 2009 [Eds: Costas Drossos; Pavlos Peppas; Constantine Tsinakis]. Patras, Greece : Patras University Press, 2009. P. 112–116.
27. Lobovikov V. Mathematical simulating formal axiological semantics of natural languages (A fundamental generalization of mathematical philosophy: from truth-values to axiological ones) // *Philosophy, Mathematics, Linguistics: aspects of interconnection* : Proc. of the Intern. scientific conf. (Nov. 20–22, 2009, Sankt-Petersburg, L. Euler International mathematical institute). S-Pb : VVM, 2009. P. 128–132.
28. Lobovikov V. Episteme and scientific knowledge as significantly different evaluation-functions in algebra of metaphysics (a law of contraposition of the two functions in metaphysics algebra) // *Metaphysics 2009. Proc. of 4th World Conf. (Rome, Nov. 5–7, 2009)* / ed. by Paolo Zordan, Robert Badillo, Montserrat Lafuente. Madrid : Fondazione Idente di Studi e di Ricerca, 2011. P. 565–574.
29. Lobovikov V. Discrete Mathematical Representing the Value of Knowledge // *Epistemology: Contexts, Values, Disagreement. Papers of the 34th International Wittgenstein Symposium (Aug. 7–3, 2011, Kirchberg am Wechsel, Lower Austria)*. [Eds: Christoph Jäger; Winfried Löffler]. Contributions of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society. Vol. XIX. Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2011. P. 175–177.
30. Lobovikov V. Science, episteme and mathematical ethics (A law of contraposition of episteme in algebra of formal ethics) // *Volume of Abstracts of CLMPS-2011: "Logic and Science Facing New Technologies"* – 14th International Congress of Logic, Methodology and Philosophy of Science (July 19–26, Nancy, France). Nancy: Division of Logic, Methodology and Philosophy of Science of the International Union of History and Philosophy of Science, 2011. P. 147–148.
31. Lobovikov V. A proof of a formal-axiological inconsistency of the formal arithmetic investigated by K. Godel (the proof essentially using own axioms of formal axiology) // *Proc. of*

the international conf. "7th Smirnov Readings in Logic (Moscow, June 22–24, 2011)". Moscow : MSU, 2011. P. 92–93.

32. Lvov-Warsaw School // Stanford Encyclopedia of Philosophy [Electronic resource]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/lvov-warsaw/> (дата обращения: 18.11.2013).

33. Maitra I., Weatherson Br. Assertion, knowledge, and action // Philosophical Studies. 2010. Vol. 149, iss. 1. P. 99–118.

34. McGlynn A. Believing Things Unknown // Nous. 2013. Vol. 47, iss. 2. P. 385–407.

35. Moore G. E. Selected Essays (edited by Thomas Baldwin). L. ; N. Y., 1993.

36. Moore's paradox // Wikipedia, the free encyclopedia [Electronic resource]. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Moore%27s_paradox (дата обращения: 18.11.2013).

37. Moore's paradox // New World Encyclopedia [Electronic resource]. URL: http://www.newworldencyclopedia.org/entry/G_E_Moore27s_paradox (дата обращения: 18.11.2013).

38. Read R. A strengthened ethical version of Moore's Paradox? Lived paradoxes of self-loathing in psychosis and neurosis // Philosophical Psychology. 2012. Vol. 25, iss. 1. P. 133–141.

39. Rosenthal D. M. Moore's Paradox and Consciousness // AI, Connectionism and Philosophical Psychology. Philosophical Perspectives. 9. Atascadero, CA : Ridgeview, 1995. P. 313–334.

40. Shoemaker S. Moore's Paradox and Self-Knowledge // The First-Person Perspective and other essays. N. Y. : Cambridge University Press, 1996. P. 74–96.

41. Vidal J. Autoreferencia, autoconciencia, y la paradoja de Moore (Language: Spanish) // Crítica. 2012. Vol. 44, iss. 131. P. 55–81.

42. Williams J. N. Moore's paradoxes, Evans's principle and self-knowledge // Analysis. 2004. Vol. 64, iss. 4. P. 348–353.

43. Williams J. N. Moore's paradox and the priority of belief thesis // Philosophical Studies. 2013. Vol. 165, iss. 3. P. 1117–1138.

Рукопись поступила в редакцию 5 декабря 2013 г.

УДК 164.4 + 168.53 + 009 + 519.767

Г. К. Ольховиков

РЕФЕРЕНЦИЯ К ДЕЙСТВИЯМ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ РЕФЕРЕНЦИИ К ОБЪЕКТАМ*

Статья посвящена формализации ранее предложенного автором решения для задачи Крипке о веровании. Формализация проводится на основе ранее сформулированной автором теории действий Δ , а точнее на основе расширения $\Delta(N)$ этой теории, которое определяется в настоящей статье. Автор показывает, что помимо решения для задачи Крипке $\Delta(N)$ может послужить средством для анализа актуальных понятий философской прагмасемантики, например для дистинкции между различными видами истинностных условий акта высказывания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: задача Крипке, логика действий, языковые акты, семантика имен собственных.

В [1] мы рассмотрели вариант решения задачи Крипке о верованиях в духе теории метаязыковых дескрипций. Несмотря на то что теория дескрипций

* Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № 11-03-00608а и РФФИ, проект 11-06-00430а.

ассоциируется с именем Б. Рассела, предложенное в [1] решение использовало лишь дескрипции специальной формы, которая, по сути, кодировала историческую последовательность наследования референции собственных имен, предложенную самим Крипке в качестве парадигмы для объяснения их значений. Таким образом, предложенный нами вариант решения задачи Крипке был в равной мере и расселианским, и крипкеанским. В конце указанной статьи мы отметили, что естественным следующим шагом является формализация данного решения. В самом деле, и Крипке, и Рассела семантика формальных языков интересовала не меньше, чем семантика естественного языка, а многие ключевые идеи этих философов естественно возникают именно в контексте обсуждения формальных языков современной логики. В настоящей статье мы делаем первый шаг к формализации намеченного в [Там же] подхода к семантике и прагматике имен собственных, соотносим результат такой формализации с некоторыми идеями в современной философии языка и фиксируем ряд метафизических выводов из полученных на этом шаге результатов. Несмотря на то что в данной работе рассматриваются формальные языки, в конечном счете данное исследование мотивировано метафизическими вопросами, в его фокусе находятся скорее концептуальные, нежели технические моменты, а сама аргументация ведется неформальным образом.

Метаязыковые дескрипции и теория Δ

В [1] было предложено истолковывать высказывания об именах собственных примерно следующим образом: утверждение агента a в контексте c о том, что объект b обладает свойством P , предлагалось понимать как «существует ровно один объект, являвшийся референтом имени b при его употреблении агентом a' в контексте c' , и всякий такой объект обладает свойством P ». Если в этой конструкции «быть референтом имени b » истолковывается как предикат (а именно так мы и поступим), то у нас возникают две категории сущностей, которые могут быть значениями подлинных имен собственных: агенты и контексты. Мы утверждаем, что оба этих вида сущностей могут быть сведены к третьему, более базовому, а именно к действиям.

Основой для такого сведения и последующей формализации предложенного в [Там же] варианта теории метаязыковых дескрипций будет выступать разработанная нами теория действий Δ . В исходном варианте Δ является теорией во второпорядковой логике. Индивидуальные переменные Δ пробегают множество действий особого вида, а именно множество возможных коллективных действий-событий некоторого сообщества возможных агентов.

Понятие возможного действия мы не будем здесь пояснять, считая его исходным. Зафиксировав понятие возможного действия, возможным агентом будем считать агента, активного в ходе хотя бы одного из возможных действий. Коллективным действием сообщества будем считать действие, охватывающее собой активность всех существующих членов этого сообщества, происходящую в период между началом и окончанием данного действия. Наконец, поясним смысл термина «действие-событие». Универсум всех действий

мы подразделяем на две существенно различные онтологические категории: действия-типы (или действия-универсалии) и действия-события (или действия-партикулярии). Действия-типы чаще всего приводятся в философской литературе в качестве примеров действий; это такие действия, как «открывание двери» или «опускание монеты в автомат»; они могут быть реализованы различными способами и в разных ситуациях.

Под реализацией таких действий могут пониматься разные конструкции, более или менее детально описывающие способ и обстоятельства осуществления действий-типов. Например, «открывание двери на кафедре логики философского факультета МГУ» или «опускание монеты в 5 рублей в кофейный автомат 1 ноября 2012 года» могут рассматриваться как реализации указанных действий-типов. Однако приведенные выше реализации, разумеется, и сами являются действиями-типами, которые допускают многочисленные и разнообразные реализации. Переходя от данных действий-типов ко все более детальным их реализациям, в идеальном пределе получаем действия-события в качестве последней, наиболее конкретной реальности, в которую действие-тип может быть воплощено.

Из указанной конструкции действий-событий не следует, однако, ни то, что эти действия не могут пересекаться в пространстве и времени, ни пространственно-временная непрерывность этих действий. Тем не менее мы предполагаем, что совокупность действий-событий, представляющая собой область значений индивидуальных переменных нашей теории, обладает и этими дополнительными свойствами. Такое соглашение ведет к отбрасыванию некоторых действий-событий из области нашей теории, и очевидно, что такое отбрасывание может быть проведено разными способами. Эти различные способы приводят к возникновению различных моделей нашей теории.

Теория Δ включает всего пять исходных предикатных констант, выделяющих существенные для анализа любой деятельности связи между вышеописанными действиями. Это, во-первых, причинные связи; во-вторых, отношения между действиями и агентами (рассматриваемые косвенно, так как агенты сами по себе не входят в предметную область теории); в-третьих, оценки агентами тех или иных действий других агентов (возможно, самих себя). Эти исходные предикаты имеют следующие обозначения и смысл:

— $V(x, y, z)$ — совершение x может привести сообщество к выбору между y и z (не обязательно только этими двумя действиями). Так что, например, высказывание «совершение x может открыть возможность для совершения y » можно записать как $V(x, y, y)$;

— $Ag(x, y)$ — имеется хотя бы один агент, активный как при совершении x , так и при совершении y .

Три оставшихся предиката (из которых два задают позитивные и негативные оценки соответствующих действий) мало связаны с последующим изложением, и мы не будем обсуждать их детально.

Несмотря на кажущуюся скудость языковых средств нашей теории, она позволяет определить многие понятия, важные с точки зрения прагматики и семантики собственных имен. В частности, в том, что касается агентов и их

отношений к действиям, эта теория позволяет корректно определить следующие контексты:

- все агенты, активные при совершении действия x , активны и при совершении действия y ;
- при совершении действия x активны в точности те же агенты, что и при совершении действия y ;
- при совершении действия x активен ровно один агент.

Все это позволяет однозначно описать действующих в сообществе агентов, отталкиваясь от совершаемых ими действий, выбирая в качестве представителя данного агента любое возможное действие, при совершении которого активен только этот агент¹. Используя представление агентов через их действия, можно далее описать в теории Δ другие важные контексты, например:

- агент, представленный действием y , существует в ходе совершения действия x (хотя этот агент, быть может, и не активен при совершении действия x).

Таким образом, агенты в нашей теории кодируются особым видом действиями. То же можно сказать и о контекстах. Корректность такой кодировки контекстов действиями можно показать с помощью следующего неформального рассуждения. В [1] контексты были описаны следующим образом: «Контекст, задающий значения высказанных слов, охватывает как саму ситуацию и намерения пользователей в ней, так и предшествующую этой ситуации историю мира». Естественно предположить, что действия сообщества агентов, рассматриваемые в качестве предметной области нашей теории, разворачиваются в некотором мире, и в результате действий этого сообщества данный мир переходит из одного состояния в другое. Контекст будет включать в себя как некое текущее состояние данного мира, так и все состояния, предшествующие ему, но не обязательно будущие состояния. В действительности необходимость включения в контекст будущих состояний мира существует лишь для высказываний специального вида, например для предсказаний будущего или для высказываний о намерениях. Хотя эти виды высказываний важны, мы не будем рассматривать их в настоящей статье, ограничившись более простыми и базовыми типами высказываний. Поэтому для целей настоящей статьи мы можем предполагать, что контекст включает в себя только лишь текущую ситуацию вместе со всеми ей предшествовавшими.

Любая ситуация включает в себя как статические, так и динамические моменты, где к первым можно отнести исходное состояние мира, а ко вторым — осуществляемую в этом состоянии деятельность. Динамические моменты любой текущей ситуации максимально полно представлены соответствующим действием-событием из предметной области нашей теории. Однако исходное состояние мира, в котором осуществляется данное действие-событие, также однозначно кодируется этим действием. В самом деле, действия-события представляют собой последнюю, наиболее конкретную реализацию соответствующих действий-типов, а потому сами действия-собы-

¹ Точную формулировку результата о представлении агентов см. в [8], теорема 6. Более подробную характеристику и философскую дедукцию исходных принципов Δ см. в [2].

тия не могут иметь две различные (и потому более конкретные, чем эти действия-события) реализации. Стало быть, действия-события неповторимы, и каждое из них может быть реализовано лишь в одном состоянии мира².

После того как мы убедились, что действия-события из предметной области нашей теории однозначно кодируют как динамические, так и статические моменты текущей ситуации, задача представления контекстов фактически решена. Дело в том, что из аксиом, накладываемых в теории Δ на отношение причинности B , следует, что это отношение является отношением частичного порядка, ветвящегося в будущее³. Таким образом, у каждого состояния мира в любой модели нашей теории имеется ровно одна последовательность предшествовавших ему состояний мира и действий, осуществленных в этих состояниях. Стало быть, для того, чтобы однозначно зафиксировать эту последовательность (а вместе с ней и контекст, возникающий в данной текущей ситуации во всей его полноте), достаточно зафиксировать саму эту ситуацию, для чего, в свою очередь, как мы показали выше, достаточно указать на осуществляемое в данной ситуации действие-событие.

Итак, действия-события, составляющие предметную область теории Δ , в одном отношении могут рассматриваться как коды действующих агентов, а в другом отношении — как коды состояний мира и тем самым возникающих в этом мире контекстов. Для того чтобы дать в рамках этой теории описание семантики и прагматики имен собственных, не хватает еще двух компонентов: самих имен и объектов, которые могут выступать их значениями. Отсутствие этих компонентов в теории Δ вполне ожидаемо, поскольку эта теория задумывалась нами как общая философская теория действий, и применение ее к анализу действий с помощью слов и по отношению к словам требует расширения этой общей теории до некоторого ее прикладного варианта, учитывающего специфику обращения с именами в естественном языке. Ниже мы даем набросок такого расширения.

Теория $\Delta(N)$

Теория $\Delta(N)$, по причинам, которые станут ясны ниже, представляет собой расширение не теории Δ как таковой, а ее первопорядкового фрагмента и является теорией в монадической второпорядковой логике с одной из нестандартных семантик, а именно с семантикой Хенкина⁴. Вместе с тем стандартными моделями $\Delta(N)$ мы по-прежнему будем считать лишь модели, удовлетворяющие полной второпорядковой версии Δ , несмотря на то, что некоторые аксиомы исходной теории становятся невыразимыми в новых условиях. Поскольку теория $\Delta(N)$ носит прикладной характер, мы допускаем использование

² С другой стороны, в каждом состоянии мира может быть реализовано множество разных действий-событий (фактически, конечно же, произойдет только одно из них, а все прочие останутся лишь контрфактическими альтернативами к этому действию-событию).

³ Более подробную характеристику и философскую дедукцию исходных принципов Δ см. в [2].

⁴ Подробнее о семантике Хенкина см., например, [12, гл. 3.3].

индивидуальных и предикатных констант, которые мы далее будем обозначать буквами a, b, c, d, \dots и P, Q, R, S соответственно.

Смена характера базовой логики и семантики связана с принимаемым нами в рамках $\Delta(N)$ подходом к представлению именуемых объектов в тех случаях, когда эти объекты отличны от агентов и контекстов. Прежде всего заметим, что объект может быть однозначно отождествлен со множеством возможных состояний мира, в которых этот объект существует. Если два объекта различны, то возможно состояние мира, в котором один объект отсутствует, тогда как другой объект существует. Стало быть, для любых двух различных объектов соответствующие множества состояний мира будут различны. Поскольку любое возможное состояние мира кодируется некоторым действием, то объект оказывается попросту свойством действий, верным для тех и только тех действий, которые доступны в состояниях мира, в которых есть этот объект. Иными словами, потенциальным объектом является любое свойство действий, охватывающее вместе с данным действием все его альтернативы (что, конечно же, нетрудно записать в виде формулы теории Δ).

Все ли потенциальные объекты являются фактическими объектами, т. е. потенциальными значениями имен? Решение этого вопроса зависит от принимаемой онтологии. Утвердительный ответ на него потребовал бы весьма либеральной концепции объектов, вроде той, что придерживается У. Куайн (см., например, [10]), но с многочисленными уточнениями и усложнениями. Отрицательный ответ ближе к интуитивному пониманию объекта: с точки зрения здравого смысла очевидно, что возможны такие изменения в состоянии мира, которые не меняют множества существующих в нем объектов. В таком случае необходимо зафиксировать некоторое множество выделенных одноместных предикатов над действиями, которые представляли бы объекты, и потребовать, чтобы все прочие предикаты аналогичной формы не могли быть объектами именованя.

Этот путь более заманчив, но он связан и с определенными проблемами: ограниченная квантификация над предикатами, вообще говоря, требует ресурсов логики третьего порядка, тогда как наша теория сформулирована во второпорядковой логике. Вместе с тем дальнейшее изложение задействует второпорядковые ресурсы лишь в целях квантификации над объектами, что предоставляет нам довольно простой выход из указанного затруднения, упомянутый в начале данного раздела: мы предполагаем, что совокупность объектов и является областью, которую пробегает переменные для одноместных предикатов. Тем самым вместо стандартной второпорядковой логики мы получаем монадическую второпорядковую логику с семантикой Хенкина. При этом естественным условием, выполнение которого мы будем в дальнейшем предполагать, является возможность для каждого объекта существовать независимо от всех прочих объектов, формальным выражением которой служит то, что объем каждого из выделенных предикатов содержит хотя бы одно действие, которое отсутствует в объемах всех прочих выделенных предикатов.

Поскольку мы хотели бы представить в $\Delta(N)$ не только именование объектов, но и предикацию по отношению к ним, нам потребуется достаточный запас

предикатных констант, причем каждый n -местный предикат над объектами мы будем представлять посредством $(n + 1)$ -местного предиката над действиями следующим образом. Если, например, P — некоторое свойство объектов в метаязыке $\Delta(N)$, то представляющий его в рамках $\Delta(N)$ двухместный предикат Q будет истинным для пары действий x, y , если и только если y является представителем состояния дел, в котором существует некоторый объект O , такой, что в состоянии дел, представителем которого является x , O обладает свойством P . Такое определение является корректным в силу введенного выше условия о логической независимости любого данного объекта от всех прочих объектов.

Наконец, нам необходимы имена для наших объектов. Поскольку число *фактически используемых в любой данный момент* имен в любом (даже формальном) языке всегда конечно, мы можем обойтись счетно-бесконечным списком собственных имен

$$N_1, \dots, N_n, \dots$$

Каждому из этих имен в теории $\Delta(N)$ соответствует трехместное отношение особого вида. Например, $N_1(x, y, z)$ верно, если и только если в состоянии мира, представленном x , агент, представленный действием-событием y , именуется посредством имени N_1 некоторый единственный объект O , причем действие z обладает выделенным свойством, соответствующим данному объекту O . При этом мы предполагаем, что любой удачный акт именованья или упоминания имени сопоставляет этому имени в качестве его значения некоторый единственный объект. В противном случае акт именованья считается неудавшимся, а соответствующее отношение — пустым для данных значений x и y .

Такая позиция предполагает принятие следующей аксиомы:

$$(A1) \quad \forall xy(N_i(x, y, z) \rightarrow \exists X(\forall w(X(w) \leftrightarrow N_i(x, y, z)) \vee \forall w\neg X(w)))$$

для любого натурального i^5 .

Кроме предикатов для имен нам необходим предикат для актов референции. Согласно теории, предложенной Крипке в [5] и принятой нами в [1], главным средством осуществления референции к объекту является ссылка (необязательно явная) на некое ранее бывшее употребление этого имени (исключением является ситуация, когда имя нарекается, т. е. вводится в этом значении посредством нового соглашения). Данный механизм референции мы представляем в теории $\Delta(N)$ в качестве счетно-бесконечного семейства четырехместных отношений

$$Ref_1, \dots, Ref_n, \dots,$$

где, например, $Ref_1(x, y, x_1, y_1)$ верно, если и только если в состоянии дел x агент y употребляет имя N_1 в том же смысле, в каком агент y_1 употребил это

⁵ Мы не ставим здесь целью дать полную аксиоматизацию $\Delta(N)$, упоминая формулы, которые мы хотели бы видеть в качестве ее аксиом и теорем, лишь для иллюстрации тех или иных неформальных утверждений.

имя в состоянии дел x_1 . Мы будем предполагать, что в каждый данный момент агент в состоянии сослаться лишь на одно предшествующее употребление любого данного имени и что поэтому для данных значений x, y, i существует не более чем одна пара значений x_1, y_1 , для которых верно $Ref_i(x, y, x_1, y_1)$. В частности, мы будем предполагать, что $Ref_i(x, y, x, y)$ верно лишь в ситуации наречения имени N_i^6 .

Наконец, поскольку мы намерены моделировать языковую деятельность агентов, нам необходимы средства для представления языковых актов этих агентов. Чтобы не усложнять ситуацию, ограничимся ассерторическими языковыми актами, т. е. все языковые акты, рассматриваемые в нашей теории, будут высказываниями некоторых истинных или ложных суждений, причем мы не наложим слишком строгих ограничений на действия реальных агентов, если потребуем, чтобы в процессе каждого действия каждый агент мог высказать не более одного суждения. В этих условиях мы можем обойтись добавлением в нашу теорию двух новых отношений $T(x, y)$ и $F(x, y)$, которые означают, что в процессе действия x агент, представителем которого является действие y , высказал некоторое истинное и соответственно ложное утверждение. Разумеется, мы предполагаем, что для этих предикатов будет верна аксиома

$$(A2) \forall xy \neg (T(x, y) \wedge F(x, y)),$$

т. е. что высказывание, сделанное агентом в произвольной ситуации, должно иметь лишь одно из этих двух значений. С другой стороны, в каких-то ситуациях агент может и вовсе не высказываться, поэтому мы НЕ требуем выполнения аксиомы:

$$(A3) \forall xy (T(x, y) \vee F(x, y)).$$

В этих условиях мы можем формализовать семантику и прагматику имен собственных, заданную в [1] применительно к целому ряду стандартных языковых контекстов, прежде всего в отношении утверждений стандартной перепорядковой логики и логики алетических модальностей. Чтобы не перегружать текст индуктивными определениями, просто рассмотрим несколько примеров.

Пример 1. Атомарные суждения. Тот факт, что в ходе действия a агент, представителем которого является действие b , высказал суждение о том, что объект, именуемый N_1 , обладает свойством P , при условии, что свойству P в нашей теории соответствует двухместное отношение Q , будет записываться следующим образом:

$$(T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \exists xy (Ref_1(a, b, x, y) \wedge N_1(x, y, a) \wedge \forall z (N_1(x, y, z) \rightarrow Q(a, z)))).$$

⁶ Отметим, что отношение $Ref_i(x, y, x_1, y_1)$ не может быть сведено к прочим предикатам теории $\Delta(N)$, например, следующим образом: $Ref_i(x, y, x_1, y_1) \Leftrightarrow \forall z (N_i(x, y, z) \leftrightarrow N_i(x_1, y_1, z))$, поскольку совпадение значений имен может произойти и случайно, без каких-либо ссылок на более ранние употребления имени в том же значении.

По сути, мы утверждаем здесь, что данный агент в процессе указанного действия, во-первых, высказал некоторое суждение, истинное или ложное, а во-вторых, что это суждение истинно, если и только если имеется некоторое употребление имени N_1 , которому намерен следовать наш агент и при котором обозначаемый этим именем объект (1) существует в том состоянии мира, в котором высказывается это суждение, и (2) обладает в этом состоянии свойством P .

Пример 2. Булевы комбинации. Пусть в ходе действия a агент, представителем которого является действие b , высказал суждение о том, что объекты, именуемые N_1 и N_2 , обладают свойством P , и пусть Q имеет то же значение, что и в предыдущем примере. Данный факт будет записываться в нашей теории следующим образом:

$$(T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \exists x_1 y_1 x_2 y_2 (Ref_1(a, b, x_1, y_1) \wedge Ref_2(a, b, x_2, y_2) \wedge N_1(x_1, y_1, a) \wedge N_2(x_2, y_2, a) \wedge \forall z (N_1(x_1, y_1, z) \rightarrow Q(a, z)) \wedge \forall w (N_2(x_2, y_2, w) \rightarrow Q(a, w))))).$$

Пример 3. Кванторы по объектам. Пусть в ходе действия a агент, представителем которого является действие b , высказал суждение о том, что некоторый объект находится в отношении R с объектом, именуемым N_1 , и пусть Q — трехместное отношение, представляющее в нашей теории двухместное отношение между объектами R . Данный факт будет записываться следующим образом:

$$(T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \exists Xxy (Ref_1(a, b, x, y) \wedge N_1(x, y, a) \wedge X(a) \wedge \forall zw ((N_1(x, y, z) \wedge X(w)) \rightarrow Q(a, z, w))).$$

Пример 4. Алетические модальности. Пусть в ходе действия a агент, представителем которого является действие b , высказал суждение о том, что объект, именуемый N_1 , мог бы обладать свойством P , и пусть свойству P в нашей теории соответствует двухместное отношение Q . Данный факт будет записываться следующим образом:

$$(T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \exists xyz_1 w_1 (Ref_1(a, b, x, y) \wedge N_1(x, y, z_1) \wedge B(w_1, x, x) \wedge B(w_1, z_1, z_1) \wedge \forall z (N_1(x, y, z) \rightarrow Q(z_1, z)))).$$

Последний пример требует некоторых комментариев. Крипке неоднократно подчеркивал, что его возможные миры представляют собой главным образом контрфактические возможности. Таким образом, нечто возможно, если оно или было в прошлом, или есть сейчас, или будет в будущем, или же в прошлом существовал момент, в котором могли бы произойти события, которые могли привести к возникновению этого нечто в одной из альтернативных историй нашего мира. Учитывая смысл описанного выше предиката B , приведенная формула говорит о том, что в прошлой истории мира существовала ситуация, которая могла привести как к текущему состоянию дел, так и

к некоторой ситуации, в которой бы референт N_1 обладал свойством P . С учетом свойств предиката V это представляется нам наиболее естественным определением крипкеанской метафизической необходимости, а возникающая на основе этого определения модальная логика — одной из естественных формализаций представлений Крипке относительно свойств этого понятия. Ясно, что такая логика будет находиться между $S4$ и $S5$, возможно, совпадая с первой из этих систем. Но точная характеристика теории крипкеанской необходимости в духе приведенного выше определения остается открытой проблемой.

Рефлексивные vs референциальные условия истинности высказываний

В конце предыдущего раздела мы наметили некую простейшую теорию отношений между агентами, ситуациями и языковыми актами, которые осуществляются данными агентами в данных ситуациях. Иными словами, согласно классическому определению Ч. Морриса о том, что прагматика изучает отношения между пользователями языка и знаками, можно сказать, что мы построили некую зачаточную версию формальной прагматики. В настоящем разделе мы попробуем показать, что, несмотря на простоту построенной нами теории, она вполне может внести вклад в обсуждение актуальных вопросов современной философии, рассмотрев в качестве примера дистинкцию между рефлексивными и референциальными условиями истинности высказывания.

Эта дистинкция введена Дж. Перри (см. [9]), причем сам автор возводит ее к некоторым идеям, присутствующим в философии Д. Юма. Она является одной из трех базовых идей сравнительно нового направления в философии языка, так называемой критической прагматики (см. [7]), и существенным образом используется в рамках этого направления для выхода, например, из грайсовского порочного круга (см. [Там же, гл. 12.5]). Основная идея состоит в том, что, рассматривая значение данного ассерторического языкового акта, мы можем сформулировать для него условия истинности с учетом лишь тех семантических ограничений, которые задаются лексическими значениями использованных агентом слов (и тогда мы получаем рефлексивные условия истинности), или же мы можем учесть, наряду с этими ограничениями, дополнительную информацию, касающуюся самого осуществления языкового акта, времени и места его осуществления, объектов, составляющих референцию имен собственных, и т. д. Несколько огрубляя ситуацию, можно сказать, что если Иван в момент времени t говорит «Я проголодался», то рефлексивные истинностные условия его высказывания будут выглядеть так:

(C1) В момент произнесения данного высказывания его автор был голоден; тогда как референциальные условия истинности этого высказывания будут таковы:

(C2) В момент t Иван был голоден.

Разумеется, рефлексивные условия истинности, не содержащие никакой дополнительной информации помимо соответствующих лексических значений, и референциальные условия истинности, содержащие всю контекстно-зависимую информацию в полном объеме, — это лишь две крайности, между

которыми на практике неизбежно разворачивается целый спектр полутонов. В наиболее интересной для нас ситуации обсуждения семантики и прагматики имен собственных авторы [7] разворачивают эту дистинкцию до следующей четырехзвенной номенклатуры типов истинностных условий высказывания:

1) utterance-bound truth conditions = рефлексивные истинностные условия;

2) speaker-bound truth conditions — рефлексивные истинностные условия плюс информация об агенте высказывания (добавим, что в эти условия естественнее всего включить базовую информацию о контексте, связанную как минимум с разрешением вопроса о значениях указательных слов, поскольку она не включается явным образом в последующие уровни);

3) network-bound truth conditions — то же, что и в п. 2, плюс информация о механизмах наследования референции собственных имен, использованных автором высказывания;

4) референциальные истинностные условия — то же, что и в п. 3, плюс идентификация денотатов собственных имен.

Помимо критической прагматики классификация истинностных условий связана с недавними дискуссиями о способе разграничения семантического и прагматического компонентов в содержании высказывания, в которых можно условно выделить два лагеря — минималистов и контекстуалистов⁷. То, что минималисты считают семантическим содержанием высказывания, оказывается достаточно близким к рефлексивным условиям его истинности, причем различия между собственно рефлексивными условиями истинности и близкими к ним speaker-bound truth conditions обнаруживают известную связь с различиями между более умеренной версией минимализма, представленной в [3], и более радикальным подходом, характерным для [4]. Напротив, контекстуалисты склонны включать в семантическое содержание все или почти все компоненты референциальных условий истинности.

Если мы теперь вновь обратимся к приведенным в предыдущем разделе примерам экспликации условий истинности различных высказываний агентов, то можно заметить, что они реализуют некий вариант минималистского подхода к семантике этих высказываний. Например, мы определили выше, что агент верно утверждает, что объект по имени *N* обладает свойством *P*, если и только если есть такая (не обязательно отличная от данной) ситуация употребления этого имени, что агент употребляет *N* в том же смысле, как и в той ситуации, причем то, что было значением имени *N* в той ситуации, существует в текущей ситуации и действительно обладает в ней свойством *P*. Легко заметить, что, принимая такое определение, мы рассматриваем высказывание данного агента с точки зрения внешнего наблюдателя, причем такого наблюдателя, который не знает о данном агенте ничего, кроме того, что он является автором данного высказывания. С другой стороны, наши условия

⁷ В отдельных источниках (см. [11, 3]) минимализм называется либерализмом.

явно предполагают, что этому внешнему наблюдателю известно, кто именно является автором высказывания и в какой именно ситуации оно произведено, поскольку и то и другое представлено в этих условиях именами собственными соответствующих действий. Таким образом, истинностные условия, рассмотренные в конце предыдущего раздела, могут быть охарактеризованы в терминах [7] как *speaker-bound truth conditions*. Можем ли мы теперь сделать еще один шаг в сторону минимализма и формализовать в нашей теории рефлексивные истинностные условия? Ответ утвердительный; нам необходимо лишь связать кванторами существования константы, содержащие информацию об авторе и контексте высказывания, так что, скажем, для атомарного высказывания из примера 1 мы получим

$$(1) \quad \exists xy((T(x, y) \vee F(x, y)) \wedge \\ \wedge (T(x, y) \leftrightarrow \exists x_1 y_1 (Ref_1(x, y, x_1, y_1) \wedge N_1(x_1, y_1, x) \wedge \forall z (N_1(x_1, y_1, z) \rightarrow Q(x, z)))))).$$

Как показано в [Там же], ни один из выделенных выше типов истинностных условий суждений не может быть признан основным, а тем более «единственно верным»; значимость тех или иных истинностных условий высказывания зависит от ситуации, в которой это высказывание производится и, вообще говоря, определяется прагматическими характеристиками этой ситуации, так что данную формулу (как, впрочем, и формулы, приведенные в примерах 1–4) следует рассматривать не как аксиомы, задающие значение предикатов T и F , а как выполнимые формулы, фиксирующие ту или иную эмпирическую информацию.

С одной стороны, рефлексивные условия истинности имеют особое значение в качестве исходного пункта для вычисления грайсовских импликатур, представляющих собой важнейший этап прагматического анализа языкового акта. С другой стороны, результатом этого анализа, как правило, служит тот или иной вариант разворачивания этих условий в референциальные условия истинности. С третьей стороны, в некоторых ситуациях анализ высказывания заканчивается «на полпути», и выяснения, например, *speaker-bound truth conditions* достаточно для того, чтобы человек, которому это высказывание адресовано, перестал размышлять над его смыслом и перешел к адекватным данной ситуации действиям⁸. С четвертой стороны, довольно часто правильный анализ ситуации требует указания именно референциальных условий истинности. Рассмотрим, например, следующий диалог:

Пример 5. *Истинностные условия в контексте диалога.*

Пьер: Лондон — красивый город.

Поль: Это верно.

При определенных условиях естественно предположить, что Поль утверждает, что красивым городом является именно тот объект, который Пьер несколько ранее назвал Лондоном, чем бы этот объект на самом деле ни являлся. Предположим, что действие, во время которого Пьер произносит свое утверж-

⁸ См., например, анализ высказывания (9.1) [7, 105].

дение, обозначается константой a ; действие, во время которого высказывается Поль, происходит несколько позднее и обозначается константой c , а представителями Пьера и Поля как агентов являются действия, которые обозначаются в нашей теории константами b и d . Пусть далее в качестве имени для Лондона используется N_1 , а представителем свойства объектов «быть красивым городом» служит двухместное отношение между действиями Q . В таком случае вышеописанный диалог запишется в виде конъюнкции двух следующих формул:

$$(2) \quad (T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge \\ \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \exists x_1 y_1 (Ref_1(a, b, x_1, y_1) \wedge N_1(x_1, y_1, a) \wedge \forall z (N_1(x_1, y_1, z) \rightarrow Q(a, z)))));$$

$$(3) \quad (T(c, d) \vee F(c, d)) \wedge \\ \wedge Ref_1(c, d, a, b) \wedge (T(c, d) \leftrightarrow (N_1(a, b, c) \wedge \forall z (N_1(a, b, z) \rightarrow Q(c, z)))).$$

Мы видим, что хотя при представлении высказывания Пьера мы еще можем обойтись speaker-bound truth conditions, ответ Поля может быть правильно понят в контексте диалога лишь в результате указания на референциальные условия истинности его высказывания.

Вместе с тем наш анализ примера 5 содержит определенную неясность. В самом деле, мы еще ничего не сказали о том, каким образом в рамках теории $\Delta(N)$ можно провести различие между референциальными условиями истинности высказывания и близкими к ним network-bound truth conditions. Быть может, в ответе Поля фиксируется именно второй, а не первый тип истинностных условий? Нам неизвестен правильный ответ на этот вопрос, и вот почему. С одной стороны, есть основания считать, что в (3) фиксируются именно референциальные истинностные условия ответа Поля, поскольку все кванторы существования, присутствовавшие в рефлексивных истинностных условиях (1) для высказывания аналогичной формы заменены здесь собственными именами. Это говорит о том, что вся доступная в рамках $\Delta(N)$ информация о контексте высказывания и значениях собственных имен включена в (3) в явной форме. С другой стороны, учитывая введенные выше аксиомы для констант N_1, \dots, N_n, \dots , может показаться, что (3) ближе к network-bound truth conditions, ведь эти аксиомы позволяют преобразовать формулу (3) следующим образом:

$$(4) \quad (T(c, d) \vee F(c, d)) \wedge Ref_1(c, d, a, b) \wedge \\ \wedge (T(c, d) \leftrightarrow (N_1(a, b, c) \wedge \exists X (\forall w (N_1(a, b, w) \leftrightarrow X(w)) \wedge \forall z (X(z) \rightarrow Q(c, z))))).$$

Здесь объект представлен переменной (правда, переменной второго порядка), связанной квантором существования, что соответствует network-bound truth conditions. Но если наши референциальные условия истинности — это на самом деле лишь network-bound truth conditions, то как должны выглядеть «подлинные» референциальные условия истинности? Схема Перри и Корты требует здесь чего-то вроде:

$$(5) \quad (T(c, d) \vee F(c, d)) \wedge Ref_1(c, d, a, b) \wedge \\ \wedge (T(c, d) \leftrightarrow (N_1(a, b, c) \wedge \forall w (N_1(a, b, w) \leftrightarrow S(w)) \wedge \forall z (S(z) \rightarrow Q(c, z)))).$$

где S — одноместная предикатная константа. Но, с третьей стороны, не совсем понятно, насколько существенный шаг вперед сделан (5) по сравнению с (3). Перейдя от (3) к (5), мы, несомненно, получили более сильное утверждение, но сам денотат имени N_1 и в (3), и в (5) описывается с помощью предикатной константы — отличия лишь в ее местности. Достаточно ли этой разницы, чтобы оправдать различие между network-bound truth conditions и собственно референциальными условиями истинности, — непростой и, по нашему мнению, открытый вопрос. Наша гипотеза относительно вышеописанного эффекта «смазывания» дистинкции между network-bound truth conditions и референциальными условиями истинности состоит в том, что осмысленность этого различия может быть связана с принятием авторами [7] метафизической предпосылки о первичном онтологическом статусе объектов и что поэтому погружение этой дистинкции в контекст теории Δ , где исходными компонентами универсума являются действия-события, а объекты являются логическими конструкциями на основе действий, могло вызвать указанные проблемы.

Подводя итог настоящему разделу, мы можем констатировать, что намеченная в рамках теории $\Delta(N)$ формальная прагматика, при всей ее относительной простоте и примитивности, достаточно выразительна для того, чтобы зафиксировать и уточнить с приемлемой степенью точности некоторые актуальные концепции современной философии языка.

Возвращаясь к исходному пункту настоящей статьи, попробуем понять, какие выводы относительно статуса теории метаязыковых дескрипций, намеченной нами в [1], могут быть сделаны из осуществленного выше опыта формализации этой теории. Во-первых, особый характер метафизических предпосылок, лежащих в основании теории Δ , позволяет нам свести две основные категории подлинных имен собственных, выделенные в [Там же], а именно имена собственные агентов и контекстов, к единой категории имен действий-событий особого вида, что в онтологическом отношении представляет определенную экономию. Тем самым мы можем проанализировать любые высказывания агентов, содержащие имена собственных объектов, с помощью логических конструкций, содержащих лишь имена собственных действий, что и объясняет заголовки настоящей статьи⁹. Вместе с тем выигрыш от такого сведения уменьшается за счет того, что сами эти действия представляют собой достаточно сложные явления, которые с точки зрения здравого смысла являются гораздо менее естественными, чем даже введенные в [Там же] агенты-события.

Во-вторых, наша формализация позволяет нам сформулировать «химически чистый» вариант теории метаязыковых дескрипций в одном важном

⁹ Вместе с тем из того, что референция к объектам может быть в указанном смысле сведена к референции к действиям, отнюдь не следует, что объекты в нашей теории являются ущербными в онтологическом отношении, менее реальными, чем, например, действия-события. Теория $\Delta(N)$ может быть эквивалентным образом переформулирована в качестве теории, в универсуме которой действия-события и объекты представляют две равноправные и рядоположенные категории объектов.

частном случае. А именно, если мы ограничиваемся рефлексивными условиями истинности высказываний, мы можем полностью свести семантику собственных имен к метаязыковым дескрипциям без всякой опоры на какие бы то ни было «логически подлинные» имена собственные. Наконец, в-третьих, наша формализация позволяет нам записать пропозициональное содержание верований Пьера о London и Londres, используемых Крипке в формулировке его задачи о верованиях непротиворечивым образом¹⁰. А именно, предполагая, что Пьер высказывает свои верования во время действия a , что представителем Пьера служит действие b , что имена N_1 и N_2 представляют собой имена Londres и London соответственно и что значение этих имен было усвоено Пьером ранее во время действий c и d соответственно, референциальные условия истинности высказывания Пьера о том, что Londres красив, а London — не очень, будут выглядеть следующим образом:

$$(6) \quad (T(a, b) \vee F(a, b)) \wedge (T(a, b) \leftrightarrow \\ \leftrightarrow (Ref_1(a, b, c, b) \wedge Ref_2(a, b, d, b) \wedge N_1(c, b, a) \wedge \\ \wedge N_2(d, b, a) \wedge \forall z(N_1(x_1, y_1, z) \rightarrow Q(a, z)) \wedge \forall w(N_2(x_2, y_2, w) \rightarrow \neg Q(a, w))))).$$

Легко понять, что (6) является выполнимой формулой первопорядковой логики и что, таким образом, верования Пьера не содержат логического противоречия.

1. Ольховиков Г. К. Метаязыковые дескрипции и решение для задачи Крипке // Эпистемология и философия науки. 2012. Т. XXXII, № 2. С. 93–106.
2. Ольховиков Г. К. Теория Δ : философские основания аксиоматизации // Полигнозис. 2010. № 3. С. 129–140.
3. Borg E. Minimalist Semantics. Oxford University Press, 2004.
4. Cappelen H., Lepore E. Insensitive Semantics. Oxford ; Blackwell, 2005.
5. Kripke S. Naming and Necessity. Harvard University Press, 1980.
6. Kripke S. A Puzzle About Belief // Meaning and Use; A. Margalit (ed.). Dordrecht : D. Reidel, 1979. P. 239–283.
7. Korta K., Perry J. Critical Pragmatics: An Inquiry into Reference and Communication. Cambridge University Press, 2011.
8. Olkhovikov G.K. Second-order theory D as a tool for description of modal semantics // Advances in Modal Logic 2010, 24–27 Aug. 2010, Moscow, Russia. Extended abstracts. Moscow, Steklov Mathematical Institute, 2010. P. 53–57.
9. Perry J. Reference and Reflexivity. Stanford, CSLI Publications, 2001.
10. Quine W.V.O. Worlds away // The Journal of Philosophy. 1976. Vol. 73, iss. 22. P. 859–863.
11. Recanati F. Literal Meaning. Cambridge University Press, 2004.
12. Shapiro S. Foundations without Foundationalism. Oxford University Press, 1991.

Рукопись поступила в редакцию 5 декабря 2013 г.

¹⁰ Подробную формулировку этой задачи можно найти в исходной статье Крипке [6].

УДК 168.522 + 111.11

Ю. В. Горбатова

СЕМАНТИКА ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ: УРОВНИ АНАЛИЗА И ПОНЯТИЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ*

Основным тезисом статьи является идея, что семантика возможных миров (которая в настоящий момент является чрезвычайно популярной среди аналитиков) для того, чтобы стать действительно эффективным инструментом для решения сугубо теологических вопросов, должна опираться на многоуровневую онтологию, строгим построением которой, как правило, пренебрегают.

Ключевые слова: семантика возможных миров, онтология, аналитическая теология.

Принятие того или иного языка, той или иной логики вынуждает нас сделать определенные допущения о познаваемых объектах. Одна из задач философии и состоит в том, чтобы установить связь между принимаемыми средствами выражения и рассуждения, с одной стороны, и допущениями об объектах рассуждения — с другой.

В. А. Смирнов

Семантика возможных миров может выступать как эффективный инструмент анализа во многих областях исследований языка. Е. Д. Смирнова пишет следующее: «Семантика возможных миров фактически моделирует — где-то схематизируя и огрубляя — определенные аспекты реального процесса познания. Реально люди учитывают более чем один возможный ход развития событий, и если рассматривать понятийный аппарат, который используется при этом, то следует учитывать возможные направления развития событий, отличные от того направления, по которому пошло действительное развитие» [3]. Таким образом, семантика возможных миров позволяет учесть не только то, что действительно имело место, но и то, что могло (или даже не могло) иметь места и не произошло. Такая возможность открывает перед семантикой возможных миров широкие перспективы¹. Тем не менее философские основания самой семантики возможных миров не окончательны и нуждаются в уточнении.

Основным вопросом для всей модальной онтологии² является вопрос об онтологическом статусе *possibilia*³. Поскольку для аналитической философской

* В данной научной работе использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта № 11-01-0172 «Логико-онтологические основания современной аналитической теологии», реализованного в рамках Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2012–2013 гг.

¹ Недаром сама идея возможных миров получила чрезвычайно широкое распространение в самых разнообразных областях науки. Однако семантика возможных миров — это строгим образом заданный аппарат, в то время как в большинстве прочих случаев речь идет скорее о фантазийных размышлениях о том, что могло бы случиться, но не произошло.

² Рассмотрение этого вопроса с разных сторон см., например, в [1].

³ То есть так называемых «возможных объектов» (где слово «объект» понимается максимально широко — как объект исследования).

традиции характерно выделение не менее трех уровней онтологии⁴, этот вопрос может быть поставлен относительно каждого из них, а именно относительно 1) объектов, 2) положений дел и 3) возможных миров. При постановке проблемы таким образом встает дополнительный вопрос о соотношении (связи) между уровнями онтологии. Как правило, связь эта выражается через понятия «состоять из» или «являться» (понятыми в самом широком смысле); смысл этих понятий остается непроясненным, они употребляются как «очевидные», интуитивно ясные и, поскольку действительно выступают в качестве базовых понятий, не предполагают никакого явного определения. Другим видом связи является связь через отождествление: при таком подходе два уровня онтологии как бы «слипаются», образуя упрощенную [7], двух- (или даже одно-) уровневую онтологию⁵.

На всех уровнях онтологии выделяются сущности⁶, за которыми признается существование — способ бытийствования. Однако существование этих сущностей на разных уровнях принципиально различно, поскольку на каждом уровне утверждается существование сущностей особого рода, отличных от сущностей других уровней. Поэтому во избежание терминологической путаницы, связанной с термином «существование», для каждого уровня анализа требуется ввести соответствующее понятие, выражающее способ существования сущностей, характерный именно для данного уровня онтологии. Более того, для каждого уровня онтологии необходимо ввести два понятия существования: «слабого» и «сильного», где под «сильным» существованием будем понимать существование в смысле действительного наличествования, в то время как «слабое» существование предполагает максимально широкое понимание термина — существование «вообще», в каком-либо смысле.

Что касается аналитической традиции, в ней принято выделять три подхода к пониманию *possibilia*: актуализм, POSSIBILITY и модальный реализм. Мы, однако, обратимся только к первым двум, в силу того, что модальному реализму⁷ смысл будет придан через понятия актуализма и POSSIBILITY.

Актуализм. Характерной чертой актуализма является признание существования только за подмножеством класса возможных сущностей — так называемых сущностей актуальных. Область возможного, таким образом, оказывается больше области существующего. Отсюда следует, что в «сильном» смысле признается существующей только часть сущностей (актуальные сущности) — в этом и заключается основной признак актуализма.

Вторым характерным (но не обязательным) для актуализма признаком является признание за *possibilia* существования в «слабом» смысле. Если

⁴ Зачастую это разделение никак не оговаривается, однако оно все равно имеет место.

⁵ Например, часто строят онтологию так, что под возможным миром понимают максимальное положение дел. При таком подходе уровни положений дел и возможных миров «слипаются» в один, поскольку возможные миры оказываются лишь разновидностью положений дел, а не самостоятельным видом сущностей.

⁶ Здесь и далее «сущность» понимается не в смысле *essence*, а в смысле *entity*.

⁷ О модальном реализме см. [4].

такое признание имеет место, то различие способов существования актуальных сущностей и *possibilia* понимается в априорном, абсолютном смысле: до всякого опыта одни сущности оказываются «сильно» существующими, а другие — «слабо». Переход сущностей из одной категории в другую невозможен. То есть если уж какое-либо нечто существует в строгом смысле, то это не зависит ни от опыта, ни от других приводящих или субъективных факторов: каким-то сущностям «повезло» и они действительно существуют, про остальные можно только утверждать, что они существуют в качестве возможности, которая уже никогда не станет действительностью. Строго говоря, актуализм предполагает, что в модельной структуре наряду с множеством возможных сущностей отдельным образом задается особый логический объект — фиксированный элемент или подмножество упомянутого множества. Для миров это означает выделение фиксированного действительного мира: $\langle W, \alpha \rangle$ (где $\alpha \in W$); для положений дел — выделение подмножества фактов (имеющих место положений дел): $\langle S, F \rangle$ (где $F \subseteq S$); для объектов — подмножество действительных объектов: $\langle U, D \rangle$ (где $D \subseteq U$).

Таким образом, актуализм относительно каждого уровня предполагает *стратифицированный* на этом уровне универсум.

Поссибилизм. Для поссибилизма, напротив, характерно признание существования за всеми сущностями на одних и тех же онтологических основаниях: *possibilia* существуют в том же смысле, что и актуальные сущности. Другими словами, область возможного совпадает с областью существующего. Таким образом, *все* сущности существуют в «сильном» смысле и различие между действительным и возможным теряется или по крайней мере утрачивает свой абсолютный характер: поссибилизм допускает выделение на множестве существующего подмножества сущностей, существующих в каком-то дополнительном смысле. Речь, однако, тогда идет уже не о логическом, а о фактическом выделении. Поскольку все сущности и так уже существуют в «сильном» смысле, придать некоторым из них еще более «сильное» существование не представляется возможным. В силу этого не самого счастливого обстоятельства в качестве характеристики вводится понятие существования как *реального* предиката. Это, в свою очередь, оказывается очень удобно, если возникает потребность доказать существование какого-либо объекта (например, Бога). С семантической точки зрения такое решение означает отказ от добавления в модельную структуру выделенных сущностей: они если и выделяются, то уже не на логических, а лишь на сугубо фактических основаниях, т. е. относительным образом. Модельная структура в таком случае имеет следующий вид: для миров — $\langle W \rangle$; для положений дел — $\langle S \rangle$; для объектов — $\langle U \rangle$. При таком подходе можно говорить о том, что поссибилизм предполагает *многосортовый*, а не *стратифицированный* универсум⁸.

⁸ Такой многосортовый универсум в самом широком смысле можно выразить через следующее отношение: $A \subseteq P \subseteq V$, где V — виртуальные (т. е. все) сущности, P — возможные сущности (те, которым в принципе может быть приписан предикат существования) и A — актуальные сущности (те, кому уже приписан предикат существования).

Поскольку наиболее интересным является понятие «возможного мира», рассмотрим актуализм и пossiбилизм в отношении возможных миров более подробно.

Актуализм для возможных миров. Как уже говорилось выше, в таком случае один мир модели на априорных логических основаниях полагается выделенным абсолютным образом: $\langle W, \alpha \rangle$ (где $\alpha \in W$).

В то же время **пossiбилизм для возможных миров** допускает два подхода:

а) все возможные миры имеют одинаковый логический статус, выделенный мир отсутствует как таковой;

б) вводится понятие «актуального» мира, который не выделяется априорно, но представляет собой скорее «плавающее» понятие: при таком подходе понятие «актуального мира» совпадает с индексированным понятием «этот мир», или «мир, который был бы актуальным, если бы высказывание о его актуальности оценивалось в нем самом». Модальный реализм, который традиционно выделяют в самостоятельный подход, относится именно к этой разновидности пossiбилизма.

Как уже упоминалось, важно не только то, что уровней онтологии можно выделить несколько и на каждом может быть задано свое понятие существования, — важно также и то, каким образом эти уровни связаны между собой. Очевидно, не всякое произвольное сочленение приведет к созданию корректно структурированной онтологии. В связи с этим введем требование, уточняющее, каким образом разные уровни онтологии должны соотноситься между собой.

Требование когерентности. Решение вопроса о существовании *possibilia* на одном уровне онтологии не должно противоречить решению этого же вопроса на других уровнях.

Наиболее предпочтительным представляется единообразное решение этого вопроса на всех уровнях. Конечно, возможны и исключения, однако каждое такое решение дается ценой концептуальных изощрений и компромиссов. В конце концов, довольно сложно вместить в одну теорию объяснение различных подходов к решению вопроса о *possibilia* на различных уровнях онтологии. (Не говоря уже о чисто логических сложностях такого соединения различных подходов, отметим отдельно трудности очевидные: как объяснить, почему на одном уровне сущности могут существовать и в слабом, и в сильном смысле, а на другом уровне — только в сильном? Придется подводить какую-то объяснительную базу с отсылкой на качества самих сущностей того или иного уровня. Однако любые такие отсылки будут выглядеть довольно сомнительно.)

Введенные понятия «сильного» и «слабого» существования представляют собой как бы «горизонтальный» анализ понятия, анализ в рамках одного уровня онтологии. Однако если сущности одного уровня, даже будучи сущностями разных родов, могут существовать в одном и том же смысле относительно других уровней онтологии, то сущности различных уровней не могут существовать в одинаковом смысле относительно друг друга. О чем, собственно, идет речь? О том, что (с одной стороны) множество сущностей одного уровня

онтологии так или иначе «вписано» в общую онтологию, что и позволяет говорить о том или ином подходе к вопросу *possibilia* на каждом уровне, однако (с другой стороны) все множество сущностей всех уровней онтологии тоже должно быть каким-то образом упорядочено. Раз речь идет о нескольких уровнях онтологии, очевидно, эти уровни выполняют в рамках одной общей онтологии различные функции. Следовательно, и сущности на каждом уровне онтологии, в зависимости от того, какими функциями наделен и какие задачи решает этот уровень, должны тем или иным образом соотноситься с сущностями других уровней, а не примитивно «сваливаться в общую кучу».

Этот факт приводит к необходимости не только «горизонтального», но и «вертикального» анализа понятия существования. Сущности одного уровня относительно сущностей другого уровня не просто не могут существовать в одинаковом смысле, но существование сущностей одного из уровней должно быть более значимым по сравнению с существованием сущностей прочих уровней, что позволяет назвать «вертикальное» разделение видов существования на «первичный» (т. е. существование тех сущностей, которое является наиболее значимым), «вторичный», «третичный» и так далее — в зависимости от числа уровней. Необходимость признания объектов одного из уровней более «существующими», нежели объекты всех других уровней, связано со вполне естественной установкой, согласно которой объекты, положения дел и возможные миры в принципе не могут существовать в одном и том же смысле, поскольку являются сущностями разных типов⁹. И, как уже говорилось выше, поскольку сущности одного уровня, как правило, связаны с сущностями других уровней отношением типа «состоять из», становится ясным, что сущности того уровня онтологии, из которых «состоят» сущности других уровней, являются первичными в смысле существования по отношению к последним. Тип существования вновь образованных сущностей не может при этом остаться тем же, поскольку речь идет не о механическом соединении массы сущностей¹⁰, но о появлении качественно новых образований (сущностей), принципиально отличных от тех, из которых они «состоят».

Обратимся теперь к особому разделу аналитической философии — аналитической теологии. Со второй половины XX в. теологи-аналитики активно используют понятие возможного мира в своих теологических построениях, зачастую стремясь к неполному, но относительно строгому заданию семантики возможных миров как эффективному инструменту для решения именно богословских вопросов. Что же можно сказать о построениях теологов-аналитиков с учетом всего вышеизложенного в данной работе?

⁹ В качестве пояснения можно указать на предметы материального мира и их свойства: было бы неестественным утверждать, что как одни, так и другие существуют одинаковым образом (т. е. в одном и том же смысле).

¹⁰ Механическим соединением может служить понятие «пляж» как механическое соединение огромной массы песчинок.

Само разделение онтологии на горизонтальные уровни и вертикальные «срезы», а также требование когерентности представляются вполне естественными. Однако сложность заключается в том, что, как правило, философы-аналитики, интересующиеся богословской проблематикой, строят свои теории, преследуя определенные цели, а именно — разрешение традиционных (классических) теологических вопросов, таких как: а) доказательство существования Бога; б) теодицея; в) объяснение наличия у Бога таких атрибутов, как всемогущество, всезнание и всеблагодать¹¹. Эти вопросы (точнее необходимость решить их совершенно определенным образом) приводят к тому, что онтология строится с учетом не тех особенностей, которые важны для ее когерентности, но тех, которые приведут к желаемому результату. В силу такого, увы, не очень строгого с научной точки зрения подхода, на уровне возможных миров, как правило, выбирают актуализм. Это связано с необходимостью в дальнейшем показать, что наш мир является лучшим из возможных и он таков потому, что был выбран к творению из бесчисленного множества миров всеблагим и всемогущим Богом. Однако в то же время на уровне объектов, как правило, отдают предпочтение POSSIBILИЗМУ, поскольку только таким образом можно ввести в систему существование как реальный предикат, что, в свою очередь, нужно для того, чтобы в дальнейшем доказывать существование Бога (в качестве усиления — необходимое существование). Таким образом, выстроенные теологами-аналитиками конструкции, претендующие на звание онтологии, по большей части не удовлетворяют требованию когерентности, что, как было показано выше, является большим недостатком онтологии в целом.

Выстроенные на таких основаниях онтологии легко подвергнуть критике, что приводит не только к отбрасыванию самой онтологии, но и к появлению дополнительных аргументов как против теологии вообще, так и против аналитической теологии в частности. Однако богословские мотивы не могут служить оправданием небрежности при построении онтологии, поскольку тем самым нивелируется весь смысл самих построений и вопросы, на которые теологи-аналитики стремятся дать аргументированные ответы, вновь остаются без ответа. Стоит отметить, что подобные затруднения, сами того не подозревая, зачастую испытывают и противники теологов-аналитиков¹². Они, как правило, преследуют цель опровергнуть построения своих оппонентов и прибегают для этого к диаметрально противоположным подходам: на уровне положений дел и/или возможных миров они апеллируют к POSSIBILИЗМУ, в то время как на уровне объектов — к актуализму¹³. Тем самым они так же нарушают требование когерентности.

В чем же глубинная причина подобных неудачных попыток построения онтологии? На мой взгляд, основных причин две. Во-первых, современная аналитическая традиция отошла от многовекового идеала философии по построению цельных систем, в силу чего каждый философ-аналитик занят решением

¹¹ О других принципиальных трудностях см. [2].

¹² С легкой руки американского философа Алвина Плантинги их называют атеологами.

¹³ Подобный подход вычитывается между строк, например, в [5, 6].

только некоторого числа тесно связанных друг с другом задач. Отсюда частные решения без оглядки на полную картину. Как правило, такая цель — выстроить полную картину — и не ставится. Это, безусловно, во многих аспектах очень удобный подход, который, однако, не очень хорош при решении с помощью логики и философии языка теологических вопросов. Во-вторых, несмотря на искреннее желание теологов/атеологов-аналитиков использовать строгие методы доказательства, они по большей части на первый план выводят все-таки содержательные, а не формальные вопросы. Конечно, это обусловлено спецификой вопроса, однако приносит много неудобств и разочарований.

Другими словами, взявшись строить логически стройную систему, стоит больше внимания уделить плану ее построения, нежели мечтам о том, как с ее помощью будет удобно доказывать желаемое.

-
1. Возможные миры: Семантика, онтология, метафизика. М., 2011.
 2. Горбатова Ю. В. Онтология как проблема: трудности перевода // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Обществ. науки. 2012. № 1 (100). С. 18–24.
 3. Смирнова Е. Д. Семантика возможных миров и обоснование логического знания [Электронный ресурс]. URL: <http://logic.ru/ru/node/553> (дата обращения: 09.03.2013).
 4. Lewis D. On the Plurality of Worlds. Oxford, 1986.
 5. Mackie J. L. Evil and Omnipotence // Mind. New Series. 1955. Vol. 64, № 254. P. 200–212.
 6. McCloskey H. J. Problem of Evil // Journal of Bible and Religion. 1962. Vol. 30, № 3. P. 187–197.
 7. Plantinga A. The Nature of Necessity. Oxford, 1974.

Рукопись поступила в редакцию 5 декабря 2013 г.

УДК 161.223.1 + 161.223.2 + 141.13

А. Г. Кислов

К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ АССЕРЦИИ И НЕГАЦИИ

Язык пользуется большим репертуаром приемов, позволяющих говорить о сущем словами, несущими в себе не-сущее [1, 7].

Н. Д. Арутюнова

В данной статье элементарные отрицательные суждения предлагается рассматривать как онтологически автономные. Утверждается, что эта идея двумерной логики, которая была характерной чертой раннего текста Канта «Principiorum primorum cognitionis metaphysicae dilucidatio nova» (1755), может повлиять на принятие известного, но критикуемого кантовского деления суждений по качеству. Автономный статус как элементарных утвердительных, так и элементарных отрицательных суждений позволяет соблюсти важную для Канта трихотомию произвольных суждений на чисто утвердительные, чисто отрицательные и, в роли бесконечных, смешанные суждения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: утвердительные и отрицательные суждения, двумерная логика, кантовская таблица суждений, бесконечные суждения, деление суждений по качеству.

Онтологические и гносеологические концепции сущности отрицательных суждений

Преобладающее в логико-философской литературе представление о том, что Кант понимал отрицательные суждения лишь в качестве зависимых от утвердительных, совершенно определенно выразил Адольф Райнах в работе 1911 г., посвященной анализу именно отрицательных суждений: «Простое негативное суждение... не предполагает позитивного суждения, которое оно опровергало бы. ...Было бы совершенно односторонним такое понимание негативного суждения, когда мы вслед за Кантом... стали бы утверждать, что своеобразная функция негативных суждений заключается “исключительно в том, чтобы предотвращать заблуждение”» [11, 152]. Сам Райнах, что очевидно, придерживался отличного от Канта мнения, и если кантовскую позицию относят к *гносеологическим* концепциям смысла отрицательных суждений, то позицию Райнаха — к *онтологическим* [2].

Гносеологическое по сути понимание отрицательных суждений как суждений об утвердительных суждениях (именно как суждений о суждениях, а не о фактах) поддерживалось значительным числом философов — Дж. Ст. Миллем, Х. Зигвартом, А. Бергсоном, У. Джеймсом, поздними Б. Расселом и Л. Витгенштейном, М. Шликом и др. Для подтверждения связи различных гносеологических концепций с позицией Канта обычно, как и в приведенной выше цитате Райнаха, делается ссылка на следующий фрагмент из «Критики

чистого разума»: «*Логически* можно любые положения выразить в отрицательной форме, но в отношении содержания нашего знания вообще, а именно, расширяется ли это знание посредством суждения или ограничивается им, отрицательные положения имеют особую задачу — лишь *удерживать* нас от заблуждения. Поэтому отрицательные положения, которые должны удерживать от ложного знания там, где никакое заблуждение невозможно, хотя и очень правильны, но все же пусты, т. е. несоразмерны с своей целью и потому часто смешны» [7, 597]. Такое понимание отрицательных суждений не усматривает за ними никаких особых положений дел, т. е. лишает отрицательные суждения самостоятельного онтологического статуса, который, согласно гносеологической концепции, имеется только у утвердительных суждений.

Представители онтологических концепций смысла отрицательных суждений, напротив, рассматривали эти суждения в качестве автономных относительно утвердительных, наделяя отрицательные суждения самостоятельным онтологическим статусом. Наряду с Райнахом онтологической позиции по данному вопросу придерживались А. Мейнонг, Э. Малли, Б. Рассел — периода философии логического атомизма, отчасти — ранний Л. Витгенштейн. Но наиболее известной и широко обсуждаемой в современной логико-философской среде стала позиция Н. А. Васильева, который предлагал различать гносеологический и онтологический (эмпирический, по Васильеву) уровни законов логики. На онтологическом уровне, зависимом от допущений о мире, предлагалось, в свою очередь, различать своего рода логические измерения:

— одномерную логику, где в качестве элементарных выступают только утвердительные суждения;

— двумерную логику, где в качестве элементарных выступают и утвердительные, и отрицательные суждения;

— трехмерную логику, которую Васильев строит, принимая в качестве элементарных, наряду с утвердительными и отрицательными, еще и суждения противоречия [5, 105];

— n -мерную логику ($n \geq 1$), идею которой выдвинул Васильев, а разработал В. А. Смирнов [12]¹.

Отложим рассмотрение логик бóльших измерений и обратим внимание на обоснование Васильевым возможности перехода от одномерной логики к двумерной, а по сути — от гносеологического видения сущности отрицательных суждений к онтологическому. Такое определение, как «отрицание это то, что несовместимо с утверждением» [4, 59], неудовлетворительно, поскольку, по порочному кругу, уже содержит закон противоречия, выражающий «несовместимость утверждения и отрицания» [Там же]. Васильев усматривает отсутствие автономии отрицательных суждений подобного рода в том, что «все отрицательные суждения о предметах и восприятиях нашего мира получаются как выводы из положений о несовместимости двух признаков» [Там же, 60]. К примеру, в нашем мире нельзя непосредственно «не видеть» или «не слы-

¹ Многомерные логики следует отличать от многозначных логик.

шать» что-либо, потому что «в сознании нет отрицательных функций» [4, 60], но можно видеть или слышать что-нибудь другое и делать вывод на основании несовместимости первого и второго. Отсюда Васильев заключает: «У нас только утвердительное суждение о предметах и фактах непосредственно, т. е. основано на восприятии и ощущении, отрицательное же всегда выводное. Так происходит дело в нашем мире и в нашей логике. Но предположим иной мир, где отрицательные суждения будут такими же непосредственными, как непосредственны у нас утвердительные суждения, где самый опыт без всякого вывода убеждает нас в том, что *S* не есть *P*. ...Другими словами, в нашем мире непосредственное восприятие дает только один вид суждения — утвердительный; можно предположить такой логический мир и такую логику, где непосредственное восприятие порождает два вида суждения: утвердительный и отрицательный» [Там же, 63].

Логико-философские работы Васильева открывают дорогу к обоснованию неклассических логик. Справедливости ради стоит заметить, что гносеологический подход к трактовке отрицательных суждений ничуть не в меньшей степени чреват неклассическими обобщениями, чем онтологический, более того, граница между ними не всегда может быть четко определена. Примечательно, что в критике классических законов логики Васильев косвенно опирался и на критический опыт Канта, а различные аспекты «неклассичности», и шире — актуальности логического арсенала кантовской философии нередко отмечают в современной логико-философской литературе.

Первая работа Канта по метафизике

Как бы то ни было, вполне определенным считается, что Кант критического периода развивал такой вариант гносеологического подхода к сущности отрицательных суждений, как концепция преодоления ложного знания [2, 30]. Таким образом, поскольку самостоятельный онтологический статус имеют только утвердительные суждения, идущая от Канта концепция соответствует, по Васильеву, одномерной логике. Однако Кант докритического периода в самой ранней своей работе по метафизике, «*Principiorum primorum cognitionis metaphysicae nova dilucidatio*» («Новое освещение первых принципов метафизического познания», 1755) [6], недвусмысленно говорит именно об автономии отрицательных суждений, а значит, выражает идею двумерной логики.

Указанная работа, написанная на латыни, представляет собой диссертацию, которую Кант защищал с целью получения права чтения лекций на философском факультете. И, кроме того что она действительно хронологически первая работа Канта по собственно метафизической проблематике, обычно она ничем в литературе по кантоведению не выделяется. Характерный для Канта критический (пусть еще и не в духе подлинной критической философии) настрой по отношению к ставшей официальной лейбницевской трактовке законов логики связывает этот, безусловно незрелый в сравнении с основными трудами Канта, текст с широким диапазоном разнообразных проектов реформирования логики.

«Новое освещение первых принципов метафизического познания» — текст, вне всякого сомнения, без претензии на подлинную революционность, ибо универсальность и единственность классической логики здесь не оспаривается и вопрос о множественности логических систем даже не может быть поставлен. Кант работает лишь над усовершенствованием выражения логического знания, преследуя «более глубокое проникновение в присущий нашему рассудку закон доказательства» [6, 272]. Структура текста чрезвычайно проста. Прежде всего обосновывается предпочтение «принципа тождества» перед «принципом противоречия» в качестве «высшего и над всеми истинами несомненно властвующего» принципа. Причем «принцип тождества» дается в оригинальной парной формулировке («двойкий принцип тождества»), различающей утвердительные и отрицательные истины. Затем критически рассматривается «закон достаточного основания», который предлагается именовать «принципом определяющего основания». Далее излагаются верные и опровергаются ложные выводы из «принципа определяющего основания», эти выводы имеют онтологический характер. Два из них — «принцип последовательности» и «принцип сосуществования» — предлагается рассматривать в качестве самостоятельных принципов метафизического познания. Кант заявляет, что эти два принципа — «некоторый шаг вперед» [Там же, 266]. И действительно, на фоне традиционно упоминаемого кантовского «ни шагу» по поводу развития формальной логики со времен Аристотеля, настроение рассматриваемого текста, пожалуй, можно считать даже модернистским.

Логико-семантическая реконструкция рассуждений Канта

Несмотря на выраженное в первой «схолии» текста [6, 269] более чем прохладное отношение самого Канта к «знаковой комбинаторике», как он называет лейбницевскую «*characteristica universalis*», мы предлагаем усилить указанный момент модернизации, опираясь на возможность логико-семантической реконструкции идей раннего Канта об автономии отрицательных суждений (см. также [9]).

Рассмотрим лишь первый раздел работы, носящий название «О принципе противоречия», правда, не строго параллельно тексту и с привлечением логико-семантических средств.

С самого начала Кант делает провокационное заявление:

«П о л о ж е н и е п е р в о е: *Не существует одного-единственного, безусловно первого и всеобъемлющего принципа для всех истин*» [6, 266].

Кажется, конечно, с долей условности, что именно под этим лозунгом проходит деуниверсализация классической логики, породившая современное многообразие логических систем. Но у скромной диссертации 1755 г. не столь глобальные цели, вопрос об отказе от принципа противоречия или от любого другого принципа классической логики конечно же здесь не ставился. Кант лишь критикует претензию принципа противоречия на место «одного-единственного, безусловно первого и всеобъемлющего принципа». По мнению Канта, принцип противоречия не выдерживает экзамена на просто-

ту: «Необходимо, чтобы первый и подлинно единственный принцип был простым положением; положение, молчаливо содержащее в себе многие другие положения, имело бы только видимость одного-единственного принципа» [6, 266]. Причем критика основывается на признании автономного существования «двух родов истин» — утвердительных и отрицательных: «...если положение действительно простое, то оно должно быть либо утвердительным, либо отрицательным. Однако... будучи тем или другим, оно не может быть всеобщим, полностью содержащим в себе все истины; ведь если скажешь, что положение *утвердительное*, то оно не может быть безусловно первым принципом отрицательных истин; если же скажешь, что оно *отрицательное* положение, то оно не может быть первым среди утвердительных истин» [Там же, 266–267].

Таким образом, согласно позиции Канта, в этом раннем метафизическом тексте, в языке логической системы должны автономно присутствовать:

— элементарные утвердительные суждения, которым соответствует положительный акт предикации $P(a)$ ², т. е. принадлежность свойства объекту (в интенциональном плане) или принадлежность элемента классу (в экстенциональном плане);

— элементарные отрицательные суждения, которым соответствует отрицательный акт предикации $\bar{P}(a)$, т. е. непринадлежность свойства объекту или исключенность элемента из класса.

Запись $\bar{P}(a)$ следует отличать от записи $\neg P(a)$, в последнем случае мы имеем дело уже не с элементарным суждением, а с отрицанием утвердительного суждения. Допустимо и отрицание отрицательного суждения $\neg \bar{P}(a)$. В связи с этим нетрудно заметить, что также следует различать подклассы суждений произвольной степени сложности:

— чисто утвердительные суждения, содержащие только элементарные утвердительные выражения, например: $\forall x(S(x) \supset P(x))$;

— чисто отрицательные суждения, содержащие только элементарные отрицательные выражения: $\forall x(\bar{S}(x) \supset \bar{P}(x))$;

— смешанные суждения, содержащие как утвердительные, так и отрицательные элементарные выражения: $\forall x(S(x) \supset \bar{P}(x))$ или $\forall x(\bar{S}(x) \supset P(x))$.

Вернемся к тексту Канта, где естественным шагом становится следующее рассуждение: «Так как существует два рода истин, то я предпочитаю установить для них и два первых принципа: один — утвердительный, другой — отрицательный» [Там же, 271–272], а результатом — своего рода вариацию на тему известных слов Парменида, что «есть бытие, а небытия вовсе нету»:

«Положение второе: *Существует два безусловно первых принципа всех истин: один для утвердительных истин, а именно положение: “все, что есть, есть”; другой для отрицательных истин, а именно положение: “все, что не есть, не есть”*. Оба этих положения, взятые вместе, называются *принципом тождества*» [Там же, 268].

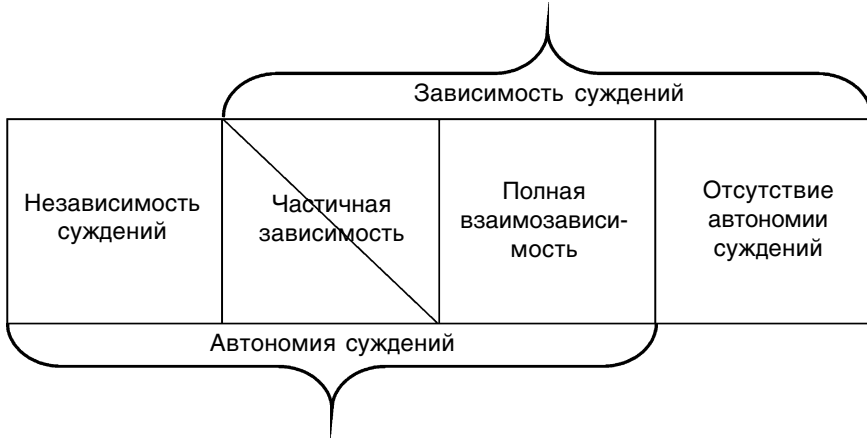
² Рассмотрения случая с одноместными предикатами вполне достаточно для выражения общей идеи.

Запишем эти безусловные принципы:

1) $\forall x(P(x) \supset P(x))$ — «все, что есть, есть»;

1') $\forall x(\bar{P}(x) \supset \bar{P}(x))$ — «все, что не есть, не есть».

В общем случае следует различать автономию суждений, как обладание самостоятельным онтологическим статусом, и взаимонезависимость классов суждений.

Отсутствие онтологической автономии у одних суждений определяет их необходимую зависимость от других, имеющих эту автономию. Таковы гносеологические концепции сущности отрицательных суждений, в частности, упомянутая выше концепция преодоления ложного знания, связанная с именем Канта. Независимость же классов суждений, как понятие более узкое, влечет их обязательную автономию, и, в нашей терминологии, полная взаимонезависимость элементарных утвердительных и отрицательных суждений означает то, что не выполняется ни одно из следующих семантических условий³:

$$\text{I. } \mathbf{I} P \cup \mathbf{I} \bar{P} = \mathbf{U};$$

$$\text{II. } \mathbf{I} P \cap \mathbf{I} \bar{P} = \emptyset.$$

Стоит заметить, что это весьма тривиальный случай автономии, так как полностью исключается образование общезначимых смешанных суждений, а значит, имеют место две несопряженные системы логики с различными, непересекающимися множествами чисто утвердительных и чисто отрицательных теорем.

Полная взаимозависимость утвердительных и отрицательных суждений не лишает их онтологической автономии, но делает ее содержательно пустой. Если выполняются условия I и II, имеет место не менее тривиальный случай, так как запись $\bar{P}(a)$ становится излишней, совпадая по значению с записью $\neg P(a)$.

Именно этот тривиальный случай полной взаимозависимости утвердительных и отрицательных суждений при их автономии мы встречаем в раннем

³ Где \mathbf{U} — непустая область интерпретации, а \mathbf{I} — интерпретирующая функция, сопоставляющая любому предикату область (антиобласть) на \mathbf{U} .

метафизическом тексте Канта. Для обоснования этого заявления обратим внимание, что, критикуя принцип противоречия, Кант рассматривает взаимосвязь между отрицательным и утвердительным суждением через положения, необходимые для косвенных выводов [6, 267]:

2) $\forall x(\neg \bar{P}(x) \supset P(x))$ — «истинно все то, противоположное чему ложно»;

2') $\forall x(\bar{P}(x) \supset \neg P(x))$ — «если противоположное данному истинно, то само данное ложно».

Этим положениям Кант отказывает в безусловности, но речь, конечно, идет вовсе не о возможности отбросить одно из них, а лишь о редукции к «безусловно первому принципу всех истин»: «Что касается косвенного доказательства, то мы в конечном счете найдем, что в его основе лежит тот же двоякого рода принцип (тождества. — А. К.)» [Там же, 268]. Далее Кант, содержательно вроде бы различая «противоположное» $\bar{P}(a)$ и «ложность, или устранение» $\neg P(a)$, формально обозначает их одним знаком: «противоположное выражено здесь посредством частицы *не*, а его устранение — также с помощью частицы *не*» [Там же, 269]. Таким образом, 2) прочитывается как «все, что не не есть, есть», и затем, «сообразно с законом знаков, поскольку одна частица *не* указывает, что другую частицу *не* должно устранить» [Там же] — как 1) «все, что есть, есть», а 2') прочитывается как 1') «все, что не есть, не есть». Отсюда делается вывод, «что и при косвенном доказательстве двоякий принцип тождества имеет решающее значение и, стало быть, составляет последнее основание всякого познания вообще» [Там же], и формулируется:

«Положение третье: *Принцип тождества надлежит предпочесть принципу противоречия, как высший по сравнению с ним принцип выведения истины*» [Там же, 271].

Принцип противоречия, однако, не отбрасывается, а вытесняется на семантический уровень, в нашем случае — в форме условия II.

Онтологическая автономия суждений и деуниверсализация классической логики

Рассмотренные выше случаи автономии суждений (полная взаимонезависимость и полная взаимозависимость ассерции и негации) не приводят к деуниверсализации классической логики. Нетривиальными являются случаи частичной зависимости утвердительных и отрицательных суждений, когда одни из автономных суждений зависят от других, но не наоборот, т. е. одно из семантических условий выполняется, а другое нет. Поскольку семантическое условие I детерминирует принцип 2), а II детерминирует принцип 2'), то формулировка неклассических логик должна будет содержать лишь одну из соответствующих сопряженностей этого вида.

Итак, допущение автономии различных типов суждений ведет к неклассическим логикам. Принято считать, что «классичность» формальной логики не была для Канта проблематичной, не вызывала сомнений, а философско-критическое отношение к претензии на универсальность разрабатывалось вне самой формальной логики. Именно в философии Канта, а не в его логике, известное

изложение которой [8] не особенно выделяется на фоне иных, современных Канту, сочинений по логике, находят кантоведы идеи, в той или иной степени созвучные исследованиям по неклассическим логикам. Васильев же, напротив, критикует универсальность классической (аристотелевой) логики уже непосредственно на территории формальной логики, но, что весьма осторожно, не на территории «нашего мира»: «если Аристотелева логика истина для нашего мира, то неаристотелева логика может быть истина только в каком-нибудь другом мире» [4, 54]. «Воображаемую логику» Васильев предваряет «воображаемой онтологией»: «Наша логика есть логика реальности в том смысле, что она является орудием для познания этой реальности и благодаря этому находится в самом тесном отношении к реальности. Новая логика лишена этого отношения к нашей реальности, она является чисто идеальным построением. Только в ином мире, чем наш, в воображаемом мире (основные свойства которого, впрочем, мы можем точно определить) воображаемая логика могла бы стать орудием познания» [Там же].

Нужны ли неклассические логики современной науке⁴, имеют ли они вообще смысл за пределами «чисто идеальных построений»? Положительное решение этой проблемы в сфере современной интеллектуальной культуры не может обойтись без обращения к глубоким онтологическим и теоретико-познавательным концепциям, именно таким, как критическая философия Канта. Полностью ли потерял Кант критического периода связь со столь современной идеей автономии отрицательных суждений или такая связь не была потеряна? А если и была потеряна, то что было бы в противном случае? Эти вопросы погружают исследование в более широкий контекст проблематики соотношения философии Канта и оснований современной логики.

В нашем случае стоит взглянуть на проблемы классификации в кантовской таблице суждений [7, 168], а именно на классификацию суждений по качеству, где выделяются три типа суждений — утвердительные, отрицательные и бесконечные⁵. Нужно отметить, что соблюдение *трихотомии* важно для Канта. Можно согласиться [3, 9–11], что из-за ошибок в делении пропущена *тетрахономия*: каждая из групп утвердительных и отрицательных суждений делится на суждения конечные и суждения бесконечные, с терминным отрицанием предиката суждения.

Суждения			
утвердительные		отрицательные	
конечные <i>Все S есть P</i>	бесконечные <i>Все S есть не-P</i>	конечные <i>Все S не есть P</i>	бесконечные <i>Все S не есть не-P</i>

⁴ См., например, [13].

⁵ См. также [8, 406–407].

Если же учитывать в процедуре деления терминное отрицание субъекта суждения, то получится еще более дробная классификация. Реабилитировав же идею раннего Канта об автономии элементарных отрицательных суждений, мы можем сохранить релевантную кантовской таблице категорий трихотомию [10], разделяя произвольные суждения по качеству на чисто утвердительные, чисто отрицательные и (вместо бесконечных) смешанные суждения:

Суждения		
чисто утвердительные	чисто отрицательные	смешанные
<p><i>Все S есть P</i> $\forall x(S(x) \supset P(x))$</p>	<p><i>Все не-S есть не-P</i> $\forall x(\bar{S}(x) \supset \bar{P}(x))$</p>	<p><i>Все S есть не-P</i> $\forall x(S(x) \supset \bar{P}(x))$ или <i>Все не-S есть P</i> $\forall x(\bar{S}(x) \supset P(x))$</p>

То, что смешанные суждения соотнесены теперь с категорией ограничения, «которая самим Кантом рассматривается как понятие, возникающее в результате синтеза категорий реальности и отрицания» [Там же, 227], выглядит вполне оправданным. Есть ли основания полагать, что кантовскому трансцендентализму ближе семантический взгляд, отбрасывающий (критикующий) принцип I, другими словами, не требующий, чтобы область и антиобласть предиката исчерпывали универсум? Соответствующая логика позволяет делать заключения «от бытия к сказанному»:

$$P(a) \models \exists x \neg \bar{P}(x); \forall x(S(x) \supset \bar{P}(x)), P(a) \models \neg S(a) \text{ и др.,}$$

но не наоборот. Последнее же

$$\forall x \neg P(x) \models \bar{P}(a); \forall x(S(x) \supset P(x)), \neg P(a) \models \bar{S}(a) \text{ и др.}$$

становится «законным» при отбрасывании лишь семантического принципа II, т. е. при допущении непустоты пересечения области и антиобласти предиката, что и приводит к легитимации псевдодialeктических выводов «от сказанного к бытию».

1. Арутюнова Н. Д. Коммуникативная реакция на истинностное значение высказывания *другого* // Логический анализ языка. Ассерция и негация / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2009. С. 5–10.

2. Бродский И. Н. Отрицательные высказывания. Л., 1973.

3. Брюшинкин В. Н. О логических ошибках в кантовской таблице суждений // Кант. сб. 2008. № 2. С. 7–22.

4. Васильев Н. А. Воображаемая (неаристотелева) логика // Васильев Н. А. Воображаемая логика : избр. тр. / отв. ред. В. А. Смирнов. М., 1989. С. 53–94.

5. Васильев Н. А. Логика и металогика // Там же. С. 94–123.

6. Кант И. Новое освещение первых принципов метафизического познания // Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 1. С. 263–314.

7. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. : в 6 т. Т. 3. С. 69–756.
8. Кант И. Логика : пособие к лекциям // Кант И. Трактаты и письма / отв. ред. А. В. Гулыга. М., 1980. С. 319–444.
9. Кислов А. Г. Онтологически автономные отрицательные суждения: И. Кант, Н. А. Васильев и неклассическая логика // Кант. сб. Вып. 25. Калининград, 2005. С. 54–70.
10. Мухутдинов О. М. К вопросу о происхождении чистых категорий рассудка в трансцендентальной логике Канта // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Обществ. науки. 2013. № 1 (112). С. 223–228.
11. Райнах А. К вопросу о теории негативного суждения // Райнах А. Собр. соч. / сост., послесл. и коммент. В. А. Куренного. М., 2001. С. 95–152.
12. Смирнов В. А. Многомерные логики // Логические исследования. Вып. 2. М., 1993. С. 259–278.
13. Alternative logics: do sciences need them? / P. Weingartner (ed.). В.; Heidelberg; N. Y., 2004.

Рукопись поступила в редакцию 5 декабря 2013 г.

УДК 141.12 + 165.12

С. Ф. Нагуманова

СОДЕРЖАНИЕ СОЗНАНИЯ: РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ

В статье показывается, что ни экстерналистский репрезентационализм, ни интерналистский биологический реализм не могут решить проблему содержания сознания: каким образом сознание может быть продуктом мозга и при этом иметь внешнее содержание? По мнению автора, проблему решает структурный репрезентационализм.

Ключевые слова: содержание сознания, экстерналистский репрезентационализм, биологический реализм, структурное сходство, структуралистская теория психической репрезентации, структурный репрезентационализм.

Что является содержанием феноменального сознания? Этот вопрос сегодня активно обсуждается в философии сознания. В трактовке сознания возможны по крайней мере два редуктивных подхода: 1) рассматривать феноменальное сознание как репрезентацию (репрезентационализм); 2) рассматривать феноменальное сознание как определенные нейрофизиологические процессы в мозге. Репрезентационализм часто отождествляют с его экстерналистским вариантом. Поэтому когда критикуют репрезентационализм вообще, то, как правило, критике подвергается экстерналистский репрезентационализм. Например, финский философ и когнитивный ученый Антти Ривонсуо в качестве альтернативы репрезентационализму недавно выдвинул свою интерналистскую концепцию сознания, которую он назвал *биологическим реализмом* [2]. В данной статье показывается, что ни экстерналистский репрезентационализм, ни интерналистский биологический реализм не могут решить проблему содержания сознания. По мнению автора, проблему решает структурный репрезентационализм.

Три подхода, которые будут рассмотрены, объединяет одинаковое понимание экспланандума. Таковым является феноменальное сознание как субъективная реальность. Прилагательное «феноменальное» используется для того, чтобы подчеркнуть, что имеется в виду сознание именно как субъективная реальность. Кроме того, феноменальное сознание иногда отождествляется с первичным, до-рефлексивным сознанием. Обычно в литературе принято указывать два характерных признака феноменального сознания: 1) существование у организма различных по качеству типов переживаний, различных «каково это», или кволия; 2) субъективный характер переживания, который выражается в том, что все эти кволия существуют для самого этого организма, от первого лица, в его «жизненном мире».

А. Ривонсуо добавляет еще некоторые характерные признаки феноменального сознания. Так, универсальной чертой всех феноменов сознания является их непосредственное *присутствие* (presence) в мире-для-меня прямо сейчас. [2, 33–34]. Кроме того, этот мир — море цветов, запахов, звуков, телесных ощущений и эмоций, в которое каждый из нас погружен, — не является хаотическим калейдоскопом кволия. Кволия организованы в сложные паттерны [Там же, 36].

Несмотря на сходство в понимании экспланандума, три подхода по-разному трактуют феноменальное сознание и его содержание. Согласно репрезентационализму в широком смысле феноменальное сознание можно объяснить в терминах репрезентации, т. е. феноменальное сознание есть репрезентация определенного содержания определенными средствами. Экстерналистский репрезентационализм исходит из того, что репрезентация предполагает определенное *отношение* между феноменом сознания и репрезентируемым им внешним объектом (каузальное, телеологическое или информационное). Например, М. Тай опирается на каузальную теорию репрезентации, согласно которой наши ощущения репрезентируют различные черты внешней среды, если они каузально коррелируют с этими чертами в оптимальных условиях.

М. Тай формулирует, что такое репрезентация в общем виде: «Для каждого состояния S некоторого объекта x внутри множества альтернативных состояний x можно определить, *что* репрезентирует данное состояние, следующим образом:

S репрезентирует, что $P =_{df}$ Если условия оптимальны, то x имеет состояние

S , если и только если P и по причине P » [3, 101].

М. Тай распространяет это определение на ощущения, поскольку ощущения, на его взгляд, «в норме механически производятся внешним стимулом» [Там же, 102].

Содержанием феномена сознания М. Тай считает репрезентируемый внешний физический объект и его свойства. Тай категорически отрицает традиционный взгляд, согласно которому кволия — это качества, которые субъект непосредственно осознает с помощью интроспекции. «Традиция ошибается. Таких качеств не существует... Однако существуют качества, которые субъекты визуального переживания непосредственно осознают с помощью интроспекции.

Это качества внешних поверхностей (или объемов), если они вообще являются качествами чего-нибудь» [4, 49]. Тай готов признать кволиа, но только как качества внешних объектов, которые входят в содержание визуальных переживаний.

Признание внешнего объекта и его качеств содержанием феноменального сознания приводит Тая к парадоксальным выводам: «...феноменология не находится в мозге. Подобно тому как вы не можете вычитать семантику из синтаксиса, вы не можете вычитать феноменологию из физиологии. Вот почему вы не можете найти цветные кволиа, любые сырые чувства, исследуя мозг... Их там просто нет. Чтобы обнаружить “каково это”, вам нужно посмотреть за пределы мозга на то, что репрезентируют состояния мозга. Феноменология, таким образом, имеет внешнюю основу. Системы, которые внутренне физически идентичны, не обязательно должны быть феноменально идентичны», — пишет М. Тай [3, 151].

Ривонсуо считает, что признание содержания сознания чем-то внешним по отношению к физическому носителю репрезентации есть первый шаг к экстернализации сознания. Поскольку содержание сознания находится там, во внешнем мире, то получается, что и сознание не находится в мозге. Такая экстернализация сознания, по мнению Ривонсуо, приводит к подмене экспландума, вместо феноменального сознания как субъективной реальности мыслится нечто иное [2, 146].

Неудовлетворительность экстерналистского репрезентационализма, на мой взгляд, состоит не в том, что он считает содержание сознания внешним, а в том, что он отрицает тот факт, что это содержание репрезентируется в мозге с помощью кволиа.

Биологический реализм рассматривает сознание как еще один биологический феномен, буквально расположенный в мозге. «Мы можем реконцептуализировать сознание как феноменальный уровень организации в мозге... Сознание надо рассматривать как биологический феномен в мозге, расположенный на особом уровне общей иерархической структуры природы» [Там же, XVII]. «...Тот факт, что в мире существуют сознательные феномены, онтологически не зависит ни от каких других фактов, кроме тех, которые касаются биологических систем — мозгов, в которых сознание реализуется» [Там же, 10].

Для репрезентационалиста нет никаких сомнений в том, что феноменальное сознание реализуется мозгом, но сознание все же не является чисто биологическим феноменом. Вряд ли можно согласиться с тем, что сознание образует новый уровень в иерархии биологических систем, подобно органическим молекулам, клеткам, организмам. Точнее было бы сказать, что сознание появляется у нового типа организмов — организмов, которые решают проблему сенсорно-моторного контроля с помощью психики. Психика образует новый способ управления поведением организма путем формирования репрезентации среды и организма. Сознание является частью психики, и потому сознание — это психологический феномен, требующий особых методов исследования.

Ривонсуо пишет: «Сознание является онтологически зависимым только от его механизмов нижележащего уровня, а не от чего-либо внешнего по отноше-

нию к этой микроуровневой основе» [2, 139]. Основанием для столь радикального интернализма является модель спящего мозга, которую Ривонсуо предлагает в качестве модели для исследования сознания в дополнение к традиционно используемой модели — модели визуального сознания. «Во время сна все разнообразие субъективных переживаний порождается мозгом, который эффективно изолирован от входных стимулов и моторных выходов. Таким образом, спящий мозг создает своего рода “чистое сознание”...» [Там же].

Модель сна, на мой взгляд, не является удачной моделью для формирования теории сознания, поскольку она не распространяется на сознание в бодрствующем состоянии. С моделью сна связана и метафора «симуляции мира», которая, по мнению Ривонсуо, верно схватывает феноменальную реальность. «Содержания сознания образуют *мир, присутствующий сейчас для меня*, своего рода виртуальную реальность в мозге. Поэтому теоретическое объяснение сознания требует философского объяснения *внутреннего присутствия и репрезентации* (а не *репрезентации*)» [Там же, XX].

Может ли репрезентационалист согласиться с тем, что «содержания сознания образуют *мир, присутствующий сейчас для меня*, своего рода виртуальную реальность в мозге»? Конечно, да! Я не вижу здесь противоречия с репрезентационализмом.

Обратимся к следующему вопросу: что является содержанием феноменального сознания? С точки зрения биологического реализма Ривонсуо содержание феноменального сознания есть все, что *находится в мозге* на феноменальном уровне его организации. Необходимо отметить, что понятие «содержание» Ривонсуо трактует не в семантическом смысле. «Я использую слово “содержание” в его буквальном значении: оно обозначает нечто, что буквально *содержится внутри другого*, большего сущего (контейнера) (курсив мой. — С. Н.)» [Там же, 37]. В данном случае контейнером является феноменальный уровень в мозге. «Феноменальное переживание состоит из паттернов феноменальных черт на феноменальном уровне организации; сами эти паттерны есть феноменальное содержание переживания. Феноменальные паттерны просто *есть*, они не обязательно *направлены на что-то* внешнее по отношению к ним; они не являются объектами (ни интенциональными, ни физическими); они являются временными пучками или паттернами феноменальных черт...» [Там же, 145].

Впрочем, Ривонсуо не отрицает того, что сознание может репрезентировать внешний мир. Потому он разделяет *феноменальное* содержание и *репрезентациональное* содержание сознания: «Репрезентация и феноменальное сознание не имеют необходимой связи. Существует много правильных репрезентаций (или кортикальных сенсорных карт) внешнего мира в мозге, некоторые из них доступны сознанию, некоторые полностью бессознательны. Наоборот, *хотя наше бодрствующее сознание во многом правильно репрезентирует нечто внешнее*, наше феноменальное сознание во время сна не репрезентирует место, где мы спим (курсив мой. — С. Н.)» [Там же, 53]. Ривонсуо использует модель сна для противопоставления феноменального и репрезентационального содержания. Да, во время сна не репрезентируется место, где мы спим, потому

что соответствующая информация недоступна. Но это вовсе не означает, что во время сна феноменальное сознание не репрезентирует никакой ситуации. Содержанием наших снов остается «я в мире» (люди, комнаты, пейзажи, разговоры и т. д.).

Приведенная цитата показывает, что Ривонсуо не отрицает того, что сознание как репрезентация имеет внешнее содержание. Тем не менее он настаивает на том, что феноменальное содержание не зависит от внешнего мира. Более того, если переживание дополнительно к его феноменальному содержанию имеет также интенциональное содержание, то последнее зависит от предыдущего [2, 145]. В таком случае не ясно, каким образом репрезентациональное/интенциональное содержание может быть внешним, если оно зависит от феноменального сознания, которое, в свою очередь, зависит только от мозга.

Таким образом, ни экстерналистский репрезентационализм М. Тая, ни биологический интернализм А. Ривонсуо не могут быть признаны удовлетворительными концепциями содержания сознания. Содержание сознания определяется как внутренними, так и внешними факторами. Экстернализм преувеличивает значение внешних факторов для содержания сознания, интернализм недооценивает влияние внешних факторов. Необходим такой вариант репрезентационализма, который покажет, как феноменальная репрезентация может быть продуктом мозга и при этом иметь внешнее содержание. Таким вариантом, на мой взгляд, мог бы быть подход, который можно назвать структурным репрезентационализмом.

Структурный репрезентационализм исходит из того, что феноменальное сознание есть репрезентация внешнего мира, положения организма в нем, а также внутреннего состояния организма с помощью кволия и их паттернов. Кволия — это средства феноменальной репрезентации. Мы фиксируем сходства и различия между объектами внешней реальности (или внутренними состояниями) с помощью сходств и различий между кволия. С их помощью создается внутренняя реальность, которая находится в отношении *структурного сходства* с объективной реальностью. Феноменальное сознание имеет внешнее содержание, поскольку оно имеет структурное сходство с миром.

Содержание феноменального сознания зависит не только от устойчивых структур мозга, которые сформировались в мозге до рождения или формируются в процессе онтогенеза, но и от информации, постоянно поступающей через разные органы чувств из внешнего мира и из самого организма. Мозг использует эту информацию для того, чтобы генерировать феноменальную репрезентацию мира и самого организма в этом мире — такую, чтобы она имела достаточное для адаптации сходство с миром.

Как трактовать сходство? Структурный репрезентационализм опирается на структуралистскую теорию психической репрезентации О'Брайена и Опи [1]. Они предложили, что в основе психической репрезентации лежит структурное сходство второго порядка. Оно имеет место, если отношения внутри репрезентирующей системы сходны с отношениями между репрезентируемыми объектами. Две системы сходны друг с другом в отношении их абстрактной организации, при этом нет никакой необходимости в сходстве первого поряд-

ка, т. е. в физическом сходстве. Например, карты погоды. На них области равного атмосферного давления отражаются линиями, изобарами. Расположение изобар соответствует градиентам атмосферного давления, знание которых можно использовать для предсказания скорости ветра, движения атмосферных фронтов и т. д. В данном случае имеется сходство второго порядка в «чистом» виде: геометрические точки и линии на карте репрезентируют динамику атмосферного давления.

Приведу формализацию сходства второго порядка, предложенную О'Брайеном и Опи. Предположим, $SV = (V, RV)$ есть система, включающая множество V объектов и множество RV отношений, определенных на элементах V . Объекты в V могут быть концептуальными или конкретными; отношения в RV могут быть пространственными, каузальными, структурными, выводными и т. д. Будем говорить, что между двумя системами $SV = (V, RV)$ и $SO = (O, RO)$ имеет место сходство второго порядка, если по крайней мере для некоторых объектов в V и для некоторых отношений в RV существует взаимно однозначное отображение V в O и взаимно однозначное отображение RV в RO такое, что когда имеет место отношение в RV между объектами в V , то соответствующее отношение в RO имеет место между соответствующими объектами в O . Другими словами, две системы сходны друг с другом в отношении их абстрактной организации отношений. Сходство этого вида не зависит от сходства первого порядка в том смысле, что две системы могут иметь сходство второго порядка, не имея общих физических свойств.

Это очень важно для психической репрезентации, потому что мозг явно не имеет физических свойств репрезентируемых им объектов. Сходство второго порядка — это формальное отношение, а не физическое. О'Брайен и Опи отмечают, что в случае психической репрезентации структурное сходство второго порядка является более слабым, чем изоморфизм.

Опираясь на эти идеи О'Брайена и Опи, можно сказать, что содержанием феноменального сознания является созданная мозгом картина реальности, которая имеет с объективной реальностью сходство второго порядка.

Не во всем, однако, можно согласиться с О'Брайеном и Опи. Они считают принципиально важным для психической репрезентации, что абстрактная организация отношений репрезентируемой системы отображается в *физических отношениях* в репрезентирующей системе. Только в этом случае, по их мнению, психическая репрезентация способна играть каузальную роль в формировании надлежащего поведения. Мне представляется это ограничение ненужным, поскольку психическая репрезентация оказывает каузальное воздействие на поведение не своими физическими, а своими информационными свойствами.

1. O'Brien G., Opie J. Notes Toward a Structuralist Theory of Mental Representation // Clapin H., Staines P., Slezak P. (eds.) Representation in Mind: New Approaches to Mental Representation. Amsterdam, 2004. P. 1–20.

2. Revonsuo A. Inner presence: consciousness as biological phenomenon. Cambridge, 2006.

3. *Tye M. Ten Problems of Consciousness: A Representational Theory of the Phenomenal Mind.* Cambridge, 1995.
4. *Tye M. Consciousness, Color, and Content.* Cambridge, 2000.

Рукопись поступила в редакцию 5 декабря 2013 г.

УДК 510.21 + 510.252 + 510.26

Т. В. Пащенко

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ МАТЕМАТИКИ В НЕКОТОРЫХ НЕОЛОГИЦИСТСКИХ ТЕОРИЯХ

Неологицизм — современное направление в философии математики, связанное с попытками устранить противоречия «Основоположений арифметики» Фреге или разработать иные способы сведения математики к логике. В настоящее время неологицизм неотрегеганского толка признается наиболее близким к целям Фреге, а философская эффективность иных теорий связывается с необходимостью допущения онтологического плюрализма в математике. Мы рассмотрим некоторые неологицистские теории (К. Райт, Э. Залта) и соответствующие дискуссии в аналитической философии с целью выявления сильных и слабых сторон некоторых вариантов неологицизма, попытаемся конкретизировать понятие «неологицизм».

К л ю ч е в ы е с л о в а: основания математики, неологицизм, принципы абстракции, абстрактные объекты, принцип Юма, теорема Фреге.

В 80-х гг. XX в. в англо-американской аналитической философии получает новое рождение дискуссия об основаниях математического знания. Ее началом можно считать работу К. Райта [10], в которой он предложил средства по реанимации логицистской программы Г. Фреге и освобождению ее от внутренних противоречий. Данная публикация вызвала широкий отклик в аналитико-философской среде, отзвуки которого мы можем наблюдать и сейчас. К сожалению, в российской научной литературе указанная тематика не получила достойного распространения, хотя в последние годы здесь также можно наблюдать рост интереса к философско-математической проблематике¹.

Целью данной работы не является всеобъемлющий обзор проблем и современного состояния эпистемологии математики. Напротив, статья посвящена рассмотрению довольно специфической области современного знания, связанной прежде всего с некоторыми вариантами так называемого *неологицизма* — преемника исторически первых попыток установить математическое знание на прочный фундамент классической логики. Как будет показано далее, *неологицизм*, возможно, гораздо более «нео-», чем «логицизм», но отрицать преемственность не только целей, но и методов первых логицистов,

¹ Прежде всего отметим работы В. Л. Васюкова, Е. Г. Драгиной-Черной, В. А. Суровцева, В. В. Целищева.

в частности Г. Фреге, современными неологицистами не представляется возможным.

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению конкретных философских построений, необходимо очертить смысловое поле, связанное современной философией математики с понятием «основания» некоторого математического знания. С этой целью можно проследовать за С. Шапиро, который выделяет три вида подходов к основаниям математики и соответствующие им теории, а именно: *онтологический фундаментализм*, *эпистемологический фундаментализм* и *математический фундаментализм* [9]. Основанием для данного деления можно считать приоритет, который придает определенными мыслителями различным философско-математическим вопросам.

С точки зрения онтологического фундаментализма главными вопросами философии математики являются вопросы о бэкграундной онтологии математических теорий: «Какие объекты являются референтами математических терминов?», «Что представляет собой универсум, являющийся областью действия кванторов в утверждениях математики?» или «О чем вообще говорит математика?». На эти сугубо философские вопросы существует множество ответов: для сторонников теоретико-множественных оснований все математические объекты являются множествами, фрегеанцы (неофрегеанцы) считают, что математические объекты — это логические объекты, для неологицистов математические объекты задаются посредством заранее принятых принципов абстракции, структуралисты рассматривают математические объекты как места в структурах и т. д. Важно подчеркнуть, что хотя данная проблематика и не оказывает влияния на реальную математическую практику², но предоставляет широкое поле для философских размышлений. Шапиро в данных вопросах придерживается точки зрения структурализма, утверждая, что онтология математики должна быть связана с общими свойствами математических объектов в различных подходах. Допуская плюрализм в интерпретации, например чисел, можно утверждать, что сущность числа состоит в его роли в математических рассуждениях или месте в структуре *независимо от конкретных интерпретаций* [Там же, 18].

Математический фундаментализм занят поиском математической теории, в рамках которой можно исследовать любые математические объекты, предварительно зафиксировав их «заменители» в данной теории. П. Мэдди использует в качестве такой теории аксиоматическую теорию множеств (ZFC), заявляя, что для всех математических объектов можно найти адекватный теоретико-множественный аналог и исследовать их как определенные виды множеств. Возможно, этот подход представляет наибольший интерес для математиков. Но мы склонны согласиться с Б. Лински и Э. Залтой, полагающими, что «нам нужно дать математикам возможность самим решать, какие математические теории и инструменты наилучшим образом подходят для постижения математики и исследования ее мощности и ресурсов» [7, 35]. Для философа

² Повлияет ли на доказательство математических теорем отсутствие какой-либо онтологии?

гораздо больший интерес представляют онтологические и эпистемологические основания математики.

Основной вопрос философии математики с точки зрения эпистемологического фундаментализма — «как мы можем знать, что математические утверждения истинны?». В связи с этим можно вспомнить слова Г. Фреге, утверждавшего: «Доказательство как раз имеет целью не только поставить истинность предложений (математики. — Т. П.) вне всяких сомнений, но также и просмотреть зависимость истин друг от друга. Убедившись в непоколебимости каменной глыбы в тщетных попытках ее передвинуть, можно далее задаться вопросом, что же ее так надежно удерживает?» [2, §2].

Одним из наиболее современных направлений аналитической мысли в данной области можно считать именно *неологицизм*. Данное направление не является однородным: в его рамках можно говорить о *неофрегеанстве* (К. Райт и Б. Хэйл), неологицизме в теории абстрактных объектов (Б. Лински, Э. Залта) и некоторых других (Г. Ходес, Н. Теннант)³.

Теорема Фреге

Большинство работ, посвященных неологицизму, связаны с попытками устранения противоречий из системы Фреге путем замены Аксиомы V на иные аналитические принципы. Возможность такой модификации арифметики Фреге в настоящий момент остается дискуссионным вопросом, несмотря на определенные результаты, описанные в тематической литературе. Отправным пунктом обсуждения можно считать предложение К. Райта заменить Аксиому V Фреге $\varepsilon F = \varepsilon G \equiv \forall x(Fx \equiv Gx)$ (объемы понятий F и G равны, если и только если эти понятия тождественны) на принцип Юма $\forall F \forall G(Nx:Fx = Nx:Gx \equiv F \approx G)$ (число вещей, выполняющих понятие F, равно числу вещей, выполняющих понятие G, если и только если между этими вещами можно установить взаимно-однозначное соответствие)⁴.

Утверждение о возможности выведения аксиом Пеано из логики предикатов второго порядка и принципа Юма получило название «Теорема Фреге». Интересно, что принцип Юма у Фреге выводится с помощью Аксиомы V. Это и послужило мотивацией для К. Райта и других исследователей «исправить» идеи Фреге, продемонстрировав тем самым, что немецкий философ был довольно близок к правильному решению. Заслуга К. Райта состоит прежде всего в том, что ему удалось показать возможность получения принципа Юма

³ Например, Альтернативная теория Г. Ходеса и Общая теория абстрактных операторов Н. Теннанта. Согласно Альтернативной теории математика выводима из третьепорядковой логики с ветвящимися кванторами. Общая теория абстрактных операторов предполагает расширение логики правилами введения и исключения абстрактных понятий о математических объектах. Подробнее см. [1, 7].

⁴ Принцип Юма («Трактат о человеческой природе» 1.3.1): «Мы располагаем точным мерилom, с помощью которого можем судить о равенстве и соотношении чисел, и в зависимости от того, соответствуют они или нет этому мерилу, мы определяем их отношения без всякой опасности ошибиться. Когда два числа составлены таким образом, что каждая единица в одном из них всегда отвечает каждой единице в другом, мы признаем их равными» (Юм Д. Трактат о человеческой природе. Минск, 1998. С. 127).

без Аксиомы V, а также продемонстрировать его непротиворечивость. Общую идею рассуждения можно представить в следующем виде:

1. $(\aleph_x : x \neq x = \aleph_x : x \neq x) \equiv (x \neq x) \approx (x \neq x)$ — принцип Юма.

Так как правая часть тождества является логически истинным утверждением, из него будет следовать

2. $(\aleph_x : x \neq x = \aleph_x : x \neq x)$.

3. $y(y = \aleph_x : x \neq x)$ из 2 с помощью введения квантора существования, где \aleph_x — кардинальное число некоторого понятия

Иными словами, если рассматривать принцип Юма как истинное утверждение, а квантор существования интерпретировать традиционным образом, кардинальные числа существуют. Переход от п. 1 к п. 2 демонстрирует нам основной эпистемологический компонент данного построения. Он возможен именно благодаря тому, что утверждение о саморавночисленности числа понятия «быть не равным самому себе», с точки зрения неологицистов неотрегеанского толка, не только аналитическое, но и логически истинное. Сам принцип Юма при этом является аналитическим, так как истинность его зависит лишь от значений терминов, входящих в его состав. Следовательно, для возникновения онтологии объектов, именуемых числовыми терминами (цифрами), достаточно принципа Юма и второпорядковой логики. А знание об истинности математических утверждений мы получаем, основываясь на чисто логических интуициях.

Как было сказано ранее, идеи Райта послужили импульсом к возобновлению дискуссии об основаниях математики. Одним из критиков решения Райта выступает Дж. Булос [3]. На вопрос, вынесенный в заглавие статьи: «Является ли принцип Юма аналитическим?», Булос отвечает отрицательно, хотя и подтверждает его непротиворечивость. Отрицая аналитичность принципа Юма, мы отрицаем аналитичность утверждений, логически следующих из него, в том числе и аксиом Пеано.

В настоящее время многие философы и математики сомневаются в аналитичности принципа Юма. В действительности даже сам Райт в поздних работах пытался уточнить данное положение. Несмотря на это, работы Райта привлекли внимание философов математики к форме аксиом, примерами которой являются Аксиома V и принцип Юма. Данные аксиомы называют *принципами абстракции*. Принципы абстракции — утверждения, которые позволяют вводить новые отношения и объекты в некоторую теорию. В некотором смысле эти принципы можно рассматривать как неявные определения. Фреге использует по крайней мере три различных принципа абстракции: Аксиому V, принцип Юма и утверждение о равенстве направлений прямых как параллельности. Сейчас философы, математики пытаются построить общие теории принципов абстракции, которые объясняют, какие из принципов абстракции допустимы, а какие нет и почему [6].

Основные недостатки данного подхода заслуживают отдельного рассмотрения, мы ограничимся лишь их упоминанием. Во-первых, действуя согласно стратегии Райта и его последователей, для получения иных математических теорий кроме арифметики Пеано необходимо использовать дополнительные принципы абстракции. С помощью Принципа Юма можно задать лишь

натуральные числа. Для выведения теории множеств или математического анализа нам придется вводить в теорию множества или действительные числа соответственно. Во-вторых, не вполне ясен критерий, по которому мы отбираем принципы абстракции для дополнения второпорядковой логики. Также необходимо упомянуть о так называемой *проблеме Юлия Цезаря*, согласно которой у нас нет эпистемологических гарантий того, что с помощью принципов абстракции мы получаем именно числа, а не объекты произвольного рода⁵.

Как видно, круг проблем обширен, многие из них обсуждаются и в современной литературе, но можно утверждать, что подход К. Райта наиболее близок к целям и методам Г. Фреге и заслуженно носит имя неологицизма.

Теория абстрактных объектов как основание математики

Как было сказано ранее, множество подходов к основаниям математики, которые можно именовать «неологицизмом», весьма обширно. Сказав несколько слов о теории К. Райта, которую можно считать одной из первых попыток возрождения логицизма в современной аналитической традиции, остановимся на неологицизме Э. Залты. Эта теория интересна тем, что обладает мощными выразительными инструментами, которые позволяют в рамках одной метафизической системы описывать и систематизировать чрезвычайно широкий класс математических объектов. Описав методологию Залты, выразим несколько замечаний к ней, которые можно обнаружить в критической литературе.

По мнению Залты, единственный способ удовлетворительного сведения математики к логике должен быть связан с особым понятием редукции, отличным от того, которое использовалось первыми логицистами и неофрегеанцами. Если в классическом логицизме идея «сводимости» заключалась в последовательном определении математических понятий с помощью исключительно логических терминов и доказательстве базисных математических утверждений (аксиом) как теорем логики, то Залта считает, что возможна «онтологическая» или «метафизическая» редукция математики к логике: «Метафизическая редукция в теории T (где T — аксиоматическая теория абстрактных объектов) подразумевает:

а) интерпретацию языка и аксиом математических теорий как теорем T : индивидуальных термов как абстрактных индивидов, а предикаторов как абстрактных отношений, и

б) создание такой интерпретации теорем математических теорий в T , при которой теоремы становятся истинными. Такая интерпретация сводимости позволяет считать математические индивиды и отношения подвидом абстрактных индивидов и абстрактных отношений соответственно» [12, 225].

Принципиальное отличие между классической и метафизической редукциями заключается в том, что первая предполагает сведение математических

⁵ «...Мы никогда не сможем — если взять грубый пример — посредством наших определений решить, соответствует ли понятию число *Юлий Цезарь* или является числом этот знаменитый покоритель галлов или же нет» [2, § 56].

утверждений к логическим, а вторая — сведение математических объектов к логическим. Здесь необходимы некоторые пояснения.

Во-первых, аксиоматическая теория абстрактных объектов, впервые сформулированная Залтой в 1983 г. в [11], — это формальная онтология, в рамках которой автор с переменным успехом пытается решать разнообразные философские головоломки. Общий метод состоит в описании свойств и систематизации объектов классических философских дискуссий в языке теории абстрактных объектов. Сама теория — система аксиом и следствий, сформулированная во второпорядковой модальной логике с двумя типами предикации свойств объектам: объекты могут *экземплифицировать* (в традиционном понимании Fx) или *кодировать* (записывается xF) свойства. Второй тип предикации характерен только для абстрактных объектов, именно на нем основана фундаментальная предпосылка Залты о различии между *бытием* объекта и его *существованием*. Существование объекта понимается им как физическое наличие в мире, установить которое возможно эмпирически, тогда как его бытие подразумевает лишь возможность предикации свойств.

В рамках данного подхода произвольная математическая теория T рассматривается как абстрактный объект, который кодирует предложения p , являющиеся истинными в T , где “ p истинно в T ” определяется как “ T кодирует свойство быть таким, что P ”. Затем каждая аксиома ϕ теории T вводится в теорию объекта путем добавления к теории объекта аналитически истинных высказываний формы: $T \models \phi^*$, где ϕ^* является результатом индексирования всех правильно построенных термов и предикатов T символом, обозначающим теорию T . К примеру, аксиома арифметики Пеано, которая утверждает, что 0 — это натуральное число, импортируется в теорию объекта как $PA \models N_{PA} 0_{PA}$.

Для сведения математических теорий к теории объекта Залта обогащает синтаксис теории предикатными переменными второго уровня для описания свойств и отношений в теории T . Согласно его точке зрения именно онтологическая редукция математики в рамках теории объекта третьего порядка дает нам наиболее общее изложение математики, которое представляет собой анализ как значений математических терминов, так и условий истинности математических утверждений.

Итак, третьепорядковая теория объекта состоит из логики третьего порядка⁶ с принципами абстракции для абстрактных индивидов и для абстрактных свойств и отношений первого уровня⁷ и аналитическими суждениями о том,

⁶ Говоря «третьепорядковая», Залта уточняет, что хотя эта теория и сформулирована с использованием синтаксиса третьего порядка, она не сильнее многосортной логики первого порядка.

⁷ Пусть R — переменная, пробегающая множество свойств и отношений первого уровня; F и G — переменные, пробегающие по множеству свойств и отношений первого уровня; $A!$ — свойство второго уровня «быть абстрактным». Тогда аналитические принципы для объектов и свойств выглядят следующим образом:

$$\begin{aligned} 1x(A!x \ \& \ \forall F(xF \equiv \phi))G \equiv \phi^G_F, \text{ где } \phi \text{ не имеет свободных вхождений } x; \\ 1R(A!R \ \& \ \forall F(RF \equiv \phi))G \equiv \phi^G_F, \text{ где } \phi \text{ не имеет свободных вхождений } R. \end{aligned}$$

Первое говорит о существовании абстрактных индивидов в терминах свойств первого уровня, которые ими кодируются, а второе — о существовании абстрактных свойств и отношений первого уровня в терминах свойств второго уровня, которые ими кодируются.

что является истинным в математических теориях (как отмечалось ранее, эти аксиомы вводятся путем импорта констант и предикатов каждой математической теории T в язык третьегопорядковой теории объекта путем их индексации в соответствии с их теориями).

Такая теория, согласно Залте, может считаться формой неологицизма. Первоначальный тезис логицистов «математика сводится к логике» модифицируется следующим образом: *«Вся математика онтологически сводима к (синтаксически) третьепорядковой теории объекта (которая не более логически сильна, чем многосортная первопорядковая теория объекта с двумя атомарными формами предикации), аналитическим принципам абстракции и аналитическим истинам о содержании математических теорий»* [7, 94].

Такой подход, по мнению автора, свободен от недостатков других вариантов неологицизма и *не ограничивает* количество математических теорий, сводимых к логике.

Что касается эпистемологических оснований математики, то Залта утверждает следующее. Во-первых, математика изучает абстрактные объекты и свойства, которые они кодируют. Во-вторых, знать, что математическое утверждение истинно, означает, что оно является аксиомой или теоремой некоторой математической теории. Если оно является аксиомой, то оно истинно в силу нашего знания языка. Если же оно теорема, то истинно в силу того, что выводится из аксиом.

Дискуссия

В 2009 г. имела место переписка [4, 13] между Ф. Эбертом, М. Россбергом и Э. Залтой, которая не только обнажила недостатки неологицизма в теории абстрактных объектов, но и указала на некоторые философские нюансы подхода Залты, частично нивелирующие указанные недостатки. Переписка включала письмо Эберта и Россберга с указанием узких, с их точки зрения, мест в неологицизме Залты, за которым последовал ответ автора теории абстрактных объектов. Позволим себе реконструировать ключевые содержательные моменты данной дискуссии.

Эберт и Россберг указывают на странные эпистемологические и онтологические следствия подхода Залты, называя сам подход «слишком либеральным» [Там же, 2]. Эпистемологические проблемы можно свести к тому, что, во-первых, Залта не объясняет, как мы можем обладать конкретным математическим знанием из конкретных математических теорий. Неологицизм Залты демонстрирует возможность интерпретации произвольной математической теории в теории абстрактных объектов и условия определения истинности теорем данных теорий как переинтерпретированных утверждений.

Мы можем обладать математическими знаниями, согласно Залте, так как любая импортированная аксиома или теорема будет истинна в силу переформулировки, которая истинна тривиальным образом. (Например, «В аксиоматике Пеано 0 является натуральным числом».) Таким же образом в теорию абстрактных объектов можно импортировать все что угодно, включая утверж-

дения противоречивых теорий, поскольку истинность утверждения, являющегося результатом импортирования, зависит только от его истинности в рамках исходной теории.

Следовательно, мы получаем математическое знание в виде *гипотетических* (ограниченных рамками собственных теорий), но не *категорических* утверждений. Иными словами, такие высказывания всегда ограничены теориями, в рамках которых они сделаны. С точки зрения Залты, с этим можно согласиться только в том случае, если предполагается некая единая математическая теория. В противном случае данные утверждения являются категорическими утверждениями об объектах соответствующих теорий. Их истинность и ложность зависят от того, какой тип предикации используется при формализации. Если свойства предикцируются объектам в смысле кодирования — утверждения истинны (так как объектами математических теорий являются абстрактные объекты), если же в смысле экземплификации — ложны.

Во-вторых, если можно осуществлять метафизическую редукцию (импортирование) описанным выше способом, то нет эпистемологической разницы между непротиворечивой теорией и противоречивыми математическими теориями, а также между математическим знанием и вымыслом (например, литературным).

Залта считает, что нет никакой принципиальной эпистемологической разницы между тем, как мы получаем знания, содержащиеся в непротиворечивых или противоречивых теориях. К примеру, мы понимаем положения «Основоположений арифметики» Фреге в силу понимания значений терминов и осмысленности предложений, точно так же как и положения любой другой теории. Если же рассматривать теорию абстрактных объектов, то в ней это различие проявляется в том, что термы непротиворечивых теорий обозначают *неполные* относительно кодируемых свойств объекты — такие, для которых найдется свойство, выразимое в языке теории, такое, что ни оно, ни его отрицание не кодируются данным объектом. Противоречивые же теории содержат термины, значениями которых являются объекты, кодирующие все свойства, выразимые в языке теории.

Но это касается только значений терминов, но не смыслов. Смысл здесь понимается как абстрактный объект, кодирующий только свойства, вызывающие в нас понимание информации, заложенной в системе Фреге. Причем, так как Фреге не знал, что его теория противоречива, смыслы могут быть и непротиворечивыми объектами (содержащими только непротиворечивые свойства). Таким образом, «когда мы открываем, что теория является противоречивой, мы узнаем, что значение каждого из ее терминов кодирует каждое свойство, которое можно выразить в языке данной теории» [13, 4]. Если говорить о разнице между математическими теориями и вымышленными историями, то она явно выражается в том, что математические объекты кодируют только абстрактные свойства, а выдуманные могут кодировать и ординарные свойства. К примеру, абстрактное свойство «*быть хоббитом*» кодирует свойства, которыми хоббит обладает в сказке, среди них встречаются и ординарные (иметь руки, волосатые ступни и т. д.). А среди тех свойств, которые кодируются

математическими объектами, никогда не встречаются те, которые можно соотнести с ординарными объектами.

Основное проблематичное онтологическое следствие подхода Залты, по мнению Эберта и Россберга, — это онтологический плюрализм. Если теория абстрактных объектов допускает введение теорем любых математических теорий, то различные теории множеств имеют свои онтологии. Исходя из этого, можно говорить о наличии, к примеру, нескольких взаимно отличных пустых множеств. С точки зрения Залты, это не представляет никакой проблемы. В данной связи можно вспомнить, что *Principia Mathematica* предполагала существование пустого множества каждого типа, и это сложно считать проблематичным свойством теории. Заметим, то обстоятельство, что каждая математическая теория описывает собственный отдельный универсум, не обнаруживает ничего странного в том, что мы можем оперировать различными пустыми множествами или иными объектами по-разному. «Ошибочно полагать, — пишет он, — что математики заняты сравнением математических теорий на предмет их истинности. Напротив, о математиках следует думать как о заинтересованных в систематизации понятия математических объектов и отношений наиболее сильным и интересным способом, а также в поиске доказательства утверждений, которые следуют из этих понятий, когда принципы, управляющие ими, прояснены» [13, 2]. Главная задача, которая стоит перед создателями различных теорий множеств, — систематизировать понятия множества и принадлежности таким способом, который позволит избежать парадоксов и показать, что получившаяся теория обладает наибольшей выразительной силой.

Резюмируя все недостатки подхода Залты к основаниям математики, Эберт и Россберг заключают, что Залту нельзя считать неологистом, так как он не стремится достигать целей Фреге, среди которых основными являются а) доказать математические теоремы только при помощи логических средств (Залта ничего не доказывает, лишь импортирует доказанные утверждения в теорию абстрактных объектов) и, б) сведя математику к логике, установить философский статус знания арифметики, показав тем самым, что оно произрастает из чистой логики. С точки зрения Залты, эти претензии довольно наивны. Он полагает, что если использовать в качестве редукции относительную интерпретируемость⁸, то свести все математические теории к логике невозможно. Если логицисты считали иначе, то, видимо, они использовали иное понятие редукции. При использовании относительной интерпретируемости для редукции произвольной математической теории к логике логика должна обладать математической силой. Если же использовать онтологическую редукцию в теории абстрактных объектов в качестве стандарта сводимости, можно претупить в достижении стратегической цели Фреге — демонстрации постижения математических объектов без использования нашей интуиции, но с помощью только логических рассуждений. Таким образом, теория абстрактных объектов дает нам возможность получить формализацию математических те-

⁸ В некотором роде современный стандарт редукции теорий, в строгой форме сформулированный Тарским в «Неразрешимых теориях». Подробнее о видах редукции см. [8].

орем, при которой они будут доказуемо истинны и выводимы из аналитических принципов, добавленных к логике. Познаваемость, истинность и аналитичность математических теорем будут определяться тем, что теоремы логически следуют только из аналитически истинных принципов.

Подводя итог описанной дискуссии, еще раз обратим внимание на два вопроса, лежащих в основе разногласий и являющихся принципиальными для обсуждения: а) описывает ли математика единый мир, имеется ли один математический универсум или же можно говорить о существовании отдельного универсума для каждой математической теории и б) существенны ли различия в понимании редукции как отношения между теориями, какая редукция наиболее подходит для целей неологицистов?

Но основной вопрос, который возникает у читателя, — «что можно считать неологицизмом?» С нашей точки зрения, критерии Эберта и Россберга слишком строги. Если следовать им в точности, то, возможно, никакая теория, кроме системы самого Фреге, полностью им не соответствует. Если же рассматривать в качестве неологицизма любые попытки исправления Фреге (заменой аксиом, расширением логики, другой редукцией), среди них можно обнаружить множество интересных подходов, лишь некоторые из которых упоминаются в данной статье. В заключение позволим себе привести историю, которая иллюстрирует особенности разных неологицистских программ, которые проявляются при переходе в плоскость практики реальных логико-математических исследований⁹.

История о Маше, Мише, философском плюрализме и толерантности

Жили-были близнецы Миша и Маша. Жили они не разлей вода. Окончив школу, поступили на факультет философии и там открыли для себя логику, преуспели в ее изучении и успешно сдали выпускные экзамены. Миша получил грант на обучение в Университете Сэнт-Эндрю, а Маша — в Стэнфорде. И вот настал день, когда близнецы впервые за всю жизнь разделились и отправились получать PhD в разные университеты разных стран под руководством разных ученых. Конечно же, будучи прилежными и послушными, студенты Миша и Маша полностью приняли все идеи своих научных руководителей, которыми оказались Криспин Райт и Эдвард Залта соответственно.

Первая неделя Миши в Сэнт-Эндрю выдалась удачной — он открыл для себя несколько новых напитков, а также изучил принцип Юма. На второй неделе Миша познакомился с принципами абстракции для действительных чисел. И наконец, на третьей неделе Миша окончательно влился в стиль жизни Сэнт-Эндрю, изучая $New V$ и $Newer V$ — непротиворечивые ограничения Аксиомы V .

Затем Мише удалось вывести арифметику из логики второго порядка с принципом Юма. Правда, ему не удалось полностью получить теорию множеств из ограниченных принципов абстракции, но по крайней мере к концу первого

⁹ Оригинал — в [5].

года обучения ему удалось понять, что Юлий Цезарь не является числом, так что все шло хорошо.

Тем временем на другой стороне Атлантики для Маши жизнь протекала иначе. На первой неделе она узнала о новой форме предикации, «кодированной». Узнала, что абстрактные объекты кодируют свойства так же, как конкретные объекты их экзemplифицируют. На второй неделе Маша открыла для себя, откуда эти абстрактные объекты появляются, — она поняла, как работает принцип *свертывания* для различных объектов. На третьей неделе научный руководитель объяснил Маше, что математические теории всего лишь примеры таких абстрактных объектов, чье существование задается принципом свертывания, и что каждый может добавить к системе утверждение формы «В теории T , p », которое является аналитически истинным, если p — теорема T . Так Маше удалось узнать, что сущности, о которых говорится в этих теориях, также обладают бытием, поскольку задаются принципом свертывания.

Однако для Маши это было только начало. Вскоре она отправилась на факультет математики, чтобы изучить все существующие математические теории, чье существование гарантируется принципом свертывания, и аналитические истины (В теории T , p), которые могут быть добавлены к теории абстрактных объектов. Переживая все это, Маша никогда не забывала, что *«в действительности, уникальное преимущество программы состоит в том, что она не дает собственно математику сама по себе и не делает суждений о философской правомерности разных ее частей. Наоборот, она берет в качестве данной произвольную математическую теорию, которую математики в принципе могут сформулировать»* [7, 90].

Как и следовало ожидать, Миша получил степень быстрее Маши, так как обучение Маши заняло гораздо больше времени, ведь кроме всего прочего ей пришлось изучить все возможные математические теории. (Это не являлось частью ее программы, но без этого было не обойтись, чтобы использовать все возможности теории абстрактных объектов.) Миша тем временем дополнительно изучил лишь четыре принципа абстракции, а также узнал, что Юлий Цезарь не является числом.

Несмотря на то что во время обучения близнецы оставались разделенными как пространственно, так и с точки зрения философских оснований их деятельности, Маша и Миша, благодаря чудесному случаю, в некотором смысле воссоединились в конце обучения: на итоговом экзамене им достались одинаковые билеты.

В билетах было всего два вопроса:

«1. Докажите, что $2 + 2 = 4$.

2. Откуда вам известно, что $2 + 2 = 4$ истинное утверждение?

При ответе допустимо пользоваться только теми принципами, которым вас обучил руководитель».

Миша вывел аксиомы Пеано из принципа Юма во второпорядковой логике, с их помощью доказал, что $2 + 2 = 4$.

Отвечая на второй вопрос, Миша заявил: «Я допустил, что принцип Юма является аналитически истинным, так как его значение определяется значени-

ями терминов, входящих в его состав. Для доказательства я использовал логику второго порядка, а значит, утверждение “ $2 + 2 = 4$ ” логически следует из принципа Юма. Следовательно, оно также является аналитически истинным».

Экзаменаторы не полностью согласились с тем, что подобный характер принципа Юма достаточен для обоснования его истинности, а также с тем, что второпорядковая логика оптимальным образом подходит для этих целей. Но в итоге они дали Мише степень PhD с надеждой на то, что в ближайшем будущем он решит, почему некоторые принципы абстракции подходят для основания математического знания, а другие не подходят.

Для Маши все было несколько более драматично.

Немного поколебавшись, она быстро доказала $2 + 2 = 4$ в арифметике Пеано, затем в арифметике Робинсона, в действительном и комплексном анализе, привела доказательство из *Principia mathematica* и в аксиоматике Цермело — Френкеля. Ее остановили, когда она начала доказывать утверждение в одной из неклассических теорий множеств.

Маша возмутилась: «Но вы же не сказали мне, о каких именно “2”, “4”, “+”, “=” идет речь. Поэтому я начала с некоторых общеизвестных теорий. Могу еще доказать в паранепротиворечивой арифметике Приста». Слегка смутившись, она добавила, что может привести и несколько опровержений, если нужно. Экзаменаторы предложили Маше перейти ко второму вопросу. Увы, но второй вопрос поставил Машу в тупик. В конце концов она неохотно сказала, что знает, что это теорема различных математических теорий. Но без пояснения того, что именно означают «2», «4», «+», «=», она не вполне понимает, что именно ей нужно рассказать.

Несмотря на это, экзаменаторы оказались заинтригованы ее ответами, дали ей степень за оригинальные и стимулирующие дальнейшие исследования взгляды на философию математики и ее изощренную аксиоматизированную метафизику. Ну и, конечно же, за ее героическую попытку найти подход ко всем возможным математическим теориям.

-
1. Пащенко Т. В. О видах неологицизма // Философия. Язык. Культура : сб. материалов науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. М., 2010.
 2. Фреге Г. Основоположения арифметики / пер. В. А. Суровцев. М., 2000.
 3. Boolos G. Is Hume's Principle Analytic? // R. Heck (ed.), *Logic, Language, and Thought*. Oxford : Oxford University Press, 1997. P. 245–261.
 4. Ebert P., Rossberg M. Ed Zalta's version of Neo-Logicism — a friendly letter of complaint // *Reduction — Abstraction — Analysis (Papers from the 31st International Wittgenstein Symposium)*, H. Leitgeb and A. Hieke (eds.), Kirchberg: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2009. P. 303–307.
 5. Ebert P., Rossberg M. What is the purpose of Neo-Logicism? // *Travaux de Logique* (18), 2007. P. 33–61.
 6. Horsten L. Philosophy of Mathematics // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Summer 2012 Edition), Edward N. Zalta (ed.) [Electronic resource]. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/sum2012/entries/philosophy-mathematics/> (дата обращения: 01.10.2013).
 7. Linsky B., Zalta, E. What is Neologicism? // *The Bulletin of Symbolic Logic*, 12/1 (2006): 60–99.

8. *Niebergall K.-G.* On the logic of reducibility: axioms and examples // *Erkenntnis* 53: 27–61, 2000.

9. *Shapiro S.* Foundations of mathematics: metaphysics, epistemology, structure // *Philosophical Quarterly*. 54 (Jan 2004). P. 16–37.

10. *Wright C.* Frege's Conception of Numbers as Objects // *Scots Philosophical Monographs*, Vol. 2. Aberdeen : Aberdeen University Press, 1983.

11. *Zalta E.* Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics // Dordrecht : D. Reidel, 1983.

12. *Zalta E.* Neo-Logicism? An Ontological Reduction of Mathematics to Metaphysics // *Erkenntnis*, 53/1–2 (2000), 219–265.

13. *Zalta E.* Reply to Ebert and Rossberg // *Reduction – Abstraction – Analysis* (Proceedings of the 31st International Ludwig Wittgenstein-Symposium in Kirchberg, 2008), H. Leitgeb and A. Hieke (eds.), Kirchberg: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2009.

Рукопись поступила в редакцию 5 декабря 2013 г.

УДК 004.8 + 165.744

А. С. Кляшторный

КРИТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ КОНЦЕПЦИИ «СИЛЬНОГО» ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ Х. ЙОАСА

В статье рассматривается краткая история развития исследований искусственного интеллекта, их философского осмысления. Автором выделяются онтологические основания концепции «сильного» искусственного интеллекта и традиционные версии ее критического осмысления. Анализируется неклассическая социологическая теория действия Х. Йоаса. Данная теория предлагается к рассмотрению в качестве нового, нетрадиционного варианта критического осмысления концепции «сильного» искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, концепция «сильного» искусственного интеллекта, критическое рассмотрение концепции «сильного» искусственного интеллекта, теория действия.

В качестве предмета исследования данной статьи выступают различные версии критического осмысления концепции так называемого «сильного» искусственного интеллекта, в частности, одна из нетрадиционных версий подобного осмысления, имеющая, как представляется, свое основание в неклассической социологической теории действия Ханса Йоаса. Переход к рассмотрению подобного предмета исследования, однако, предварительно должен быть обеспечен как посредством введения рабочего определения понятия «искусственный интеллект» (ИИ), так и краткого изложения истории исследований ИИ и их философского осмысления. Именно на основании вводных сведений данного характера в дальнейшем оказывается возможным приступить к ознакомлению с основным материалом статьи, посвященным анализу ряда вари-

антов критического осмысления концепции «сильного» ИИ. Исходя из вышеизложенного, исходным пунктом рассмотрения, практически с необходимостью, представляется верным избрать вопрос об истоке исследований ИИ.

По всей видимости, верным является утверждение о том, что одной из самых фундаментальных философских проблем в истории человечества, которая не разрешена и в настоящий момент времени, является вопрос о том, что представляет собой сознание. На протяжении многих веков человек пытается разобраться, как функционирует его сознание, «разобраться в том, как именно ему, сравнительно небольшому материальному объекту, удастся ощущать, понимать, предсказывать и управлять миром, намного более значительным по своим размерам и гораздо более сложным по сравнению с ним» [4, 34]. В значительной мере на решение данных фундаментальных вопросов философии сознания, вопросов о структуре сознания и принципах его функционирования направлена одна из новейших областей науки — искусственный интеллект.

Начало работ в данной области относят к периоду Второй мировой войны, а название «искусственный интеллект» было предложено Джоном Маккарти на Дартмутской конференции 1956 г. Стоит, однако, отметить, что предпосылки возникновения исследований ИИ могут быть прослежены вплоть до древнегреческой философии V в. до н. э. В разработке оснований новой области науки непосредственное участие принимали такие крупнейшие исследователи, как английский логик и математик Алан Тьюринг и американский математик Джон фон Нейман.

По всей видимости, существует значительная трудность при необходимости дать определение понятия «искусственный интеллект»: представители различных подходов и направлений в данной области научных исследований предлагают весьма различные его версии. Часть исследователей делают акцент на автоматизации действий, ассоциируемых с человеческим мышлением, как отличительной черте исследований в ИИ. Другие исследователи полагают, что исследования ИИ — это прежде всего «изучение умственных способностей с помощью вычислительных моделей» [Там же, 35]. Представители другого подхода полагают, что исследования ИИ направлены исключительно на создание интеллектуальных агентов, вне зависимости от того, воспроизводят они в процессе своего функционирования особенности человеческого мышления или нет.

В качестве рабочего определения понятия «искусственный интеллект» в рамках данной статьи принимается следующее: *искусственный интеллект — область научных исследований, направленная на автоматизацию разумного поведения и создание агентов, способных демонстрировать интеллектуальное поведение общего характера.*

Исследования в области искусственного интеллекта в период с 1940–1950-х гг. по настоящее время прошли несколько этапов, каждый из которых условно можно охарактеризовать посредством указания на доминирование одного из подходов к решению задач исследований ИИ (что не исключает проектов, осуществляемых в рамках других подходов или направлений). Период с 1956 по 1974 г. характеризуют как период доминирования комбинаторно-логического подхода (направления) к ИИ, нацеленного на создание

программ, решающих задачи (игра в шахматы, автоматическое доказательство теорем) посредством оптимизированных переборных алгоритмов поиска в пространстве состояний, выраженных на языке логики предикатов первого порядка. Одновременно с этим нельзя не отметить и другое крупное направление исследований ИИ, которое, однако, не занимало доминирующего положения, — нейросетевой подход.

Период с 1974 по 1980 г. в литературе, посвященной истории исследований в области ИИ, именуют «зимой искусственного интеллекта». Подобное название призвано отразить ситуацию кризиса в исследованиях, вызванного открытием эффекта комбинаторного взрыва и парадокса Моравека. Обнаружение принципиальных и кажущихся на тот момент времени неустранимыми трудностей закономерным образом привело к снижению или прекращению объемов поддержки исследований со стороны правительственных организаций США и Европы. В случае, например, британской науки в основу решения британского правительства о прекращении финансирования исследований в области ИИ во всех университетах, кроме двух, лег отчет Джеймса Лайтхилла, содержащий крайне пессимистичные оценки перспектив большей части исследований ИИ. Первая половина 80-х гг. характеризуется «подъемом» как в комбинаторно-логическом подходе, что было связано с развитием экспертных систем, так и в нейросетевом, что, в свою очередь, связано с появлением новых архитектур сетей (многослойный перцептрон).

Обращаясь, однако, к периоду «зимы ИИ», следует отметить, что именно им датируются работы, в которых представлено критическое философское осмысление исследований в области ИИ. Подобными крупными работами являются «Чего не могут вычислительные машины?» Х. Дрейфуса, вышедшая в 1972 г., и «Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям» Дж. Вейценбаума, вышедшая в 1976 г. В рамках данных работ было произведено указание на крайнее несоответствие принципов, которые лежали в основании функционирования программ и принципов функционирования человеческого мышления. При этом, однако, следует отметить, что авторы никоим образом не отвергали принципиальной возможности создания ИИ, а также возможности применения данных программ ИИ для решения конкретных практических задач. Основным тезисом, который выдвигали Х. Дрейфус и Дж. Вейценбаум, был тезис о невозможности рассмотрения данных программ в качестве способных воспроизводить в процессе своего функционирования особенности человеческого мышления в полной мере. На основании этого соответственно их критике подвергалась и методологическая позиция, определявшая характер исследований, в рамках которых и были созданы анализируемые Дрейфусом и Вейценбаумом программы. Данные замечания, однако, не оказали какого-либо существенного влияния на методологию исследований ИИ и были актуализированы позднее в связи с критическими замечаниями в адрес исследований в области ИИ, которые высказал в 1980 г. американский философ Джон Сирл.

В 1980 г. в журнале «The Behavioral and Brain Sciences» вышла статья Джона Сирла «Сознание, мозг и программы». Основная цель данной работы — попыт-

ка указать на несостоятельность теоретических оснований исследований ИИ, а именно теста Тьюринга, как критерия интеллектуальности машины, выдвинутого на заре исследований ИИ, а также гипотезы физической символической системы, выдвинутой Алленом Ньюэллом и Гербертом Саймоном как ведущий качественный структурный принцип исследований в области ИИ. При этом важно отметить, что Сирл (как и Дрейфус и Вейценбаум) четко ограничил область своей критики тем подходом в рамках исследований ИИ, согласно которому «компьютер не просто инструмент в исследовании сознания; компьютер, запрограммированный подходящим образом, на самом деле и есть некое сознание в том смысле, что можно буквально сказать, что при наличии подходящих программ компьютеры понимают, а также обладают другими когнитивными состояниями» [5, 376]. Данный подход Сирл предлагает именовать *подходом «сильного» искусственного интеллекта*. В противоположность ему Сирл также выделяет подход «слабого» ИИ, согласно которому «основная ценность компьютера в изучении сознания состоит в том, что он дает нам некий очень мощный инструмент» [Там же, 375]. Примером использования компьютера в качестве подобного мощного инструмента в данном случае называется возможность более строго и точно формулировать и проверять гипотезы.

Таким образом, в рамках всех указанных работ авторы, подвергая критическому философскому осмыслению принципы и результаты исследования ИИ, выражают общее несогласие с методологической позицией концепции «сильного» искусственного интеллекта, согласно коей существует возможность полного воспроизведения человеческого мышления посредством ЭВМ с соответствующей программой. Критические возражения против концепции «сильного» ИИ в той или иной мере ставят под вопрос основания данной концепции, проблематизируя ее в целом. Большая часть возражений направлена против представителей комбинаторно-логического подхода, однако возражения Сирла, как он уточняет в другой своей статье, распространяются и на исследования в рамках нейросетевого подхода [6].

Указание на проблематизацию оснований концепции «сильного» ИИ в рамках вышеуказанных критических возражений требует, по всей видимости, также и экспликации, явного указания на данные основания концепции «сильного» ИИ. Подобное же указание, в свою очередь, требует, как мне представляется, определить содержание онтологического обязательства концепции «сильного» искусственного интеллекта, т. е. ответить на вопрос о том, существование каких объектов она признает. И на данный вопрос ответ может быть получен довольно легко: в рамках концепции «сильного» ИИ признается возможным существование искусственных интеллектуальных агентов (или же признается возможным создание агентов, способных к интеллектуальному поведению общего характера).

Однако определение того, в чем состоит онтологическое обязательство концепции «сильного» ИИ, не проясняет нам, а что, собственно, понимается под интеллектом, присущим естественным и искусственным агентам. Что значит обладать интеллектом? На основании этого кажется вполне правомерным ввести и определить понятие «онтологических оснований» концепции «сильного»

ИИ: это совокупность утверждений, уточняющих, специфицирующих онтологическое обязательство данной концепции, а именно определяющих содержание феномена сознания интеллектуального агента.

На основании анализа предпосылок возникновения исследований ИИ, анализа ряда работ, созданных в рамках концепции «сильного» ИИ, анализа гипотезы Ньюэлла–Саймона представляется возможным выявить онтологические основания концепции «сильного» искусственного интеллекта. Данные онтологические основания специфицируют онтологическое обязательство концепции «сильного» искусственного интеллекта и, следовательно, отвечают на комплекс фундаментальных вопросов философии сознания относительно структуры и принципов функционирования сознания с позиции данной концепции. Может быть выявлено четыре следующих онтологических основания концепции «сильного» искусственного интеллекта:

1. Сведение вопроса о мышлении (сознании, интеллекте) к вопросу о поведении, которое может быть признано в качестве разумного наблюдателем. Концепция «сильного» искусственного интеллекта изначально уклоняется от попытки ответа на вопрос «что такое сознание?», заменяя его вопросом о поведении, могущем быть признанным в качестве разумного.

2. Рассмотрение сознания человека как основания разумного поведения и программы вычислительной машины в качестве действующих аналогично на некотором функциональном уровне. Хотя аналогия между мозгом и вычислительной машиной также проводилась (в нейросетевом подходе, например), какое-либо влияние материальной структуры мозга на характер функционирования мышления не учитывалось в рамках данных исследований, в рамках концепции «сильного» ИИ.

3. Интеллектуальное поведение общего характера (мышление) присуще физической символической системе и состоит в манипулировании формальными символами: осуществлении операций создания, модификации, воспроизведения и уничтожения над символическими структурами (гипотеза Ньюэлла–Саймона). Имеют место инструменталистские определения понятий обозначения и интерпретации.

4. Основное проявление интеллектуальности (разумного поведения, мышления) состоит в осуществлении процесса эвристического поиска в пространстве состояний задачи. Данный тезис сочетается с утверждением о том, что главным признаком интеллектуальности системы является наличие способности решать задачи.

На основании выделения совокупности базовых положений концепции «сильного» ИИ представляется возможным ввести соответствующую форму изложения вариантов критического осмысления данной концепции — последовательный анализ содержания каждого варианта критики в соответствии со структурой онтологических оснований данной концепции.

Рассмотрение вариантов критического осмысления концепции «сильного» ИИ считаем верным начать с обращения к традиционным вариантам подобного критического осмысления. В качестве традиционных вариантов критичес-

кого осмысления концепции «сильного» ИИ можно выделить ранее упомянутые критические замечания Хьюберта Дрейфуса, Джозефа Вейценбаума и Джона Сирла. Основанием для наименования данных вариантов критики концепции «сильного» ИИ традиционными выступает тот факт, что все эти критические замечания высказывались в рамках общего контекста обсуждения оснований и результатов исследований в области искусственного интеллекта и в настоящий момент уже могут быть причислены к классическому «срезу» древа ИИ-дискурса.

Первый рассматриваемый традиционный вариант критического осмысления концепции «сильного» ИИ — вариант, предложенный американским философом сознания Хьюбертом Дрейфусом в его работе «Чего не могут вычислительные машины?». Дрейфус не опровергает прямо первое онтологическое основание, в соответствии с которым от вопроса о мышлении мы переходим к вопросу о разумном поведении. Однако, учитывая количество ссылок автора на представителей феноменологической традиции, на гештальтпсихологов, следует отметить, что рассмотрение данного вопроса в терминах «поведенческого словаря» не представляется для Дрейфуса корректным. Подтверждением может служить его апелляция к разделению на «перцептивное» и «понятийное» сознание, указание на «чувство ситуации» как на существенную составную часть сознательной деятельности [2, 69]. Таким образом, следует заключить, что данное онтологическое основание отвергается Дрейфусом.

Онтологические основания, связанные с утверждением функциональной эквивалентности программы вычислительной машины и сознания человека, а также с тем, что программа и сознание представляют собой системы, манипулирующие символами, подвергается Дрейфусом подробной критике. Согласно ему критика данных оснований «распадается» на критику двух допущений: биологического и психологического. Опровергая биологическое допущение о том, что мозг «перерабатывает» информацию подобно универсальной цифровой вычислительной машине, ссылаясь на работу Дж. фон Неймана, он также опровергает психологическое допущение [Там же, 110], которое предполагает принятие тезиса о том, что разум «перерабатывает» информацию подобно программе вычислительной машины, манипулируя формальными символами. Опровержение Дрейфуса состоит в указании на некорректность смешения двух различных смыслов понятия «переработки» информации. Помимо этого значительную роль в критике Дрейфусом подобного «вычислительного» представления о сознании играет представление о влиянии телесности на развитие и функционирование сознания человека. Отвлеченное от тела, «вырванное» из контекста желаний, намерений, потребностей, человеческое сознание не функционирует в полной мере.

Последнее онтологическое основание, содержащее тезис о эвристическом поиске как основном проявлении интеллектуальности, а также о том, что именно способность к решению задач представляет собой главный признак интеллектуальности системы, также подвергается Дрейфусом критике и в конечном итоге опровергается. Дрейфус указывает на то, что способность решения задач

соответствует лишь некоторой составляющей разумного поведения человека, но не всей совокупности способностей человеческого сознания.

Следующим рассматриваемым традиционным вариантом критического осмысления концепции «сильного» искусственного интеллекта является вариант, предложенный американским исследователем ИИ Джозефом Вейценбаумом в его работе «Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям». Первое онтологическое основание концепции «сильного» ИИ опровергается Вейценбаумом решительным указанием на то, сколь большое количество неадекватных атрибутировок сознательности разработанной им программе «Элиза» со стороны людей он наблюдал. При этом он особо подчеркивает тот факт, что среди людей, которые явным образом антропоморфизировали программу, были и люди, наблюдавшие за процессом создания данной программы [1]. Факт того, что функционирование даже такой простой программы, имитировавшей поведение психотерапевта-роджерсианца, смогло ввести в заблуждение столь значительное количество сознательных индивидов, является для Вейценбаума достаточным основанием, чтобы отменить критерий проверки интеллектуальности, предлагаемый тестом Тьюринга, как неверный, а значит, отказаться сводить вопрос о сознании к вопросу о наличии разумного поведения.

Представление о том, что существует функциональная эквивалентность сознания и программы на некотором уровне, равно как и представление о том, что эта функциональная эквивалентность предполагает рассмотрение сознания и программы в качестве систем, манипулирующих символами и структурами символов, также отвергаются Вейценбаумом. По его мнению, существование подобных представлений — результат неправомерного и необоснованного расширения так называемой «машинной метафоры», вызванного эффектом поклонения в обществе науке и технике [Там же]. Помимо этого распространение «машинной метафоры» связано с попыткой интерпретировать относительно успешное моделирование отдельных составляющих сознательного поведения человека как решение проблемы воспроизведения сознания в целом. Однако, по мнению Вейценбаума, в данном случае мы имеем дело всего лишь с попыткой поместить в «прокрустово ложе» кибернетической концептуальной схемы все многообразие опыта сознательной деятельности.

Заключительное онтологическое основание, связанное с указанием на эвристический поиск в пространстве состояний задачи как на основное проявление интеллектуальности, также ставится Вейценбаумом под сомнение. Равным образом не согласен автор и с признанием способности решения задач главным признаком интеллектуальности системы. По мнению Вейценбаума, даже «Общий решатель задач» Ньюэлла и Саймона, утверждавших, что он в своем функционировании опирается на моделирование эвристик, используемых людьми, представляет собой крайне неточную модель осуществления человеком процесса решения какой-либо задачи [Там же].

Последним рассматриваемым и наиболее детально проработанным традиционным вариантом критического осмысления концепции «сильного» ИИ

является вариант, предложенный американским философом Джоном Сирлом в ряде его статей («Мозг, сознание и программы», «Разум мозга — компьютерная программа?»). Сирл решительно отвергает и опровергает первое онтологическое основание концепции «сильного» ИИ, производя свой знаменитый мысленный эксперимент с «китайской комнатой». Поведение, демонстрируемое «китайской комнатой» и оцениваемое носителями китайского языка как разумное, по мнению Сирла, представляет собой не более чем имитацию деятельности сознания [5, 379]. Согласно представлению Сирла, хотя интенциональная структура сознания проявляет себя в поведении, тем не менее это не отменяет ее объективной закрепленности в материи мозга. Таким образом, на вопрос относительно того, что представляет собой мышление, Сирл отвечает в духе физикалистского решения психофизической проблемы.

Представление о наличии некоторой функциональной эквивалентности сознания и программы, а также выражение характера этой эквивалентности в тезисе о манипулировании символическими структурами как определении мышления отвергаются Сирлом не менее решительно, чем первое онтологическое основание концепции «сильного» ИИ. В соответствии со взглядами Сирла сознание порождается мозгом в силу того, что интенциональность — свойство, присущее исключительно биологической материи [6]. Вычислительная машина и программа для нее не представляют собой систему, обладающую каузальными свойствами, эквивалентными свойствам мозга (высокоорганизованной биологической материи). Таким образом, оснований для проведения аналогии о функциональной эквивалентности сознания и программы нет. В силу этого неправомерным для Сирла является и утверждение о мышлении как о процессе манипулирования символическими структурами. Отсутствие у вычислительной машины и программы для нее каузальных свойств мозга, продуцирующих феномен интенциональности, автоматически, согласно Сирлу, делает формальным процесс манипулирования символическими структурами. Данные символические структуры, согласно Сирлу, представляют собой чисто синтаксические объекты, преобразование которых происходит в соответствии с формально определенными правилами.

Тезис о ведущей роли эвристического поиска среди проявлений интеллектуальности системы, представляющий собой четвертое онтологическое основание концепции «сильного» ИИ, опровергается уже в силу того, что программам искусственного интеллекта не присуща ни малейшая способность воспроизведения какой-либо составляющей сознания.

После рассмотрения традиционных версий критического осмысления концепции «сильного» ИИ следует обратиться к возможности выделения несколько иной, нетрадиционной версии критического осмысления данной концепции. Основанием для наименования данной версии критического осмысления нетрадиционной является тот факт, что она была разработана за пределами общего контекста обсуждения оснований и результатов в области исследований ИИ, в рамках осмысления проблематики иной научной области. Одной из возможных нетрадиционных версий критического осмысления концепции «сильного» ИИ может выступить теория креативного действия Ханса Йоаса.

Согласно моей гипотезе анализ теории действия Йоаса позволяет рассмотреть положения данной теории в качестве составных элементов новой версии критического осмысления концепции «сильного» искусственного интеллекта.

Теория креативного действия Ханса Йоаса — неклассическая философско-социологическая теория действия. Исходным импульсом для построения теории Йоаса служит неприемлемая ситуация периферийного положения идеи креативности в предшествующей ему социологической мысли о теории действия (М. Вебер, Т. Парсонс) [3, 102]. Как он отмечает, всякая социологическая теория действия начинается с догматичного определения понятия «рационального действия», вольно или невольно легитимизируя совокупность негласных допущений о том, что оно собой представляет. Дабы избежать этого, Йоас избирает путь реконструктивного введения понятия рационального действия: «Под реконструктивным введением здесь следует понимать уточнение негласных допущений в представлениях о рациональном действии» [Там же, 103].

Согласно представлениям Йоаса все предшествующие теории действия, исходящие из некоторым образом догматично определенного понятия рационального действия, производят три допущения относительно свойств субъекта действия, атрибутируя ему три следующие характеристики: *способность к целенаправленному действию; способность к управлению (владению) своим телом; способность к автономии по отношению к иным субъектам и окружающей среде в целом*. Исходя из наличия подобных допущений теорий действия классической социологии и в противоположность им, Йоас избирает предметом своего анализа и тремя компонентами своей креативной теории действия «*интенциональный характер человеческого действия, специфическую телесность и изначальную социальность человеческой способности к действию*» [Там же, 104].

Первое допущение классической социологической мысли в области теории действия предполагает присвоение субъекту действия способности к целенаправленному действию, чья структура трактуется в рамках жесткой телеологической схемы «цель — средство». Исходящее из подобного допущения истолкование практики человеческого действия кажется Йоасу несостоятельным, для демонстрации чего он привлекает критические соображения двух авторов: Никласа Лумана и Джона Дьюи.

Никлас Луман оказывается важен для Йоаса в силу наличия у него критики известного представления, согласно которому организация может быть понята, исходя из наличия знания о ее организационной цели, а также в целом критики представления, интерпретирующего функционирование всякой организационной структуры посредством обращения к концепту системы приказаний, идущих от центра («вершины»). Эмпирическая социология Лумана опровергает все эти представления: ясная цель не является организующим принципом, определяющим фактическое положение дел в структуре; цели и подцели могут меняться, противоречить друг другу; приказы, исходящие с «вершины» организационной пирамиды, далеко не всегда являются самыми эффективными средствами управления [Там же, 106].

Идеи Дьюи сходны с соображениями Лумана, однако относятся скорее к рассмотрению структуры действия отдельного человека, чем некоторой

организационной структуры. Дьюи указывает на то, что представление о лежащей в основании наших действий жесткой «цель — средство» структуре не соответствует действительной практике совершения действий: наши цели не фиксированы, они претерпевают постоянное изменение, детализируясь и открываясь для нашего же собственного сознания в процессе получения данных о том, какого рода средства нам доступны именно в этот конкретный момент времени.

Таким образом, опираясь на идеи Лумана и Дьюи, Йоас выдвигает первое положение своей теории действия, атрибутируя действию субъекта интенциональный характер, что, однако, никоим образом не предполагает принятие им «жесткой» классической (восходящей еще к Аристотелю) «цель — средство» структуры, лежащей в его основе. Интенциональность человеческого действия предполагает всего лишь его направленность на некоторый динамически варьируемый объект и подбор адекватных, а потому столь же динамически варьируемых средств для взаимодействия с ним.

Второе допущение классических теорий действия предполагает наличие у субъекта способности к владению (управлению) своим телом. Согласно Йоасу подобное допущение является самым неосознаваемым из всех перечисленных по той причине, что телесность крайне долгое время не была объектом для тематизации в рамках европейской интеллектуальной культуры. Для опровержения данного допущения Йоас обращается к М. Мерло-Понти (феномен пассивной интенциональности — сна) и Х. Плеснер (феномены смеха, плача и стыда), в общем и целом указующим на наличие в нормальной практике человеческого действия (жизнедеятельности) неотъемлемых составляющих, с необходимостью связанных с утратой человеком полного контроля над своей телесностью [3, 118]. Данное указание позволяет Йоасу назвать вторым атрибутом субъекта его теории действия специфическую телесность. Данный атрибут предполагает неинструментальную трактовку телесности в рамках повседневности практики действия субъекта — из нейтрального «проводника» действия (как в классических социологических теориях действия) она превращается в условие его возможности.

Третье, последнее, допущение классических теорий действия состоит в представлении о независимости субъекта действия от, в широком смысле слова, окружающей его среды. Данное представление опровергается Йоасом на основании обращения к теории коммуникативного действия Джорджа Герберта Мида [Там же, 131]. В силу того что само возникновение и развитие познавательных структур человека связано с коммуникативным употреблением значимых символов, предполагающих ориентацию на реакцию иных акторов и предвосхищение данной реакции посредством восприятия смысла символа самим актором, употребляющим его, данное допущение оказывается явно не соответствующим практике нашего действия. Исходя из этого Йоас атрибутирует субъекту своей теории действия третье свойство — свойство изначальной социальности его способности к действию.

Рассмотрение онтологических оснований концепции «сильного» ИИ, традиционных вариантов критического осмысления данной концепции, а также

теории действия Х. Йоаса позволяет заключить, что данная теория действия действительно может быть рассмотрена в качестве еще одного, нетрадиционного варианта критики концепции «сильного» ИИ. Хотя, казалось бы, данная теория непосредственно связана с проблемой статуса репрезентации феномена креативности в рамках социологических теорий действия, изложенный выше фрагмент рассуждения Йоаса о неосознаваемых предпосылках понятия рационального действия субъекта, как я считаю, имеет прямое отношение к проблематике критического осмысления концепции «сильного» ИИ.

Наиболее явной точкой соприкосновения, с одной стороны, концепции «сильного» ИИ и классических социологических теорий действия, а с другой стороны, традиционных версий критики данной концепции и теории действия Йоаса является вопрос о статусе телесного (материального). Функционалистический, игнорирующий роль материального фактора, «железа» машины, а также телесной организации и мозга человека, взгляд концепции «сильного» ИИ на протекание познавательных процессов, как явствует из второго онтологического основания концепции «сильного» ИИ, очевидным образом обнаруживает свою связь со вторым допущением классических теорий действия. В свою очередь, аналогичную связь обнаруживают и критические замечания Дрейфуса, касающиеся роли телесного, и аналогичные замечания Йоаса.

Еще одна, менее очевидная, связь данных элементов может быть обнаружена посредством указания на некоторый асоциальный, некоммуникативный характер агентов, проектируемых в рамках классического (комбинаторно-логический подход) периода исследований ИИ. Хотя агент и взаимодействовал с окружающей средой, он был от нее автономен, т. е., строго говоря, взаимодействие с иными агентами никак не влияло на развитие его структур знания или познавательных способностей. Аналогичное представление о субъекте действия мы встречаем и в случае классических социологических теорий действия.

Обобщая вышеизложенное, позволю себе заключить, что, согласно моему мнению, анализ основоположений концепции «сильного» ИИ, различных версий критического осмысления данной концепции, а также теории действия Х. Йоаса позволяет рассматривать данную теорию действия в качестве нетрадиционной версии критического осмысления концепции «сильного» искусственного интеллекта. В рамках данной теории мы фиксируем несколько иной уровень критики: если в случае традиционных версий критического осмысления сомнению подвергается то, «как мыслит машина», в случае нетрадиционной версии критики происходит переход к критике того, «как она действует». Возможно, с обнаружением подобного перехода может возникнуть повод для осторожного предположения о том, что критика именно таким образом понимаемой концепции «сильного» ИИ приобретает большее значение не только с позиции *post factum*, но и с более фундаментальной позиции, предшествующей всякому фактическому развитию событий.

1. *Вейценбаум Дж.* Возможности вычислительных машин и человеческий разум. От суждений к вычислениям. М., 1982 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kouzdra.ru/page/texts/weizenbaum/index.html> (дата обращения: 05.12.2013).

2. *Дрейфус Х. Л.* Чего не могут вычислительные машины? Критика искусственного разума. М., 1978.

3. *Йоас Х.* Креативность действия : пер. с нем. СПб., 2005.

4. *Рассел С., Норвиг П.* Искусственный интеллект: современный подход. 2-е изд. М., 2007.

5. *Серль Дж.* Мозг, сознание и программы // Аналитическая философия: становление и развитие : ант. : пер. с англ., нем. / общ. ред. и сост. А. Ф. Грязнова. М., 1998.

6. *Серль Дж.* Разум мозга — компьютерная программа? // В мире науки. 1990. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.raai.org/library/books/sirl/ai.htm> (дата обращения: 05.12.2013).

Рукопись поступила в редакцию 5 декабря 2013 г.

УДК 327.2 + 327.8

Р. С. Мухаметов

МЕСТО И РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В БЛИЖНЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ*

Статья посвящена проблеме участия неправительственных организаций в работе с национальной диаспорой. Автор исследовал механизм влияния институтов гражданского общества на политику государства в области этноконфессиональной и языковой консолидации соотечественников, проживающих за рубежом. Исследование показало, что ведущая роль в области защиты прав и интересов российских соотечественников ближнего зарубежья принадлежит неправительственным организациям. Автор пришел к выводу, что в России растет количество таких организаций, имеющих целью работу с соотечественниками.

Ключевые слова: диаспора, соотечественники, ближнее зарубежье, неправительственные организации, внешняя политика России.

Для большинства государств их основные внешнеполитические задачи сосредоточены в том географическом регионе, где они расположены. Поэтому межгосударственные отношения России со странами ближнего зарубежья всегда имеют приоритетное значение. Для России ими являются государства постсоветского пространства, которые были, есть и останутся на историческую перспективу зоной ее жизненно важных интересов. Как нам представляется, это продиктовано отнюдь не пресловутыми «имперскими амбициями», которые определенные силы за рубежом упорно пытаются нам приписать. Национальные интересы России в ближнем зарубежье имеют также отнюдь не эмоциональную и не конъюнктурную окраску. Они основываются не на

* Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации программы развития УрФУ.

сиюминутных, прикладных или ведомственных задачах, а на постоянных приоритетах. В ближнем зарубежье сосредоточены жизненно важные интересы Российской Федерации в области экономики, обороны и безопасности, а также защиты прав русскоязычного населения, обеспечение которых составляет основу национальной безопасности страны.

В результате распада Союза ССР за пределами страны оказались десятки миллионов людей, говорящих на русском языке. В силу наличия в постсоветских государствах более двадцатимиллионной русскоязычной диаспоры Россия объективно не может оставаться вне происходящих там событий, сохранять полный и беспристрастный нейтралитет. Поддержка и защита прав соотечественников, проживающих за рубежом, обозначены в качестве внешнеполитических приоритетов России. Это обусловлено тем, что Москва считает данную задачу «своим моральным долгом».

Национальным интересам России в гуманитарной сфере отвечают:

- придание русскому языку статуса официального;
- обращение на русском языке в органы власти государств и в органы местного самоуправления в тех странах, где более 20 % населения указывает русский как родной язык;
- обеспечение написания имен и фамилий в официальных документах на русском языке;
- обеспечение возможности размещать надписи на топографических указателях наряду с официальным языком также на русском языке в странах, где русскоязычное население исторически проживает в большом количестве;
- озвучивание фильмов в прокате наряду с официальными языками также и на русском языке;
- предотвращение массовых и насильственных нарушений прав соотечественников;
- беспрепятственное выражение, сохранение и развитие этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности русскоязычного населения.

Россия должна твердо настаивать на обеспечении и предоставлении соотечественникам в государствах их проживания полного объема гражданских, политических, социальных, экономических, культурных и иных прав и свобод в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Нарушения прав соотечественников должно являться основанием для пересмотра Российской Федерацией своей политики в отношении соответствующих государств, допускающих такого рода дискриминацию.

Таким образом, защита русскоязычного населения, обеспечение его прав и равного положения в странах ближнего зарубежья становится все более важной составляющей внешней политики России.

Хотя конституции и законодательные акты государств ближнего зарубежья декларируют равенство граждан независимо от их национальной принадлежности и языка, защиту прав некоренных национальностей, на практике же русскоязычное население в этих странах сталкивается с ущемлением основных прав и свобод человека. Это проявляется в дискриминационных актах о гражданстве, законодательных ограничениях возможностей русского языка,

но более всего — в практике, вытесняющей русских из политической и культурной жизни новых государств, затрудняющей карьеру и доступ к определенным специальностям. Значительная часть трудностей, выпавших на долю соотечественников, вызвана тем обстоятельством, что новые независимые страны формируются как национальные государства. Иногда это декларируется открыто, но чаще проявляется в политике, направленной на достижение доминирования титульного населения в сферах государственной и общественной жизни, результатом которой становится рост социально-политической и межэтнической напряженности в этих странах [3].

Особо нетерпимое положение в этой сфере складывается в странах Балтии. Несмотря на декларируемую приверженность международным правовым нормам в защите национальных меньшинств, на практике власти стран Балтии их не соблюдают. Достаточно вспомнить феномен «негражданства» в Эстонии и Латвии, низкую представленность соотечественников в органах власти, хотя численность русскоязычного населения составляет в данных странах 20–30 % от общего количества граждан. В этих странах сужается сфера использования русского языка. Русский язык не является обязательным предметом в школах национального большинства. Например, в Эстонии русский язык объявлен иностранным. Его запрещено употреблять в госучреждениях, бизнесмены не могут заключать на нем сделки. Передачи на русском языке на радио и ТВ не могут превышать по объему 10 % от общего эфирного времени [2, 64–70].

Организации по защите прав соотечественников за рубежом можно разделить на несколько категорий.

Первая объединяет правительственные учреждения, на которые возлагается разработка и реализация российской политики по вопросам соотечественников. Это:

— Правительственная комиссия по делам соотечественников за рубежом, которую в настоящее время возглавляет Сергей Викторович Лавров. Комиссия является координационным органом, обеспечивающим согласованные действия заинтересованных органов исполнительной власти по реализации государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом;

— Управление Президента по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами, возглавляемое Владимиром Александровичем Черновым. Управление разрабатывает и реализовывает проекты в области межрегиональных и культурных связей с зарубежными странами;

— Комитет Государственной думы по делам Содружества Независимых Государств и связям с соотечественниками во главе со Леонидом Эдуардовичем Слуцким;

— Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) во главе с Константином Иосифовичем Косачевым. Россотрудничество через сеть своих загранпредставительств и российских центров науки и культуры (РЦНК) содействует укреплению и развитию связей со-

отечественников с Россией, организует на постоянной основе работу по удовлетворению их культурных, информационных и языковых интересов и потребностей, содействует участию соотечественников в культурных, образовательных, спортивных, молодежных мероприятиях, проводимых в России [10];

— Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, директором которого является Игорь Константинович Паневкин. Деятельность Фонда призвана обеспечить правовую и организационную поддержку соотечественников в случаях нарушения их прав, в том числе этнокультурных, а также способствовать дальнейшему сплочению российской диаспоры за рубежом. Он ведет работу по созданию центров правовой защиты соотечественников в наиболее проблемных с точки зрения защиты прав соотечественников странах [1].

На данный момент в осуществлении защиты прав, свобод и законных интересов российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом, задействованы не только федеральные органы государственной власти.

Вторая категория включает в себя организации, на которые возложены функции представления интересов общественных объединений по защите прав русских, проживающих за рубежом. В качестве своей главной цели организации соотечественников провозглашают консолидацию российской диаспоры, преодоление разобщенности и укрепление связей с Россией. В качестве примера объединений соотечественников можно упомянуть Международный совет российских соотечественников, членами которого являются 137 организаций российских соотечественников из 52 стран мира.

В третью категорию входят неправительственные организации (НПО) международной направленности. Как нам представляется, в интересах повышения результативности российской внешней политики необходимо вовлекать институты гражданского общества во внешнеполитический процесс. Во всем мире неправительственные организации активно включаются в решение международных задач. Взаимодействие с российскими институтами гражданского общества открывает новые возможности в плане обеспечения внешнеполитических интересов России на таких приоритетных направлениях, как гуманитарное и образовательное сотрудничество, укрепление статуса русского языка, продвижение русской культуры и защита прав соотечественников за рубежом [4]. Другими словами, ведущая роль в процессе отстаивания прав и интересов российских соотечественников ближнего зарубежья принадлежит российским неправительственным организациям международной направленности.

Институты гражданского общества, проявляющие интерес к российским соотечественникам за рубежом, в той или иной форме ставят перед собой цель содействовать улучшению положения соотечественников в странах проживания. При этом деятельность НПО направлена на решение следующих задач:

— проведение мониторинга положения соотечественников в странах проживания;

— информирование российских властей и общественности, международного сообщества о проблемах соотечественников за рубежом;

– формирование предложений по совершенствованию нормативно-правовой базы и организации работы государственных структур России с соотечественниками за рубежом;

– проведение работы, направленной на сохранение и распространение русского языка, русской культуры и культуры народов России за рубежом;

– содействие российским соотечественникам в получении образования на русском языке в странах проживания и подготовка их для обучения в российских вузах;

– оказание юридической помощи в защите прав и законных интересов соотечественникам в странах проживания и в международных судебных инстанциях [12, 7].

Поддержка соотечественников посредством привлечения неправительственных организаций осуществляется в следующих направлениях:

1) оказание методической и организационной помощи организациям соотечественников;

2) оказание правовой помощи соотечественникам, в том числе путем взаимодействия с международными организациями по правам человека;

3) налаживание и развитие всесторонних связей между органами государственной власти и организациями соотечественников;

4) поддержка русского языка и культуры, содействие в получении образования на русском языке и повышении квалификации в образовательных и научно-исследовательских учреждениях Москвы, оказание поддержки зарубежным образовательным учреждениям, осуществляющим преподавание на русском языке;

5) информационное сотрудничество с организациями соотечественников, поддержка русскоязычных средств массовой информации;

6) поддержка социально незащищенных слоев соотечественников, а также организаций, объединяющих соотечественников с ограниченными возможностями и соотечественников-инвалидов [11, 161].

Механизм влияния институтов гражданского общества на политику в области защиты прав соотечественников функционирует в трех направлениях.

Во-первых, решая проблемы русскоязычного населения, институты гражданского общества во многом опережают меры, предпринимаемые в этом направлении государством, заставляя последние при выработке диаспоральной политики осваивать опыт НПО.

Во-вторых, формируя общественное мнение, неправительственные организации влияют на парламентариев и представителей исполнительной власти, таким образом определяя направления совершенствования политики в области защиты прав и интересов соотечественников.

В-третьих, принимая участие в обсуждении законопроектов, общественно значимых проблем, связанных с диаспоральной политикой, участвуя в деятельности совместных с государством организациях, «третий сектор» непосредственно участвует в процессе формирования политики в области защиты прав и интересов российских соотечественников [9, 37].

Привлечение НПО к формированию и осуществлению государственной политики в области защиты прав российских соотечественников за рубежом — это устоявшаяся практика многих министерств и ведомств. Так, представители НПО и фондов входят в общественные советы, экспертные рабочие группы при Министерстве иностранных дел, Россотрудничестве, ответственные за реализацию государственной диаспоральной политики. Неправительственные организации на конкурсной основе привлекаются к реализации различных проектов поддержки соотечественников; организации фестивалей, конкурсов с участием соотечественников; проведению исследований о положении диаспоры, конференций, круглых столов, поднимающих важные для соотечественников вопросы [11, 159–160].

В России увеличивается многообразие и растет количество НПО, имеющих целью работу с соотечественниками. Остановимся на краткой характеристике основных акторов из числа институтов гражданского общества, активно участвующих в защите прав и законных интересов соотечественников, проживающих за рубежом.

Так, в апреле 1996 г. по инициативе К. Ф. Затулина был создан Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). Институт занимается комплексным изучением процессов, происходящих в новых независимых государствах — бывших союзных республиках, прогнозированием их внутренней и внешней политики. Службами института проводятся сбор и обработка информации о положении соотечественников в ближнем зарубежье, осуществляется мониторинг этносоциальных и военно-политических конфликтов на территории бывшего Союза ССР, вырабатываются рекомендации по их разрешению и предотвращению. Сотрудники института являются членами экспертных советов при Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, при ФМС России и др. Работая в названных структурах, они участвуют в подготовке экспертных заключений, законопроектов по вопросам, важным для соотечественников: о гражданстве Российской Федерации, положении иностранных граждан на территории Российской Федерации, поддержке соотечественников Российской Федерацией, о реализации программы переселения [6].

Одной из ведущих российских неправительственных организаций, осуществляющих свою работу по поддержке российских соотечественников, проживающих за рубежом, является Институт русского зарубежья. Данная некоммерческая организация создана в марте 2005 г. с целью проведения исследовательской, информационно-аналитической, экспертной и организационной работы по защите прав и законных интересов соотечественников, проживающих за рубежом. Осуществляя свою деятельность в рамках общественной дипломатии, институт на регулярной основе проводит научно-практические конференции, круглые столы, другие общественно-значимые мероприятия, посвященные проблемам положения русского и русскоязычного населения в ближнем и дальнем зарубежье, общественно-политическим процессам на пространстве СНГ и Балтии [5].

В мае 2005 г. была зарегистрирована российская некоммерческая организация Фонд развития «Институт евразийских исследований». Цели и задачи

фонда состоят в восстановлении и развитии культурных, гуманитарных, образовательных связей между Россией и бывшими республиками СССР, принадлежащими к историческому пространству Евразии: Абхазией, Азербайджаном, Арменией, Киргизией, Таджикистаном, Туркменией, Узбекистаном и Южной Осетией. Институту евразийских исследований принадлежит заслуга в учреждении первой на постсоветском пространстве «Русской премии» за лучшие литературные произведения, написанные на русском языке гражданами государств бывшего СССР. При содействии Фонда в Таджикистане началось издание первого за 15 лет детского журнала «Почемучка» и республиканского журнала «Русский язык и литература в школах». В Киргизии Фонд поддерживает выпуск методического журнала «Русский язык и литература в школах Кыргызстана». Фонд является организатором многочисленных международных форумов, конференций и круглых столов по гуманитарным проблемам взаимоотношений стран бывшего Союза ССР [8].

В 1999 г. был учрежден Московский фонд международного сотрудничества имени Юрия Долгорукого (до 2009 г. — Московский фонд поддержки соотечественников имени Юрия Долгорукого) в целях экономической, социальной и правовой помощи в деле соблюдения прав человека, равноправия и защиты законных интересов русскоязычного населения, проживающего в странах СНГ и Балтии. Фонд оказывает материальную помощь общественным организациям в осуществлении ими культурных, образовательных, информационных и издательских проектов; пополняет библиотечные фонды объединений соотечественников изданиями русских авторов; проводит конкурсы учителей русского языка из зарубежных стран и принимает победителей в Москве; поддерживает музеи, связанные с русской культурой. С 2004 г. по настоящее время Фондом ежегодно проводится конкурс для литераторов, создающих свои произведения на русском языке. С 2007 г. Фонд выполняет государственный контракт на оказание помощи в обеспечении библиотек и школ с русским языком обучения за рубежом художественной, учебной и учебно-методической литературой. В 2008 г. литература была передана 52 организациям из 23 стран мира [7].

Неправительственные организации могут быть задействованы в сферах, недоступных официальной внешней политике. Осуществляя деятельность в государствах постсоветского пространства, фонды активно сотрудничают с зарубежными политическими элитами и общественностью, обеспечивают реализацию долгосрочных внешнеполитических проектов и, благодаря своему неправительственному статусу, ведут деятельность, которая, осуществляясь она на официальном уровне, могла бы быть расценена как вмешательство во внутренние дела.

Роль и место НПО в проведении государственной политики России в отношении соотечественников должны возрастать. Вести работу по защите прав соотечественников в иностранных государствах для официальных структур очень непросто, поэтому нужно всячески поощрять деятельность правозащитных организаций, создаваемых самими соотечественниками, оказывать им организационную и материальную помощь.

Таким образом, с нашей точки зрения, внешнеполитическое руководство России признает большой вклад, который вносят общественные, некоммерческие организации и фонды в поддержку соотечественников за рубежом, в разработку стратегии в работе с соотечественниками, в реализацию конкретных программ и мероприятий.

1. Игорь Паневкин: Россия твердо взяла курс на реальную поддержку своих соотечественников [Электронный ресурс]. URL: <http://www.msrs.ru/news/8985.html> (дата обращения: 02.08.2013).

2. Мухаметов Р. С. Россия и страны Балтии: проблемы отношений // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3 : Обществ. науки. 2011. № 1 (88).

3. Мухаметов Р. С. Соотечественники в российской внешней политике // Национальные интересы. 2010. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ni-journal.ru/archive/4ca2193e/p-6-2010/15df8e29/f49be061/> (дата обращения: 02.08.2013).

4. Обзор внешней политики Российской Федерации от 27.03.2007 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/3647DA97748A106BC32572AB002AC4DD (дата обращения: 02.08.2013).

5. Об Институте русского зарубежья [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russkie.org/?module=pages&action=view&id=1> (дата обращения: 02.08.2013).

6. Об Институте стран СНГ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.materik.ru/institute/about/> (дата обращения: 02.08.2013).

7. О МФМС [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfud.ru/fund.htm> (дата обращения: 02.08.2013).

8. О Фонде «Институт евразийских исследований» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ea-studies.ru/o-fonde.html> (дата обращения: 02.08.2013).

9. Роль институтов гражданского общества в формировании современной диаспоральной политики Российской Федерации. — Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). М., 2011.

10. Соотечественники за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <http://rs.gov.ru/taxonomy/term/30> (дата обращения: 02.08.2013).

11. Удаляя Т. В. Взаимодействие государственных институтов и неправительственных организаций в вопросах осуществления политики в отношении соотечественников за рубежом // Вестн. МГОУ. Сер. «История и политические науки». 2011. № 1.

12. Удаляя Т. В. Роль институтов гражданского общества в формировании современной диаспоральной политики Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011.

Рукопись поступила в редакцию 10 сентября 2013 г.

УДК 329(575.2) + 328.122.2 + 328.3

А. А. Берналиева

ДЕПУТАТСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ В ПАРЛАМЕНТЕ КЫРГЫЗСТАНА: СУЩНОСТНЫЕ И ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРИЗНАКИ

В статье рассматриваются сущностные и политико-правовые признаки депутатских объединений в Жогорку Кенеше — парламенте Кыргызстана. Проводится комплексный анализ теоретических разработок ученых относительно депутатского объединения, принципов и норм конституционно-правового законодательства и опыта парламентской практики Кыргызской Республики. Особое внимание уделяется изучению политико-правовой природы, сущности и функционально-содержательной деятельности такого нового, нетрадиционного для постсоветской парламентской практики вида депутатского объединения, как коалиция фракций.

Ключевые слова: депутатское объединение, депутатская группа, фракция, коалиция фракций, Жогорку Кенеш Кыргызской Республики, парламент, политическая партия.

Мировой общественной практике известны различные названия депутатских объединений. Так, в парламентах зарубежных государств официально депутатские объединения именуются по-разному: в Германии, Испании — «фракции», в Австрии — «клубы», во Франции и Италии — «парламентские группы», в Швеции — «партийные группы» [5, 12].

Вместе с тем в большинстве государств постсоветского пространства их называют депутатскими объединениями, при этом подразделяя на фракции и депутатские группы. Такова парламентская практика в Казахстане, Кыргызстане, России, Узбекистане и других странах.

Под фракцией обычно понимается депутатское объединение, сформированное на основе избирательного объединения (политические партии, блоки), прошедшего в парламент по единому республиканскому избирательному округу [11, 54]. Так, например, фракции в Государственной думе Федерального собрания Российской Федерации, согласно Регламенту Государственной думы, формируются на основе избирательного объединения, прошедшего в Государственную думу по федеральному избирательному округу, а также из депутатов Государственной думы, избранных по одномандатным избирательным округам и пожелавшим участвовать в работе данного депутатского объединения (ст. 16) [13].

С точки зрения кыргызстанского ученого М. М. Кучукова, фракция представляет собой «депутатское объединение, сгруппированное на основе избирательного объединения, прошедшего в Законодательное собрание по единому избирательному округу, а также из депутатов Законодательного собрания, избранных по одномандатным округам и пожелавшим участвовать в работе данного депутатского объединения» [7, 213–214].

Однако определения фракции, сформулированные в Регламенте Государственной думы и монографии М. М. Кучукова, не раскрывают, на наш взгляд, сущностные признаки данного вида депутатского объединения. Ведь очевид-

но, что депутаты объединяются во фракции не только потому, что пожелали участвовать в их работе. Возникают резонные вопросы: каковы критерии их объединения, для чего создаются депутатские объединения в форме фракции, каковы их цель и предназначение?

Между тем для сущностной характеристики депутатского объединения, по нашему мнению, важное значение имеет уяснение его назначения как парламентского органа.

Депутатские объединения призваны налаживать и координировать совместную работу депутатов парламента, способствовать выработке их общей тактики и стратегии. Кроме того, объединение во фракции и группы предоставляет парламентариям ряд преимуществ по сравнению с так называемыми «независимыми» депутатами, т. е. не состоящими в депутатских объединениях. Эти преимущества проявляются, во-первых, при формировании руководящих органов парламента; во-вторых, в представительстве в парламентских комитетах, комиссиях и соответственно в реализации этими органами своих полномочий в процессе рассмотрения и обсуждения на заседаниях парламента всех содержательных и процедурных вопросов.

Справедливо замечено, что депутатские объединения служат постоянным связующим звеном между органами государственной власти. При этом они также являются выразителями общественного мнения. Тем самым такие объединения влияют как на состав, форму организации и методы деятельности парламента, так и на всю систему взаимоотношений законодательной и исполнительной ветвей власти [10, 25].

По нашему мнению, создание фракций и депутатских групп нацелено на объединение усилий депутатов для совместной деятельности и консолидированного отстаивания единой позиции по вопросам, рассматриваемым парламентом. Конечно, этим цели создания депутатских объединений не ограничиваются. Интересы фракций и депутатских групп охватывают более широкий спектр вопросов, чем те, которые рассматривает парламент.

Назначение депутатских объединений в парламенте заключается в защите и отстаивании не только корпоративных интересов депутатов, но в большей степени в том, чтобы такие интересы парламентариев были согласованы в рамках общегосударственных задач. Это связано с социальным назначением самого парламента, в котором «должны быть представлены не корпоративные интересы тех или иных социальных групп в их чистом виде, а общезначимые, точнее — государственно-значимые аспекты этих интересов» [8, 8].

В этой связи следует отметить, что суть деятельности фракции в парламенте сводится к выражению интересов не только той или иной политической партии, но и ее электората в целом. Поэтому, как мы полагаем, фракция служит органом опосредованного участия граждан в процессе принятия важных государственных решений.

Иначе говоря, любые проблемы, возникающие у населения, воспринимаются через призму интересов политической партии и разрешаются в рамках правового поля ее представителями в высшем законодательном органе, т. е. депутатами фракции [9, 99–100].

Как записано в ч. 1 ст. 70 Конституции Кыргызской Республики [6], Жогорку Кенеш — парламент Кыргызстана — является представительным органом, осуществляющим законодательную власть и контрольные функции. В данной конституционной конструкции заложена определяющая роль в политической системе страны не только Жогорку Кенеша как органа представительной демократии, но и депутатских объединений, депутата Жогорку Кенеша. Отсюда очевидно, что депутат выступает одновременно и как политическое лицо, представляющее ту или иную фракцию и соответственно политическую партию, и как представитель народа, поскольку Жогорку Кенеш в целом есть орган представительства народа.

Таким образом, рассмотрение на заседаниях Жогорку Кенеша вопросов, касающихся наиболее актуальных сторон социально-экономической и политической жизни страны, самым непосредственным образом влияет на качественный уровень взаимодействия между объединениями депутатов парламента. При этом нельзя отрицать и присутствие политико-фракционных разногласий в депутатском корпусе. Более того, не стоит переоценивать преимущества фракционного строительства парламента.

В условиях фракционного режима парламентской деятельности не всегда учитываются воля и интересы избирателей. Особенно остро такая негативная сторона деятельности парламента проявляется в условиях авторитарных режимов, в которых зачастую оторванные от электората политические партии выражают не столько общественные, сколько корпоративные интересы, и прежде всего интересы партийной бюрократии. Естественно, что депутат, выстраивая линию своего поведения в парламенте, будет вынужден искать наиболее приемлемый, компромиссный вариант решения, выбирая между партийными установками, запросами своих непосредственных избирателей и общенациональными интересами [1, 21–22].

В статусном аспекте депутатское объединение представляет собой легально организованную группу депутатов, динамично встроенную в организационно-институциональную структуру парламента и соответственно обладающую в таком качестве определенными властными полномочиями в рамках парламентского механизма. Именно наличие у депутатского объединения, независимо от его вида, государственно-властных полномочий превращает его в глазах депутата в реальный механизм осуществления как уставных целей и задач политической партии, если это фракция, так и собственных интересов депутата в совокупности с интересами его коллег по депутатской группе.

Следует отметить, что именно особый политико-правовой статус депутатского объединения обуславливает положение, согласно которому в отдельных государствах конституционное законодательство непосредственно регулирует вопросы, касающиеся деятельности парламентских партий. Так, Конституция Португалии закрепляет право депутатов образовывать парламентские группы; подробно регламентирует круг их полномочий, предоставляя право устанавливать повестку дня определенного числа заседаний палаты, вносить предложения о созыве парламента, требовать создания парламентских комиссий по расследованию, выступать с инициативой открытия общеполитических дискуссий.

В ряде стран, например, в Грузии, Швейцарии, на Украине, помимо закрепления в конституциях права на образование фракций, существуют специальные законы о парламентских фракциях, в которых значительно подробнее определен их правовой статус, регламентированы права и привилегии, порядок образования и ликвидации.

В Кыргызской Республике конституция, используя специальный термин «фракция», закрепляет отдельные ее полномочия. Она также устанавливает принципы политического многообразия, многопартийности и политические права граждан на свободу объединения, избирать и быть избранными, которые в совокупности предопределяют политико-правовую природу как Жогорку Кенеша, так и депутатского объединения.

Круг общественных отношений, возникающих в связи с созданием и деятельностью депутатских объединений, регулируется законами о статусе депутата Жогорку Кенеша, о Регламенте Жогорку Кенеша [3, 4].

Итак, основываясь на вышеизложенном, а также конституционно-правовых нормах действующего законодательства Кыргызстана и опыте отечественной парламентской практики, можно выделить, по нашему мнению, следующие сущностные и политико-правовые признаки депутатских объединений.

Во-первых, это легально организованное объединение депутатов парламента. Депутатское объединение создается в соответствии с законом. При этом в законе могут быть определены виды депутатских объединений, их права и обязанности, основные направления деятельности, порядок их образования и прекращения их деятельности, а также иные законодательные требования к организации и деятельности депутатских объединений.

Во-вторых, депутатское объединение входит в организационно-институциональную структуру парламента, иначе говоря, представляет собой парламентский орган. Поэтому депутатскому объединению присущи государственно-властные полномочия.

В-третьих, депутатское объединение создается депутатами добровольно.

В основе любого депутатского объединения лежит принцип добровольности объединения депутатов. Депутат парламента по своей воле решает, будет он входить в состав того или иного объединения или нет. Однако здесь нам могут возразить наши оппоненты, основываясь на том, что депутаты, избранные в парламент по партийному списку, обязаны соблюдать требования устава и решения руководящих органов соответствующей политической партии, которые связывают депутата с фракцией партии. Но, как мы полагаем, в любом случае у депутата — члена партии остается право выбора решения: войти в состав соответствующей фракции либо не войти. Дело в том, что в основе образования самой политической партии лежит принцип добровольности, который непосредственным образом проявляется и в формировании партийной фракции. Таким образом, очевидно, что принцип добровольности всегда присутствует в депутатском объединении.

В-четвертых, депутатскому объединению присуща самостоятельность.

Депутатское объединение самостоятельно определяет свою внутреннюю структуру, избирает руководителя объединения и его заместителей, планирует

и осуществляет свою деятельность. Особенно четко проявляется самостоятельность депутатского объединения в формировании его позиции по тем или иным общественно-политическим вопросам, рассматриваемым в парламенте, и соответственно в принятии самостоятельного решения.

В-пятых, деятельность депутатского объединения предопределяется общей целью. Уставные цели и задачи политической партии предопределяют как форму, так и содержание деятельности фракции в целом и ее членов — депутатов парламента в частности. Для депутатской группы в качестве общей цели могут послужить, например, интересы определенной административно-территориальной структуры (округ, район, область) либо отрасли народного хозяйства или социальной группы, категории населения.

В-шестых, депутатское объединение отличается внутренней солидарностью его участников. Внутри любого отдельно взятого депутатского объединения объективно складываются относительно устойчивые взаимоотношения между его участниками, что обуславливается совпадением интересов и основных параметров позиций его членов по актуальным вопросам общественно-политической и государственной жизни.

В этой связи следует подчеркнуть, что особенностью фракции как вида депутатского объединения является то, что внутрифракционная солидарность ее участников достигается также и посредством партийной дисциплины.

В-седьмых, депутатское объединение обладает определенными государственно-властными полномочиями для осуществления парламентских функций.

Наличие у депутатского объединения определенных государственно-властных полномочий сопряжено с тем, что, во-первых, это легально организованное объединение депутатов парламента, которое образуется в соответствии с законом. Законодательство Кыргызстана исходит из понимания депутатского объединения как парламентского органа. Во-вторых, такой законодательный подход обуславливает наделение депутатского объединения определенной совокупностью государственно-властных полномочий, что позволяет ему в соответствии с законом осуществлять парламентские функции.

В-восьмых, с учетом вышесказанного депутатское объединение можно рассматривать как реальный механизм осуществления, с одной стороны, основных функций парламента, с другой — партийно-политических функций в рамках парламентской деятельности.

При этом содержание парламентских функций депутатского объединения определяется основными направлениями деятельности парламента в целом.

Партийно-политическое содержание деятельности депутатского объединения сопряжено прежде всего с его видовым отличием, т. е. зависит от его вида (фракция это или депутатская группа), а также с различными объективными факторами социально-экономического развития страны. Так, депутатская группа «Единство», образованная в Законодательном собрании Жогорку Кенеша второго созыва, занимая центристскую позицию, в основном стремилась активно поддерживать демократические институты власти в стране, социально-экономические реформы, оказывала всемерное содействие реальному сектору экономики. Другая депутатская группа под названием «Регионы Кыргызстана»

работала под девизом «Сильные регионы — сильное государство» и в качестве основных целей определяла разработку и поддержку законодательных актов, усиливающих экономическую самостоятельность регионов. Депутатская группа «За народ» выступала за сокращение контролирующих органов, прозрачную административную систему, справедливую конкуренцию на рынке [7, 214–215].

Как видим, на содержание партийно-политических функций депутатских групп в рамках их парламентской деятельности непосредственным образом влияли такие объективные факторы общественно-политической и государственной жизни Кыргызстана того периода, как становление демократических институтов, социально-экономические реформы, включая развитие рыночных институтов экономической системы общества.

Таковы, по нашему мнению, сущностные и политико-правовые признаки депутатских объединений.

Как показывает анализ теоретических разработок относительно понятия депутатского объединения и парламентской практики, в научной литературе среди депутатских объединений обычно выделяются фракции и депутатские группы. Но при этом не указываются критерии, которые имеют определяющее значение для создания того или иного вида депутатского объединения.

На наш взгляд, основным критерием создания фракции как вида депутатского объединения является ее партийно-политическая природа.

В чем ее суть?

Дело в том, что фракция создается депутатами парламента, которые избраны по списку той или иной политической партии по пропорциональной системе выборов. Будучи включенным в качестве кандидата в депутаты в список соответствующей политической партии, человек становится связанным с ее уставом и решениями. Последние обязывают в будущем такого депутата выполнять определенные требования партийно-уставных отношений, например, войти в состав фракции партии в парламенте, соблюдать партийную дисциплину, выполнять решения руководящих органов партии, защищать и продвигать в парламенте интересы партии и т. д.

Поэтому содержательно-функциональная направленность деятельности фракции в парламенте предопределяется теми целями и задачами, которые закреплены в уставе политической партии, а также решениями ее руководящих органов.

Таким образом, фракция, будучи структурной частью парламента, в то же время является и представительным органом политической партии в законодательном органе государственной власти, посредством которого обеспечивается участие партии в выработке решений парламента.

Данное положение позволяет говорить, по нашему мнению, о двуединой политико-правовой природе фракции, которая проявляется в том, что фракция в качестве вида депутатского объединения одновременно выступает и как парламентский, и как политический орган. Такая характеристика фракции указывает на неразрывную связь ее правовой и политической сущности, которая обуславливает ее структурно-институциональную оформленность,

совокупность ее государственно-властных и партийно-политических полномочий и содержательно-функциональную направленность ее деятельности в парламенте.

В качестве основных сущностных и политико-правовых признаков фракции, на наш взгляд, можно выделить следующие.

Во-первых, легальность формирования фракции. Фракция создается депутатами парламента, но в соответствии с законом или регламентом парламента. В любом случае правовые основы формирования фракции и организации ее деятельности, включая ее полномочия, как правило, регулируются соответствующим нормативным правовым актом. Данное положение позволяет говорить о законности формирования фракции как вида депутатского объединения.

Во-вторых, связанность фракции с конкретной политической партией. Фракция формируется депутатами, избранными в парламент от политической партии, которая вправе образовать свою фракцию в парламенте. Данный признак имеет существенное значение не только для формирования фракции и организации ее деятельности в целом, но и для члена фракции в частности.

В-третьих, в качестве основного сущностного признака фракции можно выделить также ее целенаправленность. Причем данный признак имеет существенное значение как для формирования фракции, так и для ее деятельности. Иначе говоря, фракция как таковая создается именно для того, чтобы реализовать в рамках парламентской деятельности основные цели политической партии. При этом любая партия, участвуя в политической борьбе, в данном случае за депутатские мандаты, ставит перед собой конкретные цели и задачи, которые составляют основу ее предвыборной политической платформы. Получив необходимое количество голосов избирателей на выборах и соответственно депутатских мандатов, политическая партия формирует свою фракцию в парламенте. Посредством фракции партия реализует свою предвыборную платформу, что предопределяет целенаправленность деятельности фракции.

В-четвертых, фракция подлежит обязательной регистрации в установленном порядке. Закон о Регламенте Жогорку Кенеша не содержит норму, требующую обязательной регистрации фракции. В нем говорится лишь о том, что фракция приобретает официальный статус с момента объявления о ее создании (п. 2 ст. 10) [3].

Тем не менее, основываясь на парламентской практике, а также на общих принципах правового регулирования общественных отношений, как мы полагаем, необходимо в обязательном порядке регистрировать сформированные в Жогорку Кенеше фракции. Факт регистрации фракции в установленном законом или регламентом парламента порядке даст основание для наделения фракции соответствующими полномочиями, которые закреплены в Регламенте Жогорку Кенеша. Иначе о каких правах и обязанностях фракции можно вести речь, если она официально не зарегистрирована, т. е. не легитимизирована?

Поэтому считаем целесообразным внести дополнение в Регламент Жогорку Кенеша, предусматривающее положение об обязательной регистрации сформированной в Жогорку Кенеше фракции.

В-пятых, в качестве правового признака фракции можно выделить и наличие соответствующего акта для регламентации ее деятельности. Так, основные вопросы формирования фракции, равно как и депутатского объединения, и организации их деятельности могут быть урегулированы в различных странах разного уровня нормативными правовыми актами (конституции, специальные законы, регламенты парламентов, их палат). Но непосредственно вопросы внутрифракционных отношений регулируются, как правило, положением о фракции.

В-шестых, фракции как виду депутатского объединения присущи те же свойства, которыми обладает само депутатское объединение. Это добровольность, самостоятельность, внутренняя солидарность, наличие государственно-властных полномочий.

В качестве общих признаков, которые присущи и фракции, и депутатской группе, можно выделить добровольность создания, самостоятельность, целенаправленность, наличие государственно-властных полномочий.

Вместе с тем имеются некоторые отличия, которые связаны с основным критерием создания депутатской группы. В качестве такого критерия здесь выступает, на наш взгляд, совпадение политических позиций отдельных депутатов по отстаиванию интересов определенной социальной группы, категории населения или административно-территориальной единицы либо отрасли народного хозяйства. Такой критерий предопределяет целенаправленность деятельности депутатской группы и ее характер. Если целенаправленность деятельности фракции имеет более или менее устойчивый характер, то конкретные цели и задачи, которые ставятся перед депутатской группой, могут иметь изменчивый характер. Данное положение связано с тем, что депутатская группа представляет собой, как правило, объединение депутатов, избранных по одномандатным избирательным округам, а также депутатов, избранных по партийным спискам, но не пожелавшим участвовать в работе «родной» фракции. Соответственно целенаправленность деятельности депутатской группы изначально не задана, как это бывает во фракциях, где цели и задачи политической партии заранее известны и депутаты — члены партии, формируя фракцию, уже знают о сущности и направлениях предстоящей парламентской деятельности.

Таким образом, в качестве отличительных признаков депутатской группы можно выделить: во-первых, основной критерий ее создания; во-вторых, содержание и характер целенаправленности ее деятельности; в-третьих, количественный показатель депутатской группы.

Относительно такого признака, как количественный показатель депутатской группы, следует отметить, что он имеет существенное значение для легализации данного вида депутатского объединения. Во-первых, для создания депутатской группы необходимо собрать достаточное количество депутатов, в противном случае группа просто не может быть зарегистрирована в качестве депутатского объединения. В парламентской практике Кыргызстана были случаи, когда депутатские группы не были зарегистрированы именно по таким основаниям. Так, депутатская группа «XXI век» во главе с И. А. Масалиевым, образованная 10 июня 2005 г., не была официально зарегистрирована в Аппарате

Жогорку Кенеша третьего созыва из-за того, что в эту группу вошли всего четыре депутата, а ст. 17 Закона о Регламенте Жогорку Кенеша содержала норму, согласно которой численность депутатской группы должна была насчитывать не менее семи депутатов [2, 243–244].

Таким образом, количественный показатель является обязательным условием для официальной регистрации депутатской группы в качестве депутатского объединения.

Во-вторых, официальная регистрация депутатской группы в качестве депутатского объединения в парламенте, создает юридическую возможность такой группе стать обладателем определенных государственно-властных полномочий, т. е. прав и обязанностей, для осуществления парламентских функций.

В-третьих, количественный показатель депутатской группы имеет непосредственное отношение и к прекращению ее деятельности. Иначе говоря, сокращение установленного числа членов депутатской группы служит юридическим основанием для прекращения деятельности подобной группы в качестве депутатского объединения.

Итак, мы рассмотрели существенные и политико-правовые признаки таких видов депутатского объединения, как фракции и депутатские группы.

Вместе с тем, на наш взгляд, можно выделить и новый, нетрадиционный для постсоветской парламентской практики вид депутатского объединения, как коалиция.

С правовой точки зрения признание коалиции в качестве депутатского объединения обусловлено тем, что сама Конституция Кыргызской Республики апеллирует данным понятием. Так, по смыслу ст. 84 в Жогорку Кенеше может быть создана коалиция фракций. При этом назначение коалиции фракций заключается в том, чтобы образовать парламентское большинство депутатов, которое необходимо по конституции для выдвижения кандидатуры на должность премьер-министра Кыргызской Республики.

С политической точки зрения образование коалиции фракций в Жогорку Кенеше, во-первых, оправдано тем, что Кыргызстан является парламентской республикой. При парламентской форме правления правительство, как правило, формируется фактически политической партией или несколькими партиями, которые располагают большинством мест в парламенте.

В этой связи следует отметить, что вопрос об определении и выдвижении кандидатуры на должность премьер-министра имеет существенное значение для формирования правительства, поскольку именно кандидат на должность премьер-министра определяет программу, структуру и состав правительства и вносит их в Жогорку Кенеш для утверждения. Коалиция фракций, определяя и выдвигая кандидатуру конкретного лица на должность премьер-министра, должна понимать, что от того, какое количество депутатов будет поддерживать такого кандидата в парламенте, зависит не только формирование всего правительства, но и в будущем его деятельность.

Таким образом, такая коалиция фракций выступает неким гарантом стабильности в деятельности правительства, что очень важно для последнего в плане реализации им программы своей деятельности.

В то же время ошибочно думать, на наш взгляд, что коалиция фракций в Жогорку Кенеше должна решать только один вопрос — «выдвижение» кандидата на должность премьер-министра.

Коалиция фракций могла бы стать, как мы полагаем, наиболее эффективным механизмом решения таких государственно значимых вопросов, как формирование республиканского бюджета, определение основных направлений внешней и внутренней политики государства, вопросов социально-экономического развития страны и т. д. Таким образом, в решении этих и других аналогичных вопросов государственной и общественно-политической жизни посредством коалиции фракций в Жогорку Кенеше можно видеть обеспечение более высокого уровня политического плюрализма.

Итак, изложенное здесь, на наш взгляд, дает основание заключить, что коалиция фракций вполне оправданно может выступать в качестве самостоятельного вида депутатского объединения.

Основным критерием образования коалиции фракций в Жогорку Кенеше является прежде всего близость политических воззрений ее участников. Среднесрочные интересы тех или иных фракций, которые в основном либо в сущности совпадают, также могут выступать в качестве такого критерия. Можно допустить объединение нескольких фракций в парламенте в коалицию с тем, чтобы разработать единую социальную политику либо политику поддержки малого и среднего бизнеса, совместно продвигать их через парламент, добиваться их реализации, используя для этого совместные усилия и возможности фракций.

В качестве существенных политико-правовых признаков коалиции фракций, как мы полагаем, можно выделить, во-первых, добровольность объединения; во-вторых, парламентское большинство; в-третьих, наличие особых государственно-властных полномочий. Особый характер последних определяется совокупностью: а) собственно фракционных полномочий; б) специальных полномочий самой коалиции.

Таким образом, изложенное выше позволяет сформулировать авторское определение депутатского объединения, под которым предлагается понимать легально сформированное и динамично встроенное в парламентскую организационно-институциональную структуру объединение депутатов, обладающее свойствами добровольности, самостоятельности, целенаправленности, внутренней солидарности и определенными государственно-властными полномочиями для осуществления парламентских и иных общественно-политических функций.

1. Алипулатова И. И. Парламентаризм в Российской Федерации как основа демократического общества : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2004.

2. Арабаев А. А. Парламентаризм и Парламент Кыргызстана: генезис, состояние, перспективы. Бишкек, 2008.

3. Закон Кыргызской Республики «О Регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» от 25 ноября 2011 г. № 223 // Эркин Тоо. 2011. 2 дек.

4. Закон Кыргызской Республики «О статусе депутата Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» от 18 декабря 2008 г. № 267 // Эркин Тоо. 2008. 26 дек.
5. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / под ред. Б. А. Страшуна. М., 1996.
6. Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 г. // Эркин Тоо. 2010. 6 июля.
7. *Кучуков М. М.* Жогорку Кенеш (парламент) Кыргызской Республики. Бишкек, 2002.
8. *Лапаева В. В.* Фракции и депутатские группы в Государственной думе как субъекты парламентского процесса // Законодательство и экономика. 1998. № 4.
9. Парламентаризм в независимом Казахстане: состояние и проблемы : материалы международ. науч.-практ. конф. Астана, 2002.
10. Парламентаризм: опыт зарубежных стран. Ташкент, 2002.
11. Парламентское право России / под ред. И. М. Степанова, Т. Я. Хабриевой. М., 1999.
12. Политология / под ред. Б. И. Кретьова. М., 2001.
13. Регламент Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 7. Ст. 801.

Рукопись поступила в редакцию 27 ноября 2013 г.

УДК 327.37(73) + 355.019.1 + 623

Д. В. Шведов

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ США В ОБЛАСТИ НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ (1945–1965)

К середине XX в. остро встала проблема распространения ядерного оружия. Ее решение в условиях холодной войны представлялось сложной задачей, требующей понимания и доверия между СССР и США. В США на протяжении двух десятилетий после окончания Второй мировой войны рассматривались различные идеи: ядерной монополии, сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, многосторонних ядерных сил, но лишь к середине 1960-х гг. пришли к пониманию необходимости создания международного режима.

К л ю ч е в ы е с л о в а: нераспространение ядерного оружия, избирательное распространение, многосторонние ядерные силы, комитет Джилпатрика.

Появление в середине XX в. ядерного оружия оказало серьезное влияние на систему международных отношений. На протяжении длительного времени факт обладания этим видом вооружений свидетельствует о статусе государства и степени его влияния на международные отношения на глобальном уровне. К окончанию Второй мировой войны США оказались единственным обладателем ядерных вооружений. Но уже вскоре началось формирование ядерного лагеря, включившего СССР, Великобританию, Францию и Китай. Впоследствии статус этих государств в качестве ядерных был зафиксирован в Договоре о нераспространении ядерного оружия 1968 г. Остальные государства, подписавшие договор, взяли на себя обязательство не создавать свои ядерные арсеналы.

Путь к Договору о нераспространении ядерного оружия был длительным и непростым. Его ключевыми участниками должны были стать СССР и США, но в условиях холодной войны и взаимного недоверия сверхдержавам было чрезвычайно сложно договориться. Не способствовали переговорному процессу

и представления государств о путях решения проблемы ядерного распространения.

В США после окончания Второй мировой войны отсутствовала четкая стратегия в отношении будущего распространения ядерного оружия. К тому же в Белом доме полагали, что США довольно долго будут единственным обладателем новейшего вида вооружений. История показала, что это предположение было ошибочным.

Президентские администрации Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди и Л. Джонсона предпринимали попытки оценить угрозу и выработать подход к решению проблемы распространения ядерного оружия. Тем не менее успешность этих попыток является спорной, особенно принимая во внимание отсутствие единого подхода к проблеме в американских государственных структурах.

Первые шаги по формированию подхода к вопросу о распространении ядерного оружия США предприняли еще до его создания. В заключенном с Соединенным Королевством в августе 1943 г. Квебекском соглашении британский премьер-министр У. Черчилль согласился, что решение в отношении дальнейшего использования атомной энергии в послевоенный период будет принимать президент США [17]. Положения документа вводили запрет на передачу технологий другим странам при отсутствии обоюдного согласия Великобритании и США [Там же]. Очевидно, что этот запрет был направлен в первую очередь против СССР, но в условиях американско-британского лидерства в разработке технологии он закладывал основу для всеобщего режима нераспространения.

После окончания Второй мировой войны в декабре 1945 г. в Москве состоялась конференция министров иностранных дел, по результатам которой была создана Комиссия Организации Объединенных Наций по атомной энергии. Новому органу было поручено подготовить план по уничтожению ядерного оружия и развитию использования атомной энергии в мирных целях [20].

Советское государство, не обладавшее на тот момент ядерным оружием, добивалось уничтожения ядерного арсенала США или по меньшей мере стремилось препятствовать решению, которое могло бы закрепить за заокеанским соседом военное превосходство. Подход США, напротив, был направлен на ограничение свободы действий любого другого государства в отношении расщепляющихся материалов.

В США в январе 1946 г. была создана комиссия под руководством заместителя госсекретаря США Д. Ачесона и главы Администрации долины Теннесси Д. Лилиенталя, которой и было поручено подготовить американское предложение в Комиссию ООН по атомной энергии. В отчете, подготовленном комиссией и известном как доклад Ачесона-Лилиенталя, были представлены основные идеи, которые могли лечь в основу международной инициативы по контролю над ядерными материалами и сокращению ядерных вооружений. В частности, предлагалось создать Агентство по атомным разработкам — международный орган по контролю за добычей и использованием расщепляющихся материалов, объектов, на которых возможно изготовление ядерных вооружений. Помимо прочего Агентство должно было выдавать лицензии заин-

тересованным странам на исследовательские работы, направленные на мирное применение атомной энергии [2].

Бернард Барух, официальный представитель США в Комиссии ООН по атомной энергии, дополнил предложения доклада Ачесона-Лиленталя пунктами о проведении инспекций, введении санкций в отношении нарушителей, а также об отмене права вето при голосовании о мерах в отношении нарушителя [19]. Именно эти пункты и стали камнем преткновения, и в результате план Баруха был отвергнут, а вскоре была распущена и Комиссия ООН по атомной энергии.

Наряду с предложением о создании международного органа по контролю над расщепляющимися материалами и ядерными технологиями США предприняли и одностороннюю попытку по сдерживанию распространения ядерного оружия. В 1946 г. Конгрессом был принят Закон об атомной энергии, также известный как Закон Макмагона. В определенном смысле документ развивал идею ядерной секретности, которая существовала со времени подписания Квебекского соглашения. Согласно документу вводился запрет на передачу ядерных технологий другим государствам (включая союзников) до принятия действенных средств международных гарантий [3].

Однако политика ядерной секретности вскоре показала свою неэффективность. В 1949 г. СССР провел испытания своей первой атомной бомбы — значительно раньше, чем предполагали в Вашингтоне. Великобритания без поддержки западного партнера создала и провела тестирование своего устройства в 1952 г. В том же году во Франции было принято решение о строительстве мощных реакторов для производства плутония [9, 77]. Таким образом, несмотря на заградительные меры, другим странам удалось создать или по меньшей мере продвинуться на пути создания ядерного оружия. Разумеется, в это время государства не задумывались о мерах, препятствующих распространению ядерного оружия. Более того, чтобы ускорить разработку, государства прибегали к международному сотрудничеству, передавали наработанные технологии, как это было в случае с Францией и Израилем [5, 57–60].

В результате американская ядерная монополия перестала существовать, следовательно, требовалось пересмотреть подход к проблеме. Если с атлантическим соседом у США имелись договорные обязательства, препятствующие передаче ядерных разработок, то с СССР в условиях холодной войны договориться о подобном поведении представлялось маловероятным. К тому же сама возможность трансфера советской технологии в другие страны вызывала в США обеспокоенность и, более того, опасение расширения советского влияния.

Ответом на очередной вызов стала инициатива, вошедшая в историю под названием «Атомы для мира». Основа для нее была подготовлена группой экспертов во главе с Р. Оппенгеймером, занимавшейся подготовкой предложений по позиции США в Комитете ООН по разоружению. В перспективе эксперты ожидали усиление гонки вооружений за счет снижения стоимости ядерного оружия и говорили о необходимости принятия мер по ее предотвращению или по меньшей мере ослаблению [1, 118].

Развитие атомной энергетики, как средства, создающего основу для экономического развития и процветания всего человечества, должно было сократить гонку вооружений, в том числе за счет переключения ядерных материалов и исследователей на решение гражданских задач. В результате появилась программа «Атомы для мира». Эта программа должна была решить не только внешнеполитические проблемы, но и способствовать дальнейшему развитию военной ядерной программы США [1, 162–164].

В 1955 г. Турция стала первым участником программы «Атомы для мира». По условиям соглашения о сотрудничестве, как в случае с Турцией, так и с другими государствами, США брали на себя обязательство поставить исследовательский реактор при согласии другой стороны на регулярные инспекции для контроля за его использованием по назначению.

Важной составляющей «Атомов для мира» было создание Международного агентства по атомной энергии. На этот орган возлагались надежды по контролю за мирным применением расщепляющихся материалов, что должно было стать определенным барьером для появления новых ядерных государств. Однако создание МАГАТЭ оказало лишь частичное влияние на сдерживание распространения ядерного оружия. Агентство не было наделено функцией контроля за всеми расщепляющимися материалами и не обладало полномочиями для ограничения суверенного права государств на развитие военной ядерной программы.

«Атомы для мира» послужили не только развитию атомной энергетики, но и раскрытию данных о получении расщепляющихся материалов. Так, Франция, США и другие страны опубликовали подробную информацию о получении обогащенного плутония [9, 72].

В 1950-х в США активно обсуждался и другой способ предотвращения ядерной гонки — через размещение в странах НАТО американских ядерных боеголовок [10, 90]. Бытовала точка зрения, что, с одной стороны, в таком случае члены Североатлантического альянса будут надежно защищены от ядерной угрозы, а с другой, что, имея доступ к этому виду оружия, у государств пропадет интерес к финансированию исследований по созданию данного вида вооружений.

Дискуссия по вопросам размещения ядерных вооружений в Европе не увенчалась успехом. Более того, в 1958 г. Ирландия выступила с назревшим к тому времени предложением о заключении международного соглашения о предотвращении распространения ядерного оружия. Предложение изначально содержало пункт о недопустимости передачи в любом виде ядерного оружия или технологии его изготовления другим государствам.

Занявший президентское кресло в 1961 г. Дж. Кеннеди был глубоко убежден в необходимости предотвращения дальнейшего распространения ядерного оружия. К тому же к началу 1960-х гг. остро встал вопрос о появлении новых ядерных держав: свои программы развивали Франция и Китай, в 1960 г. стало известно о существовании подобной программы в Израиле [14, 16].

В США, несмотря на отсутствие единого подхода к проблеме, полагали, что появление ядерного оружия в Китае приведет к тому, что и другие азиатские

государства (в первую очередь Индия, Япония, Тайвань) будут стремиться к созданию собственных ядерных арсеналов для поддержания баланса сил в регионе. Ядерная программа Израиля беспокоила США в меньшей степени, хотя, как признавалось, могла привести к новым военным столкновениям и гонке ядерных вооружений в Ближневосточном регионе [15]. Вероятно, при оценке угрозы учитывали, что в Израиле еще недавно отсутствовали квалифицированные специалисты в области ядерной физики [5, 25–26], ограниченными были и финансовые ресурсы.

Активность коммунистического Китая и соответственно опасения возможной ядерной гонки в Юго-Восточной Азии были важным фактором, определяющим действия североамериканского государства по снижению угрозы. В качестве решения предлагалось заключить международное соглашение о запрете ядерных испытаний и запрете на передачу ядерными державами соответствующих технологий третьим странам.

Серьезное опасение в США также вызывала ситуация в Европе [6]. С одной стороны, развитие странами Европы собственных ядерных программ могло спровоцировать новые военные конфликты. С другой стороны, было необходимо укреплять сотрудничество в рамках Североатлантического альянса. Для этого предлагалось реализовать обсуждаемую с 1950-х гг. идею по созданию многосторонних ядерных сил НАТО [10, 63]. В результате американское ядерное оружие должно было быть размещено в Европе, что стимулировало бы страны континента к отказу от разработки собственных программ.

Идея многосторонних ядерных сил не нравилась СССР [12], поскольку предполагала размещение ядерного оружия в непосредственной близости к его территории, а также доступ к нему Федеративной Республики Германии. Неоднозначной была и реакция европейских стран. Например, французский президент Ш. де Голль на встрече с американским коллегой 2 июля 1961 г. отмечал, что со времени создания Североатлантического альянса ситуация в мире существенно изменилась: СССР обзавелся собственным ядерным оружием, европейские страны преодолели экономический и политический кризис послевоенных лет. В новых условиях глава французского государства считал необходимым иметь собственное ядерное оружие, чтобы не зависеть от партнеров [13].

Тем временем переговоры о мерах по предотвращению ядерного распространения шли чрезвычайно медленно. Их основными и наиболее активными участниками были СССР и США, но они не могли договориться по целому ряду вопросов: от механизмов контроля до запрета на передачу технологий и вооружения третьим странам. Изменению ситуации поспособствовал случившийся в октябре 1962 г. Карибский кризис. Он показал, что размещение ядерных вооружений в непосредственной близости к территории противника воспринимается чрезвычайно болезненно. Более того, избирательное распространение может привести к развязыванию ядерной войны [4]. Страны-партнеры великих держав также извлекли для себя урок: в случае опасности партнер не будет учитывать их интересы, что только подтвердило позицию генерала Ш. де Голля.

После разрешения Карибского кризиса США и СССР демонстрировали больший интерес к решению проблемы распространения ядерного оружия и готовность идти навстречу друг другу. В результате в 1963 г. было подписано первое соглашение, действие которого было направлено на ограничение ядерной гонки, — Договор о запрете ядерных испытаний в трех средах. Данный договор хоть и был направлен на предотвращение распространения ядерного оружия, не мог быть в полной мере эффективным решением. К тому же присоединившиеся к ядерному клубу в 1960 г. Франция и в 1964 г. Китай отказались присоединиться к договору [9, 76].

Занявший после гибели Дж. Кеннеди президентский пост Л. Джонсон поначалу был в основном озабочен внутривластными вопросами: у него впереди был лишь один год до следующих выборов и нужно было успеть завоевать доверие избирателей.

Несмотря на приоритетность для Л. Джонсона внутривластных проблем, осенью 1964 г. был создан Комитет по изучению проблемы распространения ядерного оружия, также известный как Комитет Джилпатрика [16]. В январе 1965 г. Комитет представил результаты работы президенту [18], которые оказали определенное влияние на дальнейшие действия США в сфере нераспространения, хотя и не были в полной мере использованы в американской оборонной и внешней политике.

При разработке рекомендаций Комитет Джилпатрика рассматривал четыре варианта действий в отношении ядерной проблемы: избирательное распространение; создание многосторонних ядерных сил НАТО; заключение соглашений о запрете испытаний и нераспространении ядерного оружия; дипломатические и военные действия, направленные на предотвращение появления новых ядерных государств и отказ от этого вида вооружений его обладателей [8]. В результате дискуссий в качестве основной рекомендации был выбран вариант по заключению соглашений, запрещающих испытания и передачу технологий третьим странам.

После представления доклада президенту был также подготовлен план действий по его реализации [7]. Д. Раск, ознакомившись с текстом документа, рекомендовал президенту отказаться от его реализации из-за явных противоречий целям США в отношениях с партнерами по НАТО [11]. Л. Джонсон согласился с доводами государственного секретаря и распорядился, чтобы документ был засекречен, а его положения остались известны только узкому кругу лиц.

Выводы комитета Джилпатрика не стали основой американской политики в области нераспространения, но оказали на нее влияние, определив, что единственным действенным способом для решения проблемы станет формирование международной правовой системы. Очевидно, что реализация предложений доклада требовала серьезных изменений американской внешней и оборонной политики, которые не могли произойти быстро и при этом не встретиться с противостоянием со стороны государственных ведомств.

Эволюция подхода к проблеме нераспространения за послевоенное двадцатилетие привела американское руководство к осознанию необходимости ком-

плексных многосторонних мер и невозможности решения проблемы в одностороннем порядке. Карибский кризис 1962 г. стал катализатором переговорных процессов между СССР и США и показал, что проблема может быть решена только при участии обеих стран-антагонистов. В результате в 1963 г. был подписан договор о запрете испытаний в трех средах, ставший важным шагом в ограничении ядерного распространения.

Дальнейшие шаги по снижению угрозы ядерного распространения требовали существенных изменений в отношениях со стратегическими партнерами и не могли быть осуществлены быстро. Поэтому рекомендации комитета Джилпатрика по заключению соглашений о запрете ядерных испытаний и трансферу технологий третьим странам не были учтены в полной мере.

1. *Ахтамзян И. А.* Ядерное нераспространение : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений : в 2 т. М., 2002. Т. 1.

2. A Report on the International Control of Atomic Energy: Prepared for the Secretary of State's Committee on Atomic Energy. Washington, D. C. Department of State, 1946.

3. Atomic Energy Act of 1946 (Public Law 885, 79th Congress). Vol. 1 // Legislative History of the Atomic Energy Act of 1946 (Public Law 885, 79th Congress) / ed. by Comission U.S.A.E. Washington, 1965. P. 1–22.

4. *Blight J., Welch D.* Risking “The Destruction of Nations”: Lessons of The Cuban Missile Crisis for New and Aspiring Nuclear States // Security Studies. 1995. Vol. 4, iss. 4. P. 811–850.

5. *Cohen A.* Israel and the Bomb. N. Y. : Columbia University Press, 1998.

6. Department of State Report on NATO. “Department of State 1/61” folder, Department and Agencies series, POF, Box 97, JFK Library.

7. Draft National Security Action Memorandum, Subject: Prevention of the Proliferation of Nuclear Weapons, “Dr. York Proliferation Committee” folder, Committee File, NSF, Box 8–9, LBJ Library.

8. Four alternatives to Nuclear Proliferation, December 15, 1964, “Alternative Courses of Action” folder, Committee file, NSF, box 4, JFK Library.

9. *Goldschmidt B.* A Historical Survey of Nonproliferation Policies // International Security. 1977. Vol. 2, № 1. P. 69–87.

10. *Kohl W.* Nuclear Sharing in NATO and the Multilateral Force // Political Science Quarterly. 1965. Vol. 80, № 1 (Mar., 1965). P. 88–109.

11. Memorandum for the President from McGeorge Bundy, January 21, 1965, “McGeorge Bundy Vol. 8”, folder 8 Memos to the President, NSF, box 2, LBJ Library.

12. Memorandum of Conversation, August 8, 1962 // Foreign Relations of the United States, 1961–1963, Volume VII, Arms Control and Disarmament [Electronic resource]. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d216> (дата обращения: 20.08.2013).

13. Memorandum of Conversation, June 2, 1961 // Foreign Relations of the United States, 1961–1963, Volume XIII, Western Europe and Canada [Electronic resource]. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v13/d230> (дата обращения: 20.08.2013).

14. National Intelligence Estimate, NIE 13-2-60, “The Chinese Communist Atomic Energy Program”, Dec. 13, 1960 // Central Intelligence Agency [Electronic resource]. URL: http://www.foia.cia.gov/sites/default/files/document_conversions/89801/DOC_0001095912.pdf (дата обращения: 27.04.2013).

15. National Intelligence Estimate, NIE 4-3-61, “Nuclear Weapons and Delivery Capabilities of Free World Countries Other than the US and UK,” September 21, 1961 // National Security Archive. [Electronic resource]. URL: <http://www2.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB155/prolif-6b.pdf> (дата обращения: 23.07.2013).

16. National Security Action Memorandum No. 320 // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Vol. 11, Arms Control and Disarmament [Electronic resource]. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v11/d51> (дата обращения: 20.08.2013).

17. Quebec Agreement (Aug. 19, 1943) // Atomicarchive.org [Electronic resource]. URL: <http://www.atomicarchive.com/Docs/ManhattanProject/Quebec.shtml> (дата обращения: 11.05.2013).

18. Report by the Committee on Nuclear Proliferation // Foreign Relations of the United States, 1964–1968, Volume XI, Arms Control and Disarmament [Electronic resource]. URL: <http://history.state.gov/historicaldocuments/frus1964-68v11/d64> (дата обращения: 20.08.2013).

19. The Baruch Plan (Presented to the United Nations Atomic Energy Commission, June 14, 1946) // Atomicarchive.com. [Electronic resource]. URL: <http://www.atomicarchive.com/Docs/Deterrence/BaruchPlan.shtml> (дата обращения: 27.04.2013).

20. United States Department of State. The Acheson-Lilienthal & Baruch Plans // Office of the Historian [Electronic resource]. URL: <http://history.state.gov/milestones/1945-1952/BaruchPlans> (дата обращения: 27.04.2013).

Рукопись поступила в редакцию 12 сентября 2013 г.

УДК 37.015.3 + 378.14.014.13

Д. В. Бердникова
О. С. Виндекер

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ И УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ У СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ

Статья посвящена исследованию мотивации достижения у студентов-психологов в связи с их учебной мотивацией. Взаимосвязь диспозиционной мотивации достижения и учебной мотивации рассматривается через призму сложной структуры исследуемых феноменов. Особое внимание уделяется двум типам достиженческой диспозиции — мотивации адаптации и мотивации трансценденции. Авторы приходят к выводу, что мотивация трансценденции в большей степени связана с внутренними учебными мотивами и способствует личностному и профессиональному развитию студентов-психологов.

Ключевые слова: студенты-психологи, учебная мотивация, мотивация достижения, адаптация и трансценденция.

Изучение личностных особенностей студентов-психологов является актуальной областью исследования в психологии. Как отмечает А. Н. Неврюев [10], требования, предъявляемые к личности психолога, выше, чем к людям, осваивающим другие профессии. Это связано с тем, что главный инструмент практикующего психолога — его собственная личность. Исходя из этого, очевидно, что немаловажное значение имеет изучение личностных особенностей студентов-психологов, в частности их потребностно-мотивационной сферы — достиженческой и учебной мотивации.

Мотивация достижения и учебная мотивация играют большую роль в становлении студента-психолога как профессионала, поскольку определяют эффективность учебной деятельности, способствуют развитию человека, его постоянному самосовершенствованию. Студент, мотивированный на обучение, сформировавший в себе «достиженческие» черты, которые являются проявлением

одной из составляющих мотивации достижения — мотивации трансценденции, ориентирован в первую очередь не на карьеру, а на приобретение новых знаний, умений, навыков; он обладает способностью к волевой регуляции, нестандартному решению проблем, стремлением к самоактуализации, творчеству, работает с большой самоотдачей и энтузиазмом. Соответственно такой студент постоянно оттачивает свое профессиональное мастерство, достигает новых вершин в своей деятельности. В целом можно сказать, что адекватная учебная мотивация позволяет человеку обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности, а выраженная мотивация достижения позволяет полностью реализовать себя в сфере будущей профессии. В современной психологической литературе есть исследования, посвященные изучению мотивации достижения и учебной мотивации у студентов-психологов (Е. И. Сагаева [12], А. Н. Неврюев [10], М. В. Лях [7], Г. Е. Смирнова [13], А. А. Буянов [2] и др.). При этом большинство авторов рассматривают мотивацию достижения как униполярную («высокая — низкая мотивация достижения») или биполярную характеристику («мотивация достижения — мотивация избегания неудач»).

Ранее О. С. Виндекер [3] было показано, что мотивация достижения имеет сложную структуру и включает как минимум два типа стремлений — трансцендентную и адаптивную мотивацию. Адаптивная составляющая мотивации достижения отражает стремление человека ориентироваться на внешние стандарты, стремление к социальному успеху; трансцендентная составляющая отражает желание человека постоянно самосовершенствоваться и развиваться. Мотивация трансценденции проявляется в стремлении заниматься любимым делом, несмотря на оценки окружающих, в умении концентрироваться на сложных задачах, в желании постоянно улучшать свои собственные результаты независимо от внешних оценок. Мотивация адаптации проявляется в стремлении добиваться высоких результатов только в тех сферах деятельности, которые могут по достоинству оцениваться окружающими, в желании быть лучше и успешнее других людей, в ориентации на внешние атрибуты успеха [Там же].

Взаимосвязь между мотивацией достижения и учебной мотивацией можно рассматривать, исходя из представлений об учебной деятельности как о достиженческой. Учебная деятельность соответствует тем признакам деятельности достижения, которые выделял Х. Хекхаузен [14] (конкретный результат, который должен получить сам субъект, наличие критериев оценивания, привлекательность деятельности для субъекта, оптимальные требования к деятельности). Учебная деятельность имеет те же особенности, которые М. Ш. Магомед-Эминов [8] относил к достиженческой деятельности (наличие задачи, субъективная ответственность за результат, наличие критериев оценки результата и соответственно оценка результата, возможность успешного или неуспешного выполнения деятельности). Соответственно на психометрическом уровне должна наблюдаться взаимосвязь между мотивацией достижения и учебной мотивацией. С целью выявления данной взаимосвязи нами было проведено корреляционное исследование.

Выборку исследования составили студенты 1, 3 и 4 курсов департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. Всего в исследовании приняли участие 80 человек, из них 10 юношей и 70 девушек. В качестве методик исследования использовались опросники, направленные на диагностику учебной и достиженческой мотивации.

Для изучения учебной мотивации студентов были применены два опросника: методика А. А. Реана и В. А. Якунина в модификации Н. Ц. Бадмаевой [1] и методика изучения мотивации обучения в вузе Т. И. Ильиной. Методика А. А. Реана и В. А. Якунина включает 16 утверждений из опросника А. А. Реана и В. А. Якунина, к которым добавлены утверждения, характеризующие мотивы учения, выделенные В. Г. Леонтьевым, а также утверждения, полученные Н. Ц. Бадмаевой [Там же] в результате опроса школьников и студентов. В опроснике используется семь шкал: коммуникативные, учебно-познавательные, профессиональные, социальные мотивы, а также мотивы избегания неудач, творческой самореализации и престижа. Методика позволяет определить, какой из вышеперечисленных мотивов преобладает у каждого конкретного испытуемого, позволяет оценить, какой мотив является ведущим для всей группы испытуемых в целом.

Методика изучения мотивации обучения в вузе Т. И. Ильиной [5] включает три шкалы: приобретение знаний (стремление к приобретению знаний, любознательность); овладение профессией (стремление овладеть профессиональными знаниями, сформировать профессионально важные качества); получение диплома (стремление приобрести диплом при формальном усвоении знаний). Данный опросник позволяет определить, на что главным образом ориентирован студент при обучении в вузе: на получение знаний, профессии или диплома, адекватно ли студент выбрал профессию и удовлетворен ли он ею.

Для определения преимущественной направленности студентов на достижения или избегание неудач были использованы опросники Т. Элерса «Мотивация к успеху» и «Мотивация к избеганию неудач» [5]. Также в исследовании была использована методика «Мотивация достижения: адаптация и трансценденция» (МДАТ), разработанная на кафедре общей психологии и психологии личности УрГУ (2010) [3]. Данная методика позволяет выявить адаптивную и трансцендентную составляющие мотивации достижения, а также определить ее общий уровень.

Для определения связи между мотивацией достижения и учебной мотивацией мы использовали коэффициент корреляции Спирмена. Рассмотрим взаимосвязи между мотивацией достижения, измеренной по методике Т. Элерса, и учебными мотивами, измеренными по методикам А. Реана и Т. Ильиной. Между мотивацией достижения и коммуникативными мотивами существует достоверная связь ($r_{эмп} = 0,39$; $r_{крит} = 0,3$ при $p \leq 0,01$). Выраженные коммуникативные мотивы предполагают, что студент при обучении ориентирован на знакомства, общение, признание в коллективе и впоследствии, после окончания вуза, на работу с людьми. В целом данная взаимосвязь может быть объяснена исходя из того, что, согласно многочисленным исследованиям,

мотивация достижения положительно связана с экстраверсией [5, 6, 9], которая, в свою очередь, предполагает открытость, коммуникабельность, наличие широкого круга знакомых и друзей [5]. Также полученную взаимосвязь можно объяснить, исходя из особенностей выборки. Студенты психологического факультета в силу будущей профессиональной деятельности в большинстве своем ориентированы на общение с людьми и работу с ними и соответственно стремятся добиться успеха именно в коммуникативной сфере.

Мотивация достижения положительно связана с мотивами престижа в учебной деятельности ($r_{\text{эмп}} = 0,44$; $r_{\text{крит}} = 0,3$ при $p \leq 0,01$). Люди с выраженным мотивом престижа стремятся быть в числе лучших студентов, хотят получить диплом с хорошими оценками, чтобы иметь определенное преимущество перед другими людьми. Анализируя полученные данные, можно обратиться к работе М. Л. Кубышкиной [6], в которой мотив достижения определяется как стремление к социальному успеху, завоеванию высокого общественного положения, престижа. Х. Шулер, А. Фринтрап [15, 16] в качестве одного из аспектов мотивации достижения называют ориентацию на статус, которая предполагает стремление к карьерному росту, желание занимать высокое социальное положение, добиваться высоких рейтингов в учебе. Кроме того, Х. Шулер, А. Фринтрап [Там же] указывают на то, что для людей с выраженной мотивацией достижения характерна соревновательность, т. е. желание быть первым, выполнять какое-либо задание лучше и быстрее, чем другие.

Также мотивация достижения коррелирует с мотивами творческой самореализации ($r_{\text{эмп}} = 0,24$; $r_{\text{крит}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$). Выраженные мотивы творческой самореализации предполагают, что студенты ориентированы на познание чего-то нового, хотят проявить себя в творческой деятельности. Взаимосвязь между мотивацией достижения и мотивами творческой самореализации может быть объяснена тем, что люди с выраженной мотивацией достижения, согласно характеристике Д. Макклелланда [9], склонны к новаторству, т. е. более изобретательны, более активны в поиске новой информации, а также, как отмечает Т. О. Гордеева [4], стремятся к реализации своего потенциала, в частности в творческой деятельности.

Мотивация достижения связана и с социальными мотивами в учебной деятельности ($r_{\text{эмп}} = 0,26$; $r_{\text{крит}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$). Социальные мотивы отражают желание студента приносить пользу обществу, а также ориентацию на будущее служебное положение, карьеру. Как мы уже указывали выше, мотивация достижения, с точки зрения Х. Шулер, А. Фринтрап [15, 16], в одном из своих аспектов как раз и предполагает стремление к карьерному росту, высокому общественному положению.

Также мотивация достижения связана с мотивом овладения профессией ($r_{\text{эмп}} = 0,23$; $r_{\text{крит}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$). Возможно, это обусловлено тем, что в качестве выборочной совокупности выступали студенты, для которых ведущая деятельность — учебно-профессиональная. Это отражено и в полученных результатах: профессиональные мотивы являются ведущими для всей группы испытуемых в целом. Студенты с ярко выраженными профессиональными мотивами хотят стать высококвалифицированными специалистами, реализовать

в полной мере свои способности, склонности к выбранной профессии, успешно заниматься профессиональной деятельностью в будущем. Все это является проявлением мотивации достижения в ведущей деятельности студентов.

Теперь посмотрим, как связаны между собой показатели мотивации достижения, измеренной по методике МДАТ, и учебной мотивации. Мотивация достижения, измеренная по методике МДАТ, так же как и мотивация достижения, измеренная по методике Т. Элерса, коррелирует с профессиональными мотивами ($r_{\text{эмп}} = 0,35$; $r_{\text{крит}} = 0,3$ при $p \leq 0,01$). Отличие заключается в том, что мотивация достижения, измеренная по методике Т. Элерса, положительно связана с профессиональными мотивами, измеренными по методике Т. Ильиной, а мотивация достижения, измеренная по методике МДАТ, положительно связана с профессиональными мотивами, измеренными по методике А. А. Реана и др. Соответственно полученную нами взаимосвязь можно объяснить теми же причинами, на которые мы указывали выше (мотивация достижения наиболее явно проявляется в ведущей деятельности студентов).

Также мотивация достижения положительно связана с учебно-познавательными мотивами, измеренными по методике А. А. Реана и др. ($r_{\text{эмп}} = 0,28$; $r_{\text{крит}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$), и ориентацией на получение знаний, измеренной по методике Т. Ильиной ($r_{\text{эмп}} = 0,29$; $r_{\text{крит}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$). Это объясняется тем, что, как указывают в своих работах Х. Шулер, А. Фринтрап [15, 16], люди, ориентированные на достижения, проявляют постоянную готовность к обучению, т. е. желание постоянно повышать свой уровень знаний, развиваться, для них характерны любознательность и заинтересованность.

Теперь обратимся к анализу взаимосвязей учебной мотивации со структурными компонентами мотивации достижения: мотивации трансценденции и адаптации. Мотивация трансценденции и мотив избегания в учебной деятельности отрицательно связаны между собой ($r_{\text{эмп}} = -0,37$; $r_{\text{крит}} = 0,3$ при $p \leq 0,01$). Студенты с выраженной мотивацией трансценденции ориентированы на сам процесс обучения, стремятся к самовыражению в учебной деятельности, к достижению успеха, даже если он не будет оценен по достоинству (О. С. Виндекер [3], В. А. Петровский [11] и др.), что мало характерно для людей с выраженным мотивом избегания. Кроме того, мотивация трансценденции связана с профессиональными мотивами, измеренными по методике А. А. Реана и др. ($r_{\text{эмп}} = 0,36$; $r_{\text{крит}} = 0,3$ при $p \leq 0,01$), и мотивом получения знаний, измеренным по методике Т. Ильиной ($r_{\text{эмп}} = 0,39$; $r_{\text{крит}} = 0,3$ при $p \leq 0,01$). Это можно объяснить тем, что людям с выраженной мотивацией трансценденции свойственны высокая познавательная активность, движение в зону ближайшего развития, воля, неадаптивная активность, стремление к самоактуализации и самореализации себя в учебной и профессиональной деятельности.

Мотивация адаптации связана с коммуникативными ($r_{\text{эмп}} = 0,29$; $r_{\text{крит}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$) и социальными мотивами ($r_{\text{эмп}} = 0,24$; $r_{\text{крит}} = 0,23$ при $p \leq 0,05$), а также с мотивом престижа, измеренными по методике А. А. Реана и др. ($r_{\text{эмп}} = 0,47$; $r_{\text{крит}} = 0,3$ при $p \leq 0,01$). Мотивация адаптации предполагает стремление к социальному успеху, ориентацию на продвижение по карьере и признание других людей. Эти же характеристики присущи коммуникативным,

социальным мотивам и мотиву престижа. Также мотивация адаптации связана с учебно-познавательными мотивами ($r_{эмп} = 0,24$; $r_{крит} = 0,23$ при $p \leq 0,05$). Студенты-психологи с выраженной мотивацией адаптации стремятся к приобретению знаний, чтобы получить диплом с хорошими оценками и в будущем добиться успехов в карьере.

Также нам показалось интересным посмотреть, существуют ли различия в мотивационной сфере между «трансцендерами», т. е. теми, у кого преобладает мотивация трансценденции, и «адаптантами» — теми, у кого преобладает мотивация адаптации. Деление на группы «трансцендеров» и «адаптантов» проводилось на основе показателей среднего и стандартного отклонения по соответствующим шкалам методики «Мотивация достижения: трансценденция и адаптация». Для того чтобы выяснить, существуют ли различия между яркими «трансцендерами» ($n = 17$) и «адаптантами» ($n = 31$), мы использовали непараметрический критерий Манна — Уитни (U).

У «трансцендеров» и «адаптантов», как видно из таблицы, существуют различия в выраженности учебных мотивов. Так, у «трансцендеров» преобладают ориентация на получение знаний и овладение профессией, а у «адаптантов» — мотивы избегания и мотивы престижа, а также социальные мотивы и ориентация на получение диплома. Это связано с тем, что для студентов с выраженной мотивацией трансценденции характерны высокая познавательная активность, стремление к реализации себя, своего потенциала в сфере будущей профессии. Для студентов же с выраженной мотивацией адаптации важнее наличие хороших оценок и перспектива получения диплома.

Специфика мотивационных показателей у «трансцендеров» ($n = 17$) и «адаптантов» ($n = 31$)

Шкала	Средний показатель		$U_{эмп}$
	«Трансцендеры»	«Адаптанты»	
Коммуникативные мотивы	3,54	3,72	212,00
Мотив избегания	1,64	3,03	68,00**
Мотив престижа	2,09	3,15	96,00**
Профессиональные мотивы	4,34	4,05	178,50*
Мотивы творческой самореализации	3,79	3,79	253,50
Учебно-познавательные мотивы	3,55	3,59	253,00
Социальные мотивы	3,21	3,74	162,50*
Получение знаний	9,07	6,35	125,00**
Овладение профессией	6,59	4,77	151,50**
Получение диплома	5,88	7,42	170,50*
Мотивация избегания неудач	13	15,97	181,00*
Мотивация достижения	17,53	16,45	218,50

Примечание. * $U_{крит} = 186$ ($p \leq 0,05$); ** $U_{крит} = 160$ ($p \leq 0,01$).

Для «трансцендеров» значимы не столько сам факт получения документа о высшем образовании и признание со стороны окружающих, сколько приобретение знаний, умений и навыков, относящихся к сфере будущей профессии. Для «адаптантов», наоборот, мотив получения диплома является наиболее значимым.

Также мы видим, что у «трансцендеров» и «адаптантов» существуют различия в выраженности мотивации избегания неудач: у «адаптантов» она выражена сильнее. Это объясняется тем, что «адаптанты» ориентированы на достижение социально значимых ценностей и на то, чтобы избежать ситуаций неуспеха, а «трансцендеры» ориентированы на саморазвитие и самосовершенствование.

Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. Мотивация достижения у студентов-психологов связана коммуникативными, профессиональными, учебно-познавательными, социальными субмотивами учебной мотивации, а также с субмотивами престижа и творческой самореализации. Структурные компоненты мотивации достижения студентов-психологов связаны с разными субмотивами учебной мотивации: мотивация трансценденции связана с профессиональными субмотивами и ориентацией на получение знаний, тогда как мотивация адаптации положительно связана с коммуникативными, социальными, учебно-познавательными субмотивами, а также с субмотивами престижа и избегания. У студентов-психологов с выраженной мотивацией трансценденции преобладает ориентация на получение знаний и овладение профессией. У склонных проявлять адаптивную мотивацию достижения выражены мотивы избегания и мотивы престижа, а также социальные мотивы и ориентация на получение диплома.

Таким образом, для наиболее эффективного обучения и мотивации студентов-психологов на получение знаний и овладение профессиональными навыками необходимо большее внимание уделять именно трансцендентной составляющей мотивации достижения. Данный тип мотивации индифферентен к внешним формам мотивации (рейтинг, повышенная стипендия, признание или лично-ориентированная похвала со стороны преподавателей, имидж «отличника» среди однокурсников и т. д.) и формируется в творческой образовательной среде, предполагающей возможность выбора (например, посещение или непосещение лекции; выбор научного руководителя, темы дипломной или курсовой работы, кафедры или специализации), относительную автономность и самостоятельность, наличие диалога с более «компетентным другим» (преподаватель, куратор, тьютор). На наш взгляд, акцент на формировании именно трансцендентной мотивации достижения связан еще и с самим содержанием будущей профессиональной деятельности студента-психолога. Работая с человеком, психолог обращается к его личностным ресурсам, мотивирует его на решение проблемы, преодоление жизненных трудностей, способствует формированию творческих способов осознания действительности, помогает абстрагироваться от внешних оценок и ролевых ярлыков.

1. *Бадмаева Н. Ц.* Влияние мотивационного фактора на развитие умственных способностей. Улан-Удэ, 2004 [Электронный ресурс]. URL: http://transyoga.ru/assets/files/books/sposobnosti/motivacion_factor_razvitie_sposobnostej.pdf (дата обращения: 15.03.2013).
2. *Буянов А. А.* Динамика учебной мотивации студентов-психологов // Высшее образование сегодня. 2008. № 3. С. 48–51.
3. *Виндекер О. С.* Структура и психологические корреляты мотивации достижения : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2010.
4. *Гордеева Т. О.* Психология мотивации достижения. М., 2006.
5. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы. СПб., 2003.
6. *Кубышкина М. Л.* Психологические особенности мотивации социального успеха : дис. ... канд. психол. наук. СПб., 1997.
7. *Лях М. В.* Виды мотивов учебно-профессиональной деятельности, их развитие в студенческом возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2012.
8. *Магомед-Эминов М. Ш.* Мотивация достижения: структура и механизмы : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1987.
9. *Маккелланд Д.* Мотивация человека. СПб., 2007.
10. *Неврюев А. Н.* Особенности мотивации будущих психологов на ранних этапах профессионального становления // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. «Психол. науки». 2011. № 4. С. 95–98.
11. *Петровский В. А.* Психология неадаптивной активности. М., 1992.
12. *Сатаева Е. И.* Развитие мотивации достижения и познавательной активности студентов-психологов в процессе обучения // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2012. Т. 71, № 7. С. 106–109.
13. *Смирнова Г. Е.* Проблема развития профессиональной мотивации студентов-психологов // Вестн. Моск. гос. гуманитар. ун-та им. М. А. Шолохова. Сер. «Педагогика и психология». 2010. № 2. С. 73–82.
14. *Хекхаузен Х.* Психология мотивации достижения. СПб., 2001.
15. *Schuler H., Frintrup A.* Das Leistungsmotivationsinventar. Wirtschaftspsychologie. 2. 2002. S. 78–82.
16. *Schuler H., Frintrup A.* Der Wille zählt: Leistungsmotivation. Personal. 54. 1. 2002. S. 750–753.

Рукопись поступила в редакцию 24 ноября 2013 г.

УДК 101.1:316 + 275.4

Д. А. Микрюков

РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Р. ДЖ. РАШДУНИ

В статье рассматриваются радикальные религиозно-политические воззрения американского кальвинистского философа XX в. Джона Рашдуни, которые можно охарактеризовать как ультраправые в социальной области и крайне либеральные в экономической. Радикализм данных воззрений проявляется в призывах к применению строжайших юридических норм религиозного происхождения в современном обществе. Разбирается связь этих идей как с широко известными религиозными и социальными философами прошлого, такими как Мартин Лютер, Жан Кальвин, Иоанн Дамаскин, Максим Исповедник, так и с современной критикой. Исследуется обоснованность данных идей в контексте религиозной философско-юридической традиции.

Ключевые слова: Рашдуни, социальная философия, право, теология.

Раузас Джон Рашдуни (25.04.1916–8.02.2001) — влиятельный американский философ, историк и теолог-кальвинист. Его считают основателем и главным теоретиком христианского реконструкционизма — радикального религиозного социально-политического движения в современном американском протестантизме. Рашдуни родился в Нью-Йорке в семье армянского священника, беженца из Турции. Получил высшее филологическое образование в области английской литературы. Позднее окончил духовную семинарию.

В настоящей статье предпринимается, насколько нам известно, первая в отечественной религиозно-философской литературе попытка реконструкции религиозных и социально-политических воззрений Р. Дж. Рашдуни на основании его главного труда «Институты библейского права» (1973).

Система социально-философских взглядов Р. Дж. Рашдуни

Карьера мыслителя началась с популяризации идей пресуппозициональной апологетики Гордона Хэддона Кларка и Корнелиуса Ван Тиля. К этому периоду относятся такие его работы, как «Один и многие» (*The One And The Many*, 1970) и «Каким стандартом?» (*By What Standard?* 1959). В данных работах использовался пресуппозиционизм как инструмент критики различных сторон светского гуманизма. В них мышление Рашдуни основывалось на допущении (лат. *presuppositio*), что Библия истинна.

Однако основной сферой философских и публицистических интересов Рашдуни впоследствии стала область права и политики. Его первым трудом в данной области был небольшой сборник статей под названием «Закон и свобода» (*Law and Liberty*, 1967). Но основным и самым влиятельным трудом Рашдуни стала 1894-страничная монография «Институты библейского права». Ее название на языке оригинала смоделировано по аналогии с «Наставлением в христианской вере» Жана Кальвина (ср. «*The Institutes of Biblical Law*» и «*Institutes of the Christian Religion*» Кальвина). Основная идея книги заключается в том, что к современному обществу должны прилагаться не только религиозные и моральные нормы Библии в целом, т. е. как Ветхого, так и Нового Заветов, во что верят все христиане, но также и подавляющее большинство ее юридических норм, которые, как известно, изложены почти исключительно в Пятикнижии Моисея.

В своей книге Рашдуни выступает за восстановление уголовных наказаний, применявшихся в древнеизраильском обществе. Например, список преступлений, за совершение которых призывается применять высшую меру наказания, включает в себя гомосексуализм, супружескую измену, кровосмешение, введение в заблуждение относительно своей девственности, скотоложество, колдовство, идолослужение, отступление от веры, публичное богохульство, лжепророчествование, похищение людей, изнасилование и лжесвидетельствование на судебном процессе по делу, требующему высшей меры наказания. Хотя Рашдуни открыто и не заявлял о необходимости формального единства Церкви и государства (теократия), он считал необходимым, чтобы оба этих института действовали в соответствии с законами Бога. Светское государство современности он критиковал как устанавливающее законы на основе чисто человеческих измышлений и, следовательно, считающее человека высшим авторитетом, а значит, высшим «богом» [15, 17]. Как анархию, так и тоталитаризм он считал противоположными сторонами искусственного обожествления человека, в первом случае — отдельного индивида, а во втором — представителей государственного аппарата [Там же, 66–67].

В труде Р. Дж. Рашдуни содержится развернутая критика демократии как системы правления. Рашдуни пишет: «Ересь демократии... привнесла опустошение в Церковь и государство... Христианство и демократия неизбежно являются врагами». В другом месте можно прочитать, что «христианство полностью и радикально антидемократично; оно предано духовной аристократии»; автор характеризует демократию как «великую любовь к ошибкам и трусости жизни» [16, 39].

Данный труд Рашдуни использовался сторонниками христианского реконструкционизма в качестве своего рода «партийной программы действий». В представлении Р. Дж. Рашдуни система власти, границы поведения, экономика, пенитенциарная система и другие подобные сферы должны строиться по библейским принципам. Однако он также выступал за широкий спектр свобод, особенно в экономической области, называя Людвига фон Мизеса (один из виднейших австрийских экономистов современности) своим наставником; себя он называл приверженцем либертарианства [14]. Он выступал за минимальное вмешательство государства в дела экономики.

Институты библейского права в восприятии Р. Дж. Рашдуни

Главный труд Рашдуни строится сообразно с десятью заповедями. Вся книга разделена на десять разделов, при этом каждый раздел посвящен одной из заповедей. Каждая заповедь рассматривается во всех ее проявлениях согласно Ветхому Завету и согласно представлению автора о том, как она должна проявляться в современном обществе. Заповеди берутся прежде всего в их социальном значении, а не в личностном или моральном.

Прежде всего, стоит отметить, почему Рашдуни считает Библию не только первостепенным религиозным источником для христиан, но и источником юридическим. Свое видение он выражает следующим образом: «Современная ересь полагает, что Закон Божий не имеет какого-либо значения или какой-либо связующей силы для человека современности. Это аспект влияния гуманистической и эволюционистской мысли на Церковь, и он постулирует эволюционирующего, развивающегося Бога. Этот “Бог” выражал себя в законе на более ранней стадии, затем выражал себя только благодатью, а сейчас, возможно, будет выражать себя еще каким-то способом. Но это не Бог Писания, благодать и закон Которого одни и те же в каждом веке, поскольку Он, как суверенный и абсолютный господин, не меняется и не нуждается в изменении. Сила человека — абсолютность Бога» [15, 2].

Логика дальнейшего изложения Рашдуни проблем права, по сути, вытекает из этой посылки. Поскольку Рашдуни позиционирует свое мышление как христианское и религиозно-философское, было бы актуально попытаться найти ответ на вопрос о том, насколько эта посылка соотносится с традицией христианской мысли. В самом деле, насколько юридические правила Древнего Израиля применимы для современных христианских стран?

Апостол Павел, которого в науке иногда называют вторым основателем христианства, так характеризует роль Ветхозаветного закона для христиан: «Для чего же закон? Он дан после по причине преступлений, до времени пришествия семени (т. е. Иисуса Христа. — Д. М.)... Итак, закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою; по пришествии же веры, мы уже не под [руководством] детоводителя» (Гал. 3: 19, 24, 25). Следует обратить внимание на то, что здесь говорится не просто о ветхозаветных обрядовых предписаниях в частности, а о законе в целом, т. е. обо всех религиозно-

правовых нормах иудеев, в том числе об уголовных и гражданских санкциях, поборником применения которых является Рашдуни.

Быть может, однако, Рашдуни следует особому протестантскому пониманию этих отрывков Библии? Маловероятно. Вот что пишет об этом отрывке основатель протестантизма Мартин Лютер в своих «Лекциях по Посланию к Галатам»: «Приняв на Себя человеческую сущность, Христос явился однажды, отменил Закон со всеми его последствиями и делами, избавив Своею смертью все человечество от греха и вечной смерти... Закона больше не существует. Явившись в предопределенное время, Он воистину полностью отменил Закон. Но теперь, когда Закон отменен, мы больше не удерживаемся опекуном и не подвластны его тирании. Мы живем спокойно и счастливо со Христом, Который правит в нас Духом Своим, и правление Его желанно для нас. А где Господь, там свобода» [3, 404].

А вот мнение на сей счет Жана Кальвина в «Комментариях на Послание к Галатам»: «Нет более детства, нуждающегося в надсмотре детоводителя... следовательно, закон ушел в отставку со своей службы, что является еще одной стороной применения данного сравнения. Были две вещи, которые он предпринял доказать: что закон является предуготовлением ко Христу и что он носит временный характер» [7, 71].

Аналогичную логику можно проследить и в постановлениях апостольского собора, состоявшегося через несколько лет после смерти Иисуса Христа: «Поелику мы услышали, что некоторые, вышедшие от нас, смутили вас [своими] речами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрезываться и *соблюдать закон, чего мы им не поручали*, то мы, собравшись, единодушно рассудили, избрав мужей, послать их к вам с возлюбленными нашими Варнавою и Павлом, человеками, предавшими души свои за имя Господа нашего Иисуса Христа. Итак, мы послали Иуду и Силу, которые изъяснят вам то же и словесно. Ибо угодно Святому Духу и нам не возлагать на вас никакого бремени более, кроме сего необходимого: воздерживаться от идоложертвенного и крови, и удавленины (т. е. животных, убитых через удушение. — Д. М.), и блуда, и не делать другим того, чего себе не хотите. Соблюдая сие, хорошо сделаете. Будьте здоровы» (Деян. 15: 24–29). Сам факт обозначения ветхозаветных предписаний словом «закон» (гр. νόμος) указывает прежде всего на правовую характер этих постановлений, за возврат которых и ратует Рашдуни.

Данную позицию излагает не только Библия, но и вся раннехристианская традиция в целом. Св. Иоанн Дамаскин (VIII в.) пишет: «Если ради закона ты запрещаешь изображения, то пора тебе и субботствовать, и обрезываться. Но знай, что, если соблюдаешь закон, *не будет вам никакой пользы от Христа. Вы, оправдывающие себя законом, остались без Христа, отпали от благодати*» [5, 14; 9, 92.84–89].

Как же тогда быть с вышеприведенной мыслью Рашдуни о том, что если Бог дает людям разные наставления в разное время, то Он подвержен изменениям? Если рассмотреть этот вопрос в философских категориях, то можно обратить внимание на то, что Бог дает заповеди не Самому Себе, а людям, а люди, в отличие от Бога, изменяемы. Например, евреи времен Моисея и

современные русские, американцы и другие народы — это разные люди, и потому Бог должен был использовать к ним разный подход. Аналогичные мысли выражалась и Отцами Церкви. Вот что, к примеру, об этом писал преподобный Максим Исповедник (VII в.): «Постигшие, как благочестиво мыслить о Божественном, говорят, что это невозможно, чтобы Бог, по природе Творец, не был бы также по природе и Промыслителем о сотворенном. Если же это так, то, поскольку Бог по природе промышляет о человечестве, совершенно необходимо, чтобы для природы, о которой Он промышляет, у Него было много способов спасения. Ведь поскольку человек — существо изменчивое, легко приспосабливается ко времени и обстоятельствам, то совершенно необходимо, чтобы и Божий Промысел, оставаясь Самим Собой, приспосабливался к нашим состояниям, находя способы спасения в зависимости от произрастающих в природе пороков, подбирая то, что легко усваивается. И, подобно тому, как во врачебном искусстве лечению подлежит множество болезней, необходимо, чтобы сведущий врач, поскольку тело, подлежащее лечению, впадает во множество разнообразных недугов, и сам переходил от более слабых средств к более сильным — так происходит и у Бога: переход от одного способа промышления к другому обыкновенно именуется в Писании “раскаянием” Бога» [4, 151]. Феодорит Кирский (V в.) по этому поводу говорит то же самое, только гораздо более лаконично: «Раскаяние Божие есть изменение в Божием домостроительстве» [6, 245].

Аналогичным образом можно сказать, что это не Бог изменился и дал людям иные уставы, а люди, благодаря «детоводителю», потеряли уже нужду в нем, потому что этот «детоводитель» уже привел их ко Христу. Можно привести конкретный пример: в Ветхом Завете смертная казнь была обязательным наказанием за многие тяжкие грехи. Однако в Новозаветные времена наказанием Церкви за них стало отлучение от причастия, т. е. наказание стало духовным. Теологическим объяснением этого является филантропия, поскольку Бог «хочет, чтобы все спаслись и пришли к познанию истины» (1 Тим. 2, 4). Согласно 52-му Апостольскому правилу «аще кто, епископ, или пресвитер, обращающагося от греха не приемлет, но отвергает: да будет извержен из священного чина. Опечаливает бо Христа рекшаго: *радость бывает на небеси о едином грешнице кающемся*» [1, 27]. Что касается более древних времен, то Бог заповедовал умерщвлять наиболее тяжких грешников не потому, что не хотел их спасения, а потому, что нужно было сохранить иудейский народ нерастленным, чтобы он смог должным образом принять Христа. Это не Бог изменил свое отношение к людям, а сами люди изменились и стали необходимы менее строгие меры для их спасения. Как сказал диакон Андрей Кураев, объясняя жестокости Ветхого Завета, «бывает необходимо очистить зараженную среду, чтобы сохранить здоровье. Фанатизм в Библии попускается — перед лицом языческих крайностей он бывает меньшим злом, чем равнодушие» [2, 151].

Как явствует из вышеприведенных цитат, Рашдуни в полном противоречии как с Библией, так и с общехристианской религиозно-философской традицией в целом, включая протестантскую, выступает за восстановление

ветхозаветных юридических норм, которые, как было показано, наряду со всеми остальными законническими предписаниями древних иудеев, должны были носить временный педагогический характер, чтобы подготовить людей к принятию Христа.

Рашдуни выступает также за смертную казнь для проповедников язычества [15, 66] и вообще за отправление любой формы нехристианского культа. При этом он забывает, что именно христианство стало первым мировоззрением, выступившим за свободу совести. Умирая, христианские мученики отдавали жизнь именно за свое право исповедовать свою религию. Но Рашдуни считает, что любая религия, терпящая рядом с собой инакомыслие, совершает самоубийство, как если бы государство допускало измену Родине. Например, осуждая Сталина, Рашдуни критикует не столько его жестокую борьбу с диссидентством, сколько его идеологию (коммунизм). Неудивительно, что критики после этого прозвали реконструкционизм «христианским Талибаном».

Критика основных положений социально-религиозной концепции Р. Дж. Рашдуни

Рашдуни был и остается весьма противоречивой фигурой, как и основанное им движение. Как ни парадоксально, многие из критиков христианского реконструкционизма — ярые сторонники христианства. Так, один критик поясняет, что «израильский народ был уникален в мировой истории, будучи особо избранным народом, с которым Бог заключил Завет. Для них, и только для них, Он непосредственно издавал правовые акты, добавляя конкретные законы и наказания к уже существовавшему нравственному закону (не дополняя его). Цель данного действия — в том, чтобы израильтяне “заключены были под стражею закона, до того времени, как надлежало открыться вере» (Гал. 3: 23). Следует помнить, что сыны Израилевы только что провели четвереста лет, проживая в языческой цивилизации, и большую часть этого времени они были в рабстве. За редкими исключениями, они сами были язычниками в сердце, что демонстрировало их постоянное соскальзывание назад, к поклонению Ваалу, и суровый кодекс законов был необходим, чтобы сохранить благочестивую родословную, через которую Христос позднее пришел в мир» [10].

Американский теолог Мередит Кляйн поддерживает данную критику, заявляя, что ошибкой реконструкционизма является непонимание особой пророческой функции Ветхозаветного Израиля. Данное учение она называет «обманчивым и нелепым извращением учений Писания». А ученик Кляйн Ли Айронс идет далее, заявляя: «По иронии судьбы, нам сегодня крайне необходимо именно полное отвержение (а не возрождение) теократических принципов, если мы хотим, чтобы Церковь оставалась верной своему делу евангельского свидетельствования в современном мире... Только в том случае, если Церковь... отложит в сторону похоть к мирскому влиянию и власти, она сможет оказывать положительное влияние на общество» [12].

Христианский исследовательский институт (г. Шарлотт, штат Северная Каролина, США) задает еще более коренной вопрос: должны ли вообще хри-

стиане стремиться к власти? В одной из публикаций данного общества Роберт Боумэн пытается доказать, что «Библия никогда не призывает христиан приходить к власти. Поиск такой заповеди окажется бесплодным. Библия нигде даже не делает намека, что стремление к власти должно входить в обязанность Церкви между первым и вторым пришествием Христа» [8].

Даже Корнелиус Ван Тиль, один из основоположников пресуппозиционной апологетики наравне с Гордоном Кларком, дистанцировал себя от «отца» реконструкционизма. В 1972 г. он писал: «Я также, откровенно говоря, немного беспокоюсь о политических взглядах господина Рашдуни и господина Норта, и особенно, если я правильно информирован, о некоторых взглядах, имеющихся у Гэри Норта в отношении применения ветхозаветных принципов к нашим дням. Моя главная мысль — в том, что я надеюсь и ожидаю, что они не будут заявлять о том, что эти взгляды присущи принципам, которых я придерживаюсь» [13].

Другие критики были гораздо суровее. Указывая на неприязнь Рашдуни к демократии и терпимости и на желаемое им широкое применение смертной казни, британский Центр научного образования назвал его «человеком, потенциально абсолютно таким же убийственным, как Сталин, Гитлер, Пол Пот и все остальные, кого можно причислить к анналам зла» и «квинтэссенцией мирового зла» [11].

Таким образом, Раузас Рашдуни является крайне противоречивым религиозным мыслителем, строящим радикальную социально-политическую идеологию на шатких основаниях религиозного характера. Тип общества, к построению которого он призывает, отличается от режимов Талибана, Республики Ичкерия и нацистской Германии лишь формой провозглашаемой идеологии, но не методами ее реализации. Подобные проявления религиозного экстремизма в западной культуре уже приводили ко многим из самых кровопролитных конфликтов в истории человечества. Например, во время Тридцатилетней войны (1618–1648), оправдывавшейся властями обеих сторон почти исключительно с религиозных позиций, население Германии сократилось более чем на треть, а Чехии — почти в три раза. Должную позицию традиционного христианства по данному вопросу лучше всего выразить словами Иисуса Христа: «Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда» (Ин. 18: 33).

1. Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. Бровары, 2002.

2. Кураев А. (диакон). Дары и Анафемы: что христианство принесло в мир: Размышления на пороге III тысячелетия. М., 2001.

3. Лутер М. Лекции по «Посланию к Галатам». Duncanville, USA, 1997.

4. Максим Исповедник, Прп. Вопросы и недоумения. М., 2010.

5. Феодор Студит, Прп. Письмо Платону о почитании икон. Сергиев Посад, 1993.

6. Феодорит Кирский, Блаженный. Изъяснение трудных мест Божественного Писания. М., 2003.

7. *Calvin J.* Commentaries on the Epistle of Paul to the Galatians and Ephesians. Grand Rapids, USA, 1999.

8. *Bozeman R. M.* Are Christians Supposed to Take Dominion? // *Christian Research Journal*, Fall, 1988.

9. *Die Schriften des hl. Johannes von Damaskos / Hrsg. B. Kotter, O.S.B. B. ; N. Y., 1975.*

10. *Durand G. L.* Judicial Warfare: Christian Reconstruction Movement and its Blueprints for Dominion. Dahlonega, Georgia, USA, 2010.

11. In extremis – Rousas Rushdoony and his connections // *British Centre for Science Education* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bcseweb.org.uk/index.php/Main/RousasRushdoony> (дата обращения: 02.06.2013).

12. *Irons L.* The Reformed Theocrats – a Biblical Theological Response // *The Upper Register* [Электронный ресурс]. URL: http://www.upper-register.com/papers/reformed_theocrats.pdf (дата обращения: 02.06.2013).

13. *Loflin L.* The Royal Race of the Redeemed? // *Sullivan County* [Электронный ресурс]. URL: http://www.sullivan-county.com/nf0/fundienazis/royal_race.htm (дата обращения: 02.06.2013).

14. *Mc Vicar M. J.* The Libertarian Theocrats // *The Public Eye Magazine*. Fall 2007. Vol. 22, № 3.

15. *Rushdoony R. J.* The Institutes of Biblical Law. Phillipsberg, New Jearsey, USA, 1973.

16. *Rushdoony R. J.* Thy Kingdom Come. Studies in Daniel and Revelation. Portland, Oregon, USA, 2001.

Рукопись поступила в редакцию 21 октября 2013 г.

УДК 140.8(470) + 008

Е. А. Савельева

ТЕМА НАРОДНОСТИ В ФИЛОСОФСКИХ ВОЗЗРЕНИЯХ СЛАВЯНОФИЛОВ

В статье рассматривается эволюция воззрений славянофилов на проблему народности. Особое внимание уделяется трактовке данного понятия в истории и культуре. Новизна предлагаемой статьи заключается в том, что славянофильская теория народности рассматривается применительно к русскому искусству.

К л ю ч е в ы е с л о в а: русская философия XIX в., славянофилы, народность, культура, цивилизация.

Отечественные мыслители XIX столетия более всего сосредоточили свое внимание на социальной и исторической проблематике, что объяснялось историческими и культурными реалиями времени. Многочисленные дискуссии развернулись вокруг темы народности, ее проявления в искусстве, науке, культуре, философии, истории. Мы можем согласиться с мнением, что «...интеллектуальные разногласия в русской общественной мысли XIX в. во многом были обусловлены различными трактовками идеи народности, которая возникает, начиная с 30-х гг., как попытка найти некий рациональный смысл отечественного национального самосознания» [2, 4]. О ней писали многие: С. С. Уваров, Н. И. Надеждин, Д. В. Веневитинов, В. Г. Белинский, А. И. Герцен. О народности спорили западники и славянофилы.

Нужно отметить следующее: о народности стали активно говорить еще во второй половине XVIII — начале XIX в. Это М. В. Ломоносов, А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин. В основном эта тема формировалась и развивалась вокруг дискуссий о реформах Петра Великого и процессах европеизации в России. Был поставлен вопрос о возможности и пределах восприятия новых европейских традиций и о развитии своих национальных традиций. В дальнейшем

исследование темы народности усложнялось. Были озвучены вопросы о роли языка, религиозного мировоззрения, искусства в процессе формирования и сохранения национальной самобытности народа.

Славянофилы во многом опирались на идеи предшествующих мыслителей, но в то же время внесли в рассмотрение данной темы свои идеи. Славянофилы не идеализировали Московскую Русь, критическая оценка допетровской Руси прослеживается, например, в работе «О старом и новом» А. С. Хомякова. Но стремление к изучению национальных традиций и восстановление их считали делом первостепенным. Мы можем сказать, что славянофилы предприняли попытку осмыслить своеобразие исторического процесса в России, начиная с древнейших времен, не как результат случайности или отклонения от исторических путей развития других народов, но как проявление определенной исторической логики. При этом они стремились дать философское обоснование своим воззрениям.

У славянофилов вокруг понимания категории «народность» развивается много тем. Так, И. В. Киреевский, один из идеологов славянофильского движения, подчеркивает многогранность и актуальность этой проблемы: «Народность в ее общем начале до сих пор еще нами не осознана и не выражена. Оттого понятия наши смешаны, требования необязательны и сочувствия неплодотворны... Самое понятие о народностях между нами совершенно различно. Тот разумеет под этим словом так называемый простой народ; другой — ту идею народной особенности, которая выражается в нашей истории; третий — те следы церковного устройства, которые остались в жизни и обычаях нашего народа и проч., и проч. Во всех этих понятиях есть нечто общее, есть и особенное. Принимая это особенное за общее, мы противоречим себе и мешаем правильному развитию наших понятий» [4, 322–323]. При всем разнообразии трактовок понятия «народность» у славянофилов мы все же можем согласиться с мнением, что «...их (славянофилов. — Е. С.) движущей силой была вовсе не ненависть к Западу, а борьба за русскую самобытность. Мало того, они верили, что будущая русская культура впитает в себя и все положительные начала европейской культуры, но ассимилирует их на основе православия» [6, 51–52]. Критика западной цивилизации без рассмотрения ее исторического пути, плюсов и минусов ее исторического развития, не была свойственна славянофилам, даже самым радикально настроенным. Так, к примеру, Ю. Ф. Самарин писал о том, что в современной России все более получает популярность идея необходимости самобытного развития — с одной стороны, а с другой — мы наблюдаем направленность на общение с Западом с целью установления начал «общечеловеческих», позволяющих развиваться каждому по своему пути, но не противостоя друг другу. Для позитивного развития в будущем России необходимо определиться с собственными идеалами, целями, «не казаться, а начать быть». Подобное возможно только после определения национальных начал, которые связывают в одно целое прошлое, настоящее и будущее. Идею народных начал Ю. Ф. Самарин видит в самобытном развитии России, в течение которого происходит синтез национального и общечеловеческого. В этом синтезе залог наиболее продуктивного развития нации.

Рассуждая о понятии «народность», И. В. Киреевский ставит вопрос о «духе народном» и в связи с этим озвучивает вопрос о целостной личности. Единство природного, социального и духовного начал формирует такую личность, которая может выступать сознательным субъектом исторического процесса. Комплекс жизненных воззрений, укрепившийся в сознании личности, ведет ее к осмыслению происходящего и активному участию в исторических свершениях. Один из принципов, на которых базируется система жизненных ценностей, — «уважение к святыне правды». Это уважение вырастает из самого духа русской общины. Законы, лежащие в основе жизни и отношений в общине, не могли существовать как нечто формальное, искусственное, так как «вся кровля общественного здания» на Руси — это множество общин, сливающихся в единое «согласие» и объединяющихся в областные общины и т. д., из которых уже и формируется русское общество. Такое общество развивалось из двух источников и ими же удерживалось как одно целое: «бытовое предание» и «внутреннее убеждение», из которых далее уже формировались законы.

И. В. Киреевский пишет о том, что законы русской общины были не формальными, так как «единомыслие» народа было залогом справедливости, «святости предания» и нравственной чистоты. Церковь с ее идеалами и моральными заповедями выступала скрепляющим фундаментом всего здания русской жизни. Подобный уклад жизни вел к тому, что представления об общественном и частном носили общий характер. Поэтому понятия нравственности, например, постепенно переходили в «общее убеждение», убеждение — в «обычай», который был по сути своей законом, «общим порядком жизни». Поэтому «право» в русской жизни заменялось понятиями «правда», «справедливость». При этом Киреевский подчеркивает, что общество, построенное на началах внутреннего «убеждения», менее склонно к «закону переворотов» в силу гармоничности господствующих отношений. Подобные устремления усиливаются характерной для русской культуры устремленностью к идеалу, а именно целостности всех стороны жизни, что активно поддерживается православной религией. В целом И. В. Киреевский неоднократно подчеркивает связь православия с духом русского народа. Дух православия является основой «крепости» духа народного.

Откликом на дискуссии философов было то, что в русской культуре тема народа, его быта, культуры, языка, традиций и верований становится одной из центральных. В русской живописи, литературе, музыке, архитектуре, театре тема народа становится одной из самых востребованных. Пример тому — творчество Н. В. Гоголя. Художники начинают обращаться к страницам русской истории, что мы можем видеть в картинах «Свидание великого князя Святослава с Иоанном Цимисхием» Ф. Г. Солнцева, «Осада Пскова польским королем Стефаном Баторием в 1581 году» К. П. Брюллова, «Предсмертный подвиг князя М. К. Волконского, сражающегося с ляхами в Пафнутьевском монастыре в Боровске в 1610-м году» В. Д. Демидова.

У рассматриваемого нами культурного явления русской действительности XIX в. был и еще один источник: славянофилы не только призывали

«увидеть» народ, но и изучать народную жизнь — быт, фольклор, костюм, религиозные представления, язык. Так, к примеру, брат одного из основоположников славянофильства П. И. Киреевский собирал народные песни.

Славянофилы не стояли на позициях ограниченного национализма, а, наоборот, утверждали право каждого народа на свой самостоятельный, оригинальный путь в истории человеческой цивилизации. «Однако они настойчиво проводили мысль о том, что вне народности ничего нет: абстрактное человечество не существует, мировая культура не является механическим соединением отдельных достижений, а возникает органически как результат духовной деятельности конкретных национальностей» [13, 11].

Свои концептуальные установки относительно истории человечества и России славянофилы переносили и на эстетические вопросы. Исследованию современных проблем искусства, творчества посвящено немало страниц в сочинениях славянофилов. Например, это статьи Ф. Чижова о «Последнем дне Помпеи» К. Брюллова и творчестве А. Иванова [10, 331–334], работы по истории русской народной музыки М. Стаховича [11, 12]. В центре дискуссий славянофилов об искусстве, безусловно, стояли работы А. С. Хомякова, теоретика славянофильского движения.

А. С. Хомяков достаточно много написал по вопросам искусства и эстетики. Как пример мы можем привести такие его работы, как «Письмо в Петербург о выставке», «О возможностях русской художественной школы», «К статье “О византийской живописи”». Но остановиться нам хотелось бы на статье Хомякова, которая показывает и теоретические установки автора по вопросам творчества и искусства — с одной стороны, и понимание музыкального творчества — с другой. Это работа «Опера Глинки “Жизнь за царя”», которая впервые была напечатана в 1844 г. в журнале «Московитянин».

Опера М. И. Глинки вызвала живой интерес в русском образованном обществе, о ней много писали. Были положительные отзывы (В. Ф. Одоевский, Я. М. Неверов, Н. А. Мельгунов), но были и отрицательные оценки (Ф. В. Булгарин). Приступая к анализу оперы Глинки, Хомяков изначально указывает следующее: «...опера Глинки еще не оценена. Об ней говорили, как о музыке, исполненной русских мотивов, писанной на русский лад, как об музыке народной или о передразнивающей народность, а все-таки не поняли ее, как явление вполне русское и созданное из конца в конец духом жизни и истории русской» [14, 66].

Дух народной жизни, с ее привычным укладом и песней, отражающей мироощущение простого человека, природа, близкая к общему настрою русской души, — все эти живописно изображенные черты, по мнению А. С. Хомякова, делают текст оперы понятным и цельным: «Начинается пьеса. Перед вами русская деревня, простая деревня нашего Севера, русская река, которой берега, вероятно, покрыты густым бором, и в этом боре пожни и небольшие пашни. Все просто, как оно есть, как ему следует быть. Православный мир — народ певучий, как и все славяне, так что и самый разговор в песнях кажется естественен. Из мира выдается одна семья, не как преобладающая над другими, но как выражающая ту простую стихию, из которой составлена простая и

естественная община» [14, 66]. Музыка отражает основную идею замысла композитора — понимание им русской души и русской жизни: «Музыка тихая, заунывная и в то же время разнообразная и богатая мелодией, выражает внутреннюю жизнь всего этого мира семейного и общинного, полного тайных сил и внутренней гармонии» [Там же].

Характеристика музыкального текста, которую дает Хомяков, необыкновенно точна и отражает замысел композитора, в основе которого лежат истоки, питавшие его вдохновение. Безусловно, драгоценным источником для Глинки послужило наследие русской хоровой культуры, развивавшейся в течение многих веков. Как отмечают исследователи творчества композитора, «...русская хоровая музыка во всем ее широком объеме, начиная от древнего знаменного распева, от средневековой монодии и до монументальных концертов Бортнянского, была хорошо знакома Глинке с детских лет. От нее он воспринял и то глубокое ощущение вокальности — плавной, свободно льющейся мелодии, и ту торжественную монументальность подлинно массового звучания, которые всегда поражают нас в хоровых сценах его величественных опер. От русской хоровой культуры, как и от всей песенной традиции русского народа, он унаследовал особое качество мелодической свободы и широты, всегда выдающееся в нем душу национального, русского художника» [5, 13]. Именно национальные черты музыки М. И. Глинки хорошо почувствовал А. С. Хомяков и отразил в своей рецензии.

На наш взгляд, необходимо отметить следующее: рассматривая понятие «народность», А. С. Хомяков подчеркивает, что высший смысл искусства выражен в том, что художник творит не для себя и не «сам по себе», его творчество направляет «высшая божественная сила». Истинное искусство всегда народно, так как именно народ, выступая проводником воли Бога, творит, а «духовная сила народа творит в художнике». Этому тезису Хомякова вторит и сам Глинка. М. И. Глинка считал, что народность есть основной принцип русского искусства, позволяющий создавать произведения, отражающие эпохи отечественной истории. А. Н. Серов записал слова М. И. Глинки: «Создает музыку народ, а мы, художники, только ее аранжируем» [9, 111]. То, что композитор отразил свое кредо в музыкальном тексте, было почувствовано и слушателями. Показателен такой отзыв Я. М. Неверова на оперу «Жизнь за царя»: М. И. Глинка «...глубоко вникнул в характер нашей народной музыки, подметил все ее особенности, изучил, усвоил ее — и потом дал полную свободу собственной фантазии, которая приняла образы чисто русские, родные. Слушая его оперу, многие замечали в ней что-то известное, старались припомнить, из какой русской песни взят тот или другой мотив, и не находили оригинала. Это лестная похвала нашему маэстро; действительно, в его опере нет ни одного заимствованного мотива; но все они ясны, понятны, знакомы нам потому только, что дышат чистою народностью, что в них мы слышим родные звуки» [8, 51].

С другой стороны, пишет А. С. Хомяков, искусство, являясь наиболее естественной формой отражения духовной жизни народа, развивается только при условии развития духа народа, его творческого и религиозного потенциала.

Нужно отметить следующие идеи философии истории А. С. Хомякова, которые оказали влияние на оценку им искусства. Он считает, что истинный историк, изучая жизнь того или иного народа, не должен излагать только сухие факты, он должен так описать исторические события, чтобы читатель почувствовал сам дух времени, движение народной души той эпохи, о которой повествует исследователь. Хомяков указывает на «чувство художественной истины» как на важнейший принцип исторической методике. И это вновь ставит перед философом вопрос о том, каковым должно быть художественное произведение, посвященное историческим событиям. Одновременно с тем утверждается идея, что через «дух народности» мы постигаем историю, ее «общечеловеческое» содержание. Для славянофилов в целом было характерно, что «...масштабность и объективность в понимании исторических проблем в целом ставится в зависимость от наличия национальной точки зрения в вопросах исследования истории» [2, 19]. Более того, «...склонности и интересы конкретного народа становятся одним из важнейших предметов исследования. Исторический интерес детерминирует выбор культурных доминант и приводит к составлению своеобразных архетипов народного самосознания, которые выступают в качестве определенных методологических принципов исторического познания. Происходит некоторое сближение философии истории и искусства через установление регуляторов или канонов систематизации материала» [Там же, 21]. В критических статьях славянофилов об искусстве мы можем видеть отзвук этой идейной установки в оценках того или иного произведения.

Возвращаясь к оценке оперы Глинки Хомяковым, мы читаем следующее. То, что видит зритель в опере, пишет А. С. Хомяков, это осмысление народом своей истории. Уже не первый раз страна, государство стоят перед угрозой уничтожения. Боль и скорбь от воспоминаний прошлых страданий накладываются на предчувствие страданий грядущих. Но это не пессимизм, делающий человека бессильным и не способным проявить личную волю, наоборот, «...язык искусства выражает и скорбь, и страдание борьбы, много раз повторявшиеся в нашей истории; скорбь и страдания, забытые в торжестве, но оставившие следы свои в музыкальном предании. Но в этой скорби не слышать отчаянья; в ней отзывается уже будущая победа. Государства нет, но семья и община остались, — они спасли Россию» [14, 66]. Так обстояло в прошлом. Но теперь ситуация иная. И все же, несмотря на всю сложность, катастрофичность исторического момента, столь живо описанного композитором в его творении, происходит переворот — приходят известия о том, что крепнет государство и это ведет к победе: избран новый царь Земским Собором, народное ополчение освободило Москву от неприятеля. Радость звучит в каждом звуке и слове. И в этот самый момент зритель переносится в «стан врага». Но что он видит? Блеск бала, красоту дам и щегольство кавалеров. Композитор, по мнению А. С. Хомякова, в этой сцене показывает не частный сюжет истории западной экспансии, «...это его (Запада. — Е. С.) главный родник, это пучинный источник, из которого выливались в продолжение стольких веков неудержимые потоки завоевательной вольницы; это целая столица или целая

страна, целая область Запада, полная аристократического рыцарства, удалого и веселого, мягкого, как шелк, и жесткого, как железо, поклоняющегося своей личности и своей силе, презревшего семью, оторвавшегося от общинного братства и грозящего всею силою своею (а еще более всем своим соблазном) всякой стране, где семья и общинное братство еще уцелели» [14, 67–68]. Хомяков подчеркивает, что замысел композитора по сути своей верен до предела — он показывает противостояние мирной сельской общинной жизни и разрушающей иноземной аристократической цивилизации.

Во втором акте оперы мы видим, по мнению А. С. Хомякова, изображение основ русской жизни — семью. Семья — это не формальное объединение людей, «...она расширяется чувством любви и принимает в недра свои тех, которых судьба лишила естественного и родного покрова» [Там же, 68]. Символично, что семья принимает в свой круг сироту. Готовится семейное торжество — свадьба, и вроде бы веселье звучит, но в звуках слышится предчувствие грозы. Появляется враг. И тут мы видим всю силу и мощь личности Ивана Сусанина, который готов пожертвовать жизнью во имя Родины, при этом «...Сусанин не герой: он простой крестьянин, глава семьи, член братской общины; но на него пал жребий великого дела, и он дело исполнит. В нем выражается не личная сила, но та глубокая, несокрушимая сила здорового общества, которая не высказывается мгновенными вспышками или порывами каждого отдельного лица на личные подвиги, но движет и оживляет все великое общественное тело, передается каждому отдельному члену и делает его способным на всякий подвиг терпения и борьбы» [Там же, 68–69]. Но поступок Сусанина вызывает не только слезы и страдание его семьи: поднимается голос народа, который всей своей мощью готов восстать на врага.

В этом фрагменте рассуждений Хомякова мы можем видеть отражение общей славянофильской идеи о народности. Так, К. С. Аксаков писал: «Народность есть личность народа... Где исчезает она, там исчезает материально или нравственно сам народ. Народность — это есть живая, цельная сила, имеющая в себе нечто неуловимое, как жизнь. И дух, и творчество художественное, и природа человеческая, и даже природа местная — все принимает участие в этой силе. Народная песня, как бы ни была она доступна всему остальному человечеству, все-таки отзовется чем-то особенным в душе того человека, для которого она — своя, народная песня» [1, 109]. Дух народа сказывается в каждом его представителе, оттого душевные движения одного вызывают отклик у всех.

Третье действие оперы М. И. Глинки, подчеркивает А. С. Хомяков, наиболее трагично. Чем слабее голос врага, тем сильнее и увереннее голос Ивана Сусанина. Погибает Сусанин, но погибает и неприятель. Урок, который демонстрирует нам история, должен быть усвоен. Свобода покупается кровью, но этой же кровью крепнет. Эпилог оперы демонстрирует главную идею сочинения М. И. Глинки: «Скорбь и радость, величие и простота, торжество и отголоски страдания слились в одно неподражаемое целое... Единство государства в нововенчанном царе, единство земли в Москве, ее живой, много страдавшей столице, и другое, высшее единство, про которое говорит медь колоколов

с сорока сороков московских и которое обнимает не один народ, не одно племя, но и всех далеких братьев наших на юг, и на восток, и на запад и должно обнять все человеческое братство» [14, 69]. В этом духовном прозрении композитора, подчеркивает Хомяков, выражаются вся мощь его таланта, вся сила истинного художника.

Опера М. И. Глинки, с точки зрения А. С. Хомякова, отвечает тому пониманию народа, которое свойственно славянофильству: народ — залог целостности государства, активно действующая сила в истории, залог сохранения традиций, образа жизни, быта и культуры.

Оценивая значение оперы Глинки, Хомяков пишет о том, что в будущем русское музыкальное искусство достигнет еще более высоких результатов. В этом сомнения нет. Но навсегда «Жизнь за царя» М. И. Глинки останется не просто первой русской оперой, но, что главное, именно русской. И в этом залог ее значения в общечеловеческом творчестве, ибо «...нет человечески истинного без истинно народного!» [Там же, 70]

Проблема зависимости национальных традиций от общечеловеческих ценностей волновала и Н. Я. Данилевского, еще одного из ярчайших представителей славянофильского движения. Данилевский — представитель позднего славянофильства. Он выстраивал свою концепцию, глубоко анализируя уже почти тридцатилетние дискуссии западников и славянофилов. В его сочинениях мы видим новый уровень рассмотрения славянофильской проблематики. Это уже не только тема «Россия и Запад», он исследует вопрос о русской цивилизации и общемировом историческом процессе, состоящем из истории отдельных цивилизаций (не только европейской и русской). Выстроить же теорию культурно-исторических типов, минуя вопрос о национальном, общечеловеческом и т. п., ему не представлялось возможным.

Еще в 1869 г. в периодическом издании «Заря» он публикует несколько публицистических статей, в которых рассматривает не просто тему соотношения культуры Европы и России, но ставит проблему более глобально народное и национальное в культуре. Статьи Данилевского вызвали значительное внимание у публики. Так, к примеру, Ф. М. Достоевский, живший тогда в Лозанне, вспоминал позже, что с нетерпением ждал очередного номера журнала и с интересом изучал материалы, публикуемые Н. Я. Данилевским. Работа «Россия и Европа», которая вышла в 1871 г., также вызвала интерес у читателей, в связи с чем до 1917 г. переиздавалась пять раз.

Н. Я. Данилевский пишет о том, что общепринятым мнением считается то, что соотношение национального к общечеловеческому есть соотношение частного к общему. «Общечеловеческим гением считается такой человек, который силой своего духа успевает вырваться из пут национальности и вывести себя и своих современников (в какой бы то ни было категории деятельности) в сферу общечеловеческого. Цивилизационный процесс развития народов заключается именно в постепенном отрешении от случайности и ограниченности национального для вступления в область сущности и всеобщности общечеловеческого» [3, 139]. Такая позиция сформировалась, как указывает Данилевский, в 30–40-е гг. XIX в. и была характерна не только для западни-

ков, но и для большинства мыслящих людей в России. Причин подобного положения дел было несколько, но в первую очередь — очарованность европейской культурой и малое знание своей собственной. При этом не ставился вопрос о том, что европейская культура состоит из отдельных культур: немецкой, французской, английской и т. д., каждая из которых имеет свои национальные черты. Не было понимания того, подчеркивает Данилевский, что Европа еще не все человечество. Единственная интеллектуальная партия, которая противостояла этому процессу в общей панораме духовной жизни России, по мнению Данилевского, это славянофилы. И хотя славянофилы, так же, как и западники, черпали свое вдохновение в немецкой философии, но были более свободны в своих интерпретациях европейской мысли, что давало им большую свободу в личном творчестве и давало возможность посмотреть реально на славянские культурные традиции и в целом иначе рассматривать вопрос о национальном.

Сам же Данилевский исходит в своих рассуждениях из следующего, для него основополагающего, тезиса: «Задача человечества состоит не в чем другом, как в проявлении, в разные времена и разными племенами, всех тех сторон, всех тех особенностей направления, которые лежат виртуально (в возможности, *in potentia*) в идее человечества. Ежели бы, когда человечество совершит весь свой путь или, правильнее, все свои пути, нашелся кто-либо, могущий обзреть все пройденное, все разнообразные типы развития во всех фазисах, тот мог бы составить себе понятие об идее, осуществление которой составляло жизнь человечества, — решить задачу человечества; но это решение было бы только идеальное постижение ее, а не реальное осуществление» [3, 141–142]. Философ указывает, что построить одну цивилизацию, которая бы вобрала в себя культуру греков и римлян, Китая, Востока, Азии, Европы и т. д., причем не просто бы объединила, а синтезировала, довела до высшей точки развития, нереально. Отдельный человек, при условии его бессмертия, может максимум выразить себя в своей жизни, но человечество — нет. «Для коллективного же и все-таки конечного существа — человечества — нет другого назначения, другой задачи, кроме одновременного и разноместного (то есть разноплеменного) выражения разнообразных сторон и направлений жизненной деятельности, лежащих в его идее и часто несовместимых как в одном человеке, так и в одном культурно-историческом типе» [Там же, 144]. Но, к сожалению, рассуждает Н. Я. Данилевский, до сих пор мы видим стремление отождествить Европу с общечеловеческим, что, по сути, не просто неверно, но и понижает понимание нами европейской культуры.

Со временем человечество приобретает даже на физическом уровне особенные черты (благодаря чему мы отличает нации и народы), а не сливается в единое целое. Более того, мы можем сказать, что общечеловеческое — менее развитое начало, чем народное, «...ибо это последнее по необходимости включает в себя первое и, сверх того, присоединяет к нему нечто особое, дополнительное, которое именно и должно быть сохраняемо и развиваемо, дабы родовое понятие о человечестве во втором (реальном) значении его получило все то разнообразие и богатство в осуществлении, к которому оно способно»

[3, 149]. Общечеловеческое — это нечто бесцветное, не получившее еще развития, не оригинальное, не полное. Совсем иное дело, когда мы говорим о всечеловеческом. Всечеловеческое выше отдельного народного начала, «...оно и состоит только из совокупности всего народного, во всех местах и временах существующего и имеющего существовать; оно несовместимо и неосуществимо в какой бы то ни было одной народности; действительность его может быть только разноместная и разновременная» [Там же]. Понятие «всечеловеческое» раскрывается в гениях и искусстве. «Общечеловеческий гений не тот, кто выражает... одно общечеловеческое за исключением всего национально-особенного... а тот, кто, выражая вполне сверх общечеловеческого и всю свою национальную особенность, присоединяет к этому еще некоторые черты или стороны, свойственные другим национальностям, — почему и им делается в некоторой степени близок и понятен, хотя и никогда в такой же степени, как своему народу» [Там же, 149–150].

Для того чтобы, как утверждает Н. Я. Данилевский, культура человечества развивалась, необходимо, чтобы каждый народ строил свою, а не копировал или пытался развивать чужую, даже если она пленяет своими результатами. Необходимо учитывать, что всечеловеческая цивилизация — это «...идеал, достижимый последовательным или совместным развитием всех культурно-исторических типов, своеобразной деятельностью которых проявляется историческая жизнь человечества в прошедшем, настоящем и будущем» [Там же, 151]. Это и есть истинная логика прогресса человечества.

Исторически крупнейшие лингвистико-этнографические семейства сформировали основные культурно-исторические типы. Верно отмечено исследователями наследия Н. Я. Данилевского, что «...по мнению философа, каждый культурно-исторический тип привносит в мировую цивилизацию нечто свое, особенное, несвойственное другим типам, и тем самым увеличивает смысловое содержание последней» [7, 33]. Данилевский утверждает, что славянство — такой же культурно-исторический тип, как эллинизм, латинство и другие. Цивилизация не может быть передана одним народом другому. Она должна быть сформирована, выращена и развита самостоятельно, ибо тогда она самобытна и оригинальна.

Цивилизация всегда выражает свои отличительные особенности в четырех сферах: религиозной, политической, общественно-экономической и культурной деятельности. Говоря о последней, Данилевский подчеркивает, что деятельность культурная объемлет отношение человека к внешнему миру и включает в себя: 1) теоретическое, научное; 2) эстетическое, художественное; 3) техническое, промышленное творчество.

Говоря о славянах, Н. Я. Данилевский указывает, что «...религия составляла самое существенное, господствующее (почти исключительное) содержание древней русской жизни, и в настоящее время в ней заключается преобладающий духовный интерес простых русских людей» [3, 577]. Через Византию и принятие православия Русь решает свои духовные проблемы: неудовлетворенность идеалами язычества и стремление к познанию Истины. Религиозные искания были питательной почвой для развития внутренних сил славянства, таковыми же остаются и до настоящего времени.

Рассматривая же историческое развитие культурной жизни славян, Данилевский указывает, что их достижения в области наук и искусств не настолько масштабны, как этого можно было бы ожидать. Причина тому — в факте не столь длительной истории славянского культурного типа, как, например, германо-романского. Нужно учитывать и следующую закономерность: сначала народ выстраивает свою государственность, а затем развивает культурные традиции: «Строение государства... есть первая историческая деятельность народа, выведенного обстоятельствами из этнографического быта, и должно быть доведено до известной степени, прежде чем начинается, собственно, так называемая культурная деятельность» [3, 596]. Постоянная борьба за независимость, за право построения своего государства потребовала исторически много сил от русского народа, что отодвинуло запросы культурного развития на второй план.

Н. Я. Данилевский пишет о том, что для культурного развития народа необходимо образование, которое «...кроме общего полезного действия на развитие уровня народных способностей, необходимых, так сказать, для жизненного обихода, дает возможность натурам, особенно даровитым, рассеянным, без сомнения, по всем слоям общества, — осознать свои духовные силы и выйти на простор их узкой доли, отмежеванной им судьбой. Наконец, научная и художественная деятельность может быть только плодом досуга, избытка, излишка сил, остающихся свободными от насущного, исторического труда» [Там же, 601]. Славянские народы, в том числе и русский, сталкиваясь с постоянными проблемами существования, затрачивая массу сил на выживание, не имели достаточно средств и возможностей для развития своих творческих устремлений, для распространения образования. Но это вовсе не означает, что в будущем подобное невозможно.

В настоящее время мы можем видеть свидетельство развития русского искусства. Это творчество Н. В. Гоголя, А. Иванова, А. С. Пушкина и многих других талантливых деятелей русской современной культуры.

Размышляя над ходом эволюции русской истории, Н. Я. Данилевский подчеркивает: «Только теперь наступает исторический момент для начала этого культурного развития; ибо только с освобождением крестьян положено начало периоду культурной жизни России, закончившей этим государственный период своей жизни, существенное содержание которого... заключается именно в ведении народа от племенной воли к гражданской свободе путем политической дисциплины» [Там же, 610]. Достигнув стабильности своей государственной системы, русская культура становится на те основания, которые будут базисом ее дальнейшего развития в сфере искусств и наук.

Н. Я. Данилевский утверждает, что, формируя и развивая национальное, народное в своей культуре, русский гений внесет в историю человечества тот неповторимый вклад, который и является залогом развития человечества.

В целом мы можем сделать следующий вывод: философские дискуссии XIX в., в частности между западниками и славянофилами, поставили перед русским обществом вопрос об осмыслении собственной истории, перспектив будущего участия в цивилизационном прогрессе. Обсуждение этих вопросов

вызвало интерес к исследованиям русской истории, быта, культуры, что отразилось в творчестве художников, поэтов, музыкантов, архитекторов и, безусловно, было живым источником для дальнейшего развития отечественной культуры и философии.

В основе размышлений славянофилов — понимание народности как стержня культуры: «Но если отнять у человечества личные и народные краски, то это будет бесцветное явление, до которого можно дойти только чрез отвлеченное представление о безразличном человечестве, чрез искусственное собрание правил, под которые народ должен подводить себя, стирая при том свою народность. Это будет своего рода уже официальное, форменное, казенное человечество. По счастью, оно невозможно... Нет, пусть свободно и ярко цветут все народности в человеческом мире; только они дают действительность и энергию общему труду народов. Да здравствует каждая народность!» [1, 110].

-
1. Аксаков К. С. Народность // Славянофильство: pro et contra. СПб., 2009.
 2. Воробьева С. А. Идея народности в русской философско-исторической мысли 30–60-х годов XIX века // Вече. Вып. 16. СПб., 2004.
 3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2008.
 4. Киреевский И. В. Избранные статьи. М., 1984.
 5. Левашева О. Е. М. И. Глинка. М., 1987.
 6. Левицкий С. А. Очерки по истории русской философии. М., 1996.
 7. Малявин С. Н. История русской социально-философской мысли. М., 2003.
 8. Московский наблюдатель: журн. 1836. Окт., кн. 1.
 9. Серов А. Н. Избранные статьи. М.; Л., 1950. Т. 1.
 10. Симонова И. Федор Чижов. М., 2002.
 11. Стахович М. А. История семиструнной гитары. СПб., 1864.
 12. Стахович М. А. Собрание русских народных песен. СПб., 1855.
 13. Фатеев В. А. В спорах о самобытном пути России // Славянофильство: pro et contra.
 14. Хомяков А. С. Опера Глинка «Жизнь за царя» // Хомяков А. С. О старом и новом. М., 1988.

Рукопись поступила в редакцию 13 сентября 2013 г.

УДК 130.2:8 + 821.134.3

Е. С. Тейтельбаум

ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ: ОПЫТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА ФЕРНАНДО ПЕССОА

В статье в контексте «продуктивистской» концепции отношения философии и литературы дается философский анализ творчества Фернандо Пессоа.

Ключевые слова: литература и философия, гетеронимия, Другой.

Философия — осмысление предельных вопросов человеческого бытия в мире. Философия воздействует на читателя через текст, и это сближает ее с литературой. Различия между литературными и философскими текстами на первый взгляд кажутся очевидными, однако процесс концептуализации и метафоризации языка философии на разных исторических этапах и в разных культурах происходил по-разному, форма выражения мысли не оставалась неизменной, в результате чего временами граница между философией и литературой становилась фактически иллюзорной.

Двойственность философии, ее принадлежность одновременно к науке и к литературе, стремление к точности понятий и выработке стройной системы, с одной стороны, и риторические приемы, склонность к метафоризации — с другой ярко проявились уже в диалогах Платона, родоначальника европейской философии. С возникновением и развитием науки Нового времени философия все более сближается с наукой, все больше ассимилирует научный способ рассуждения и стиль изложения. Это проявляется, например, в строгом геометрическом методе изложения «Этики» Спинозы. Однако связь философии с литературой полностью прервана не была никогда. Произведения Монтеня, Паскаля, Руссо, Вольтера, Дидро, Фихте, Ницше в равной мере принадлежат как философии, так и литературе.

Вследствие интенсивного развития науки, проникшей практически во все сферы духовной и материальной культуры, длительного влияния позитивизма в современной философии отчетливо обозначились две ветви — два стиля философствования, которые А. Л. Никифоров определяет как «философию мысли» и «философию слова» [4].

«Философ мысли» видит в языке инструмент для выражения мысли, и точность передачи идей при таком подходе обусловлена строгостью понятийного аппарата. Язык для «философа мысли» лишь средство, предметом же философии для него является мысль. Для «философов слова», напротив, основная роль отдается языку, смыслотворящей силе слова, пробуждающего образы и ассоциации, порождающего новые смыслы. Язык философии фактически начинает подчиняться законам литературы; стройной системе идей противопоставляется богатство образов, строгости понятий — обилие метафор. Философия начинает напоминать поэзию, становится точкой, в которой «проза максимально приближается к поэзии» [18, 21].

Творчество философов-поэтов, «философов слова», является своеобразной «точкой слияния» литературы и философии. Граница между философией и литературой здесь нивелируется и исчезает. Философский дискурс приобретает черты литературы: аффективность, субъективность, игру смыслами; концептуализация происходит через метафоризацию. Философские произведения приобретают литературную форму, которая расширяет их содержание, наделяя его новыми смыслами. В текстах Паскаля, Ницше, Витгенштейна, Хайдеггера мы сталкиваемся с фрагментами — по определению Джорджа Стейнера, «разбитыми бесконечностями, кажущимся противоречием фрагментированного величия», «поэзией незаконченности» [18, 27], благодаря которой читатель превращается в со-творца смыслов.

С другой стороны, и литература, размышляя о фундаментальных вопросах бытия, нередко приближается к философии. Так, например, в произведениях Т. Манна, Достоевского и многих других мы находим осмысление и переработку идей Шопенгауэра, Ницше и других мыслителей.

Тем не менее, несмотря на то, что взаимовлияния философии и литературы были очевидны на протяжении всей истории философии со времен Платона и до XX в., роль литературы в развитии философской мысли оценивалась как второстепенная, в философской направленности некоторых литературных произведений виделась попытка анализа и иллюстрации теорий и концепций «официальной» философии.

Важную роль в переоценке роли литературы в продуцировании философских идей сыграл М. Хайдеггер, который не просто признал, что поэзия и философское мышление являются сущим одного рода, но и прояснил онтологический статус искусства. По его мнению, произведение искусства не просто артефакт, продукт некоей законченности, завершенности, но источник, лежащий в основе определенного мира. Похожей точки зрения придерживается и Ален Бадью: согласно его «продуктивистской» теории отношения философии и литературы, литература может быть не просто «мастерской» по переработке и иллюстрации философских идей: она способна продуцировать идеи, опережающие развитие философской мысли.

Интересным в этом плане является фигура португальского поэта-философа Фернандо Пессоа (1888–1935), предвосхитившего в своем творчестве многие идеи последующей «институциональной» философии.

Некоторые исследователи (в том числе Ален Бадью, Октавио Пас, Антонио Табуки) считают португальского поэта одной из самых загадочных фигур в литературе и философии XX в. Скрывавшийся за 106 масками-гетеронимами Пессоа совершенно иначе поставил вопрос плюралистичности истины и множественности «Я». Загадка и разгадка Пессоа кроются уже в его имени. Пессоа (от порт. *peessoa*) — человек, персона, от римского «*persona*» — маска римских героев. Пессоа — личина, выдумка, никто [9]. Среди этих вымыслов (поэты Алберто Каэйро, Алваро де Кампуш, Рикардо Рейс, Бернардо Соареш) более сотни гетеронимов и полугетеронимов, писавших на португальском, английском, французском, но прежде всего сам Фернандо Пессоа. В 1935 г. в письме Адолфо Казайшу Монтейро Пессоа писал: «Я не знаю, кого

на самом деле не существует: их или меня. Догматизм в подобных вещах, как и во многом другом, неуместен» [10, 199].

Термин «гетеронимия» в отношении творчества Пессоа был введен самим поэтом, называвшим выдуманных им поэтов своими гетеронимами. На самом деле благодаря Фернандо Пессоа это понятие получило новый смысл. Так, в словарях, изданных в Португалии до появления феномена Фернандо Пессоа, а также вышедших в свет в других странах, это понятие либо не упоминается вообще, либо определяется как лингвистический термин, обозначающий «разноименность» (например, в Толковом словаре иностранных слов Л. П. Крысина) [3].

Однако в Большом словаре португальского языка, изданном в 1873 г., встречается такое определение: «автор-гетероним — автор, публикующий книгу под настоящим именем другого человека» [7, 17]. Похожее определение находим и в Словаре португальского языка под ред. Кандидо Фигейреду: «так называют автора, публикующего книгу под реальным именем другого человека. Также используется для обозначения книги, которая публикуется под именем человека, не являющегося ее автором» [6, 975]. Фернандо Пессоа адаптировал это понятие, заменив им понятие «псевдоним» и тем самым подчеркнув онтологический статус созданных им персонажей, которые, превращаясь таким образом в реальных людей, становятся ответственными за содержание произведений, снимая эту ответственность с истинного автора. Для самого Пессоа гетеронимы — это «персонажи, отличные от него, над которыми он практически не властен и которые существуют помимо его воли» [7, 17].

Как отмечал Пессоа в тексте, написанном в 1928 г., им был создан ряд гетеронимов, полугетеронимов и ортонимов, которые, однако, ни в коем случае не могут рассматриваться как анонимы и псевдонимы. Произведение, написанное под псевдонимом, создано автором «в лице самого себя»; не принадлежит автору только имя, которым это произведение подписывается. В случае с гетеронимией произведения принадлежат абсолютно иной личности, вымышленной автором — как, например, реплики персонажа написанной автором книги [Там же, 18].

Итальянский исследователь творчества Пессоа Антонио Табукки отмечал, что гетеронимия является центром всего корпуса сочинений поэта-философа, говоря словами М. Бланшо — средоточием, к которому все устремлено. «Эта точка не стоит на месте, а постоянно смещается под действием самой книги и обстоятельств ее постройки. Вместе с тем она непоколебима, ведь, даже смещаясь, эта точка, если уж она настоящая, будет еще большим средоточием, более скрытым, недоступным, а потому и более деспотичным» [2, 3]. Гетеронимия — это не просто метафорическая театральная гримерная, в которой «актер» Пессоа прячется, чтобы сменить маску и наряд, это своего рода «свободная зона» — *terrain vague*, магическая линия, которую Пессоа переступил, чтобы стать Другим, не переставая быть собой [19, 7].

Гетеронимия воплощает в себе мировоззрение Пессоа, его стремление нести в себе различные видения мира и в то же время отстраняться от них, воспринимать мир как интеллектуальную игру. Гетеронимия — это своеобразное

испытание способности прожить сущность Игры, это не фикция, а своего рода метафизика фикции, ее теософия. Фикция Пессоа всегда трансцендентна, это Слово в значении *ἀρχή* или *λόγος*, и это Слово никоим образом не является литературным текстом. Логос Пессоа в его трансцендентности, в его положении метатекста переходит из экзистенциально-текстуальной плоскости в онтологически-метафизическую [19, 8]. Игра Пессоа заключается в том, чтобы «играть» ее, но в то же время ей не отдаваться.

Игровую природу гетеронимии отмечает и Антонио Пина Коэльо. По его словам, Пессоа с детства окружал себя выдуманными персонажами, которые иногда заменяли ему реальность. «Истина для него не имеет значения, равно как и религия, нравственность и духовность. Имеет значение лишь игра с идеями, сотворение мифов без какого бы то ни было философского верования, быть сумасшедшим, который мечтает вслух, развлекается, расширяет Мир, обогащает землю и небо, хотя бы хорошим стихом, следует ветру, как говорил Каэйро, ныряет в пустоту, дающую творческие силы, как это делал Ницше, сводит все к абсурду» [14, 73].

Можно также согласиться с Аленом Бадью, который видит в гетеронимии Пессоа своеобразную языковую игру (при этом примечательно, что Пессоа не знал о существовании Витгенштейна). Более того, в феномене Пессоа мы находим, возможно, самую радикальную форму сближения мысли и языковой игры. Материальность гетеронимии не проект и не идея; гетеронимия разворачивается в письме. Мы имеем дело не просто со множеством выдуманных авторов, но с множеством стилей письма.

С другой стороны, гетеронимия Пессоа — своеобразная проекция кризиса метафизического рационализма. Существование поэта в разных авторах позволяет преодолеть ограниченность индивидуального видения мира и достичь полноты знания. «Так как каждый человек имеет лишь свое частное видение вещей, поэт гениальнейшим образом превратился в несколько фигур, каждая из которых имела свое собственное представление о мире. Так он пришел к более полному пониманию реальности» [17, 7–8]. «Бытие Другим» для Пессоа имеет огромную метафизическую глубину: «Понимать, что думает другой человек, — значит не соглашаться с ним. Понимать, что чувствует другой человек, — значит быть им. Быть другим человеком дает метафизическую глубину. Бог есть все люди» [12, 84].

Однако это стремление к полноте истины содержит в себе противоречие: с одной стороны, Фернандо Пессоа стремится к Абсолюту, к абсолютной и полной истине, с другой — является антирационалистом, противящимся любой попытке унификации и упрощения: «...сущность вселенной — противоречие» [Там же, 393], «высшая истина, которую можно сказать о какой либо вещи, — это то, что эта вещь одновременно чем-то является и не является» [Там же], что «утверждение тем вернее, чем больше противоречий в себе содержит» [Там же]. Природе присущи парадоксы, поэтому сущность истины — парадокс, критерий истины — ее опровержение: «Единственный критерий истины — не соглашаться с самой собой... Жизнь не соглашается с самой собой, потому что умирает» [Там же].

Похожие мысли несколько десятилетий спустя будут высказаны Жаком Деррида, стремившимся преодолеть ограниченность мышления, основанного на бинарных оппозициях. По мнению Деррида, сама концепция определения в западноевропейской традиции строится на принципе бинарности: высказывание может быть либо истинным, либо ложным, что-либо может находиться либо внутри, либо снаружи, быть при этом либо живым, либо неживым. Посредством оппозиций происходит структурирование и осмысление опыта: мы классифицируем нечто как положительное или отрицательное, относим его к сфере тела или разума, мужского или женского. Недостаток такого подхода, по мнению Деррида, очевиден: идентификация объекта всегда происходит через Другое, значение понятия напрямую зависит от значения Другого, и процесс определения превращается в некий замкнутый круг. Объект ускользает от нас, когда в стремлении осмыслить его мы прибегаем к его Другому. Кроме того, сведение мира к бинарным оппозициям является упрощением, бегством от внутренних неразрешимостей, «апорий», из которых соткана реальность. Пессоа, а через несколько десятков лет после него и Деррида, полагал, что сознание и осмысление должно начинаться с апорийного опыта, с напряжения неразрешимости, с парадокса.

Это стремление к соединению в себе противоположностей, попытка удержать множественность проявляются не только в гетеронимии Пессоа, но и собственно в построении некоторых его произведений. Пессоа принадлежит изобретение отрицания, напоминающего лабиринт. Это отрицание появляется таким образом, что становится сложно уловить отрицаемый элемент. Стихотворение выстраивается как бы диагонально, и в результате наслоения противоположностей изображение расплывается и заново очерчивается, становится неясно, что является объектом описания: это не стена дождя и не храм, не отблеск света и не мутность стекла, это что-то иное, что-то, благодаря чему противоположности рассеиваются. Такое «плавающее» отрицание создает ощущение ускользания отрицания и утверждения. Пессоа нарушает принцип непротиворечия, а также — особенно в стихотворениях, которые он подписывает своим собственным именем, — принцип исключенного третьего.

Похожее стремление соединить несоединимое мы наблюдаем и на уровне гетеронимов. Пессоа не пытается примирить противоположности, снять различие, он стремится прочувствовать напряженность неразрешимости, невозможность снятия существующих противоречий. Идеологические и эстетические споры, которые ведут между собой его гетеронимы, не проясняют позицию самого Пессоа, а лишь демонстрируют плюралистичность Истины.

Философский анализ феномена гетеронимии также может быть произведен в контексте проблематики смерти Автора — своеобразного устранения субъекта письма. Так, создание целого созвездия авторов, несуществующего «кружка» — это создание определенного метаязыка. Происходит не только поэтизация самого акта поэтизирования: создается настоящая галерея «поэтов-текстов», значение которых авторефлексивно, имманентно своему собственному структурированию.

С другой стороны, из предложенной Луиджи Парейсоном концепции «способа формирования» следует, что эта «структурная», «металингвистическая» сторона Фернандо Пессоа является центром организации поэтического дискурса, концентрируя в себе его манеру чувствовать, существовать, думать и определять свое место в мире. Таким образом, факт того, что своеобразной осью выдуманного Пессоа «поэтического кружка» является акт поэтизирования, не умаляет онтологического значения феномена гетеронимии, а, напротив, при понимании стиля как парейсоновского «способа формирования», который сам по себе является выраженным содержанием, становится еще более очевидным, что гетеронимия сама по себе является «диалогом с бытием, осуществляющимся в языке, и именно через язык передается само бытие, это нечто, что существует» [8, 234].

Один из исследователей творчества Пессоа, Фернандо Сеголин, отмечал, что «Пессоа мог бы представить множественность вопросов и возможных ответов на них в одном текстуальном пространстве» [15, 26]. Однако он этого не сделал, и причина очевидна: ведь тогда «поэтический знак остался бы навсегда чуждым вопросам, которые Пессоа пытался выразить» [Там же]. Создавая текстуальную множественность, существующую на основе многообразия пониманий проблемы существования и бытия, язык для Пессоа перестает быть просто инструментом передачи идей, становясь «прежде всего, испытанием, исследованием самой своей способности выражать это существование и это бытие» [Там же, 26–27].

Таким образом, очевидно, что для адекватного понимания феномена Фернандо Пессоа необходим анализ структурных особенностей корпуса его произведений. Тем не менее важность формалистического аспекта творчества Пессоа не умаляет значимости онтологической проблематики его поэзии. Более того, гетеронимия усиливает его онтологическую концепцию, становится ее основой.

Обращение к собственной форме, к «способу формирования» [8] является неотъемлемой характеристикой «настоящей» поэзии. Ориентация поэзии на саму себя не просто техническое действие, это своего рода онтологическое исследование, настоящий «диалог с бытием», в результате которого рождается новая сущность, неотделимая от своей формы и способа формирования.

Литература в творчестве Пессоа получает способность не просто осмыслять и иллюстрировать, но и самостоятельно порождать философские смыслы, становясь, по выражению Алена Бадью, предметом «ин-эстетики». «Ин-эстетикой» (фр. *inesthétique*) Бадью называет «такое отношение философии и искусства, при котором искусство само творит истину и при этом не становится объектом философии» [5, 5]. При этом художественные образы и литературные тропы, не доступные философии в той же мере, в какой они доступны литературе, позволяют раскрыть идею на ином, более глубоком уровне. Не скованная понятиями мысль свободна, восприятие, не опосредованное концептами, более полное и живое. Философия, рожденная литературой, не просто предвосхищает институциональную философию, но и фактически становится недоступна для ее адекватной интерпретации: при «переводе» имманентной

литературе философии на язык философских понятий неизбежно происходит потеря смыслов.

Пессоа, по мнению А. Бадью, один из крупнейших представителей «ин-эстетики», который в своем творчестве не просто отразил и осмыслил существующие философские направления, но и опередил развитие философии. Философия XX и начала XXI в., считает Бадью, так и не «доросла» до уровня португальского поэта-философа [5].

Вся современная философия, отмечает Бадью, это попытка преодолеть платонизм [3]. И действительно, антиплатонизм определяет проблематику философии жизни, вообще всю философию от Ницше и Бергсона до Делеза. Эти философы исходят из того, что трансцендентный идеализм понятия направлен против творческой имманентности жизни: вечность истины является своего рода фикцией, ограничивающей наше понимание. Антиплатонизм играет определяющую роль и в философии языка, в аналитической философии Витгенштейна, Карнапа, Куайна, которые полагают, что платоновская гипотеза о действительном существовании идеальных сущностей и необходимости основания любого знания на интеллектуальной интуиции противоречит здравому смыслу. Фернандо Пессоа же не следует антиплатонистской направленности, характеризовавшей все развитие философии в XX в.

В произведениях одного из самых известных гетеронимов Пессоа Алваро де Кампуша, главным образом в написанных им одах, мы сталкиваемся с неукротимым витализмом. Кампуш являлся последователем сенсационизма (от порт. *sensação* — ощущение) — эстетического направления в португальской культуре начала XX в., одним из основателей и лидером которого считается гетероним Пессоа Алберто Каэйро. Сенсационизм родился из влияний французского символизма, португальского трансцендентального пантеизма и еще «множества бессмысленных и противоречивых явлений, среди которых могут быть упомянуты в случайном порядке футуризм, кубизм и другие, от которых унаследовался скорее дух, чем форма» [13, 134].

Витализм Алваро де Кампуша достигает высшей точки благодаря использованию характерного для сенсационизма приема возвышения чувственного восприятия, при этом утрата телесного единства, обретение своеобразной полиформности пробуждает в вымышленном поэте желание, интуицию, способность воспринимать мир через ощущения.

В качестве еще одной гениальной идеи Алваро де Кампуша, вслед за Бадью, можно называть гипотезу об относительности классической оппозиции машинизма и жизненного импульса. Кампуш — поэт современного машинизма, машинизма большого города, машинизма торговли, банковской деятельности, заводов, воспринимаемых как творческие машины. Намного раньше Делеза Кампуш находит в желании своеобразную машинную однозначность, энергия которой схватывается в стихотворении, без сублимации или идеализации, без развеевания ее переменчивой двусмысленности. Стихотворение непосредственно схватывает потоки и разрывы как некий экстаз бытия.

Как и Хайдеггер, Пессоа возвращается к мысли досократиков о самостоятельном статусе бытия, не опосредованного мыслью. Так, в размышлениях

одного из гетеронимов Пессоа, Алберто Каэйро, прослеживается влияние Парменида. Каэйро утверждает, что сущность бытия первична по отношению к любой субъективной организации мышления. Посредством различных поэтических приемов, в частности повторения, Каэйро стремится к непосредственному, т. е. не опосредованному мышлением, восприятию образа, к тому, что он называет метафизикой «немышления», в определенной мере близкой парменидовскому тождеству бытия и мышления.

Кроме того, у Пессоа, а главным образом у Алберто Каэйро, очевидно критическое отношение к идеализму. Каэйро критикует «глупых поэтов», которые за луной на небе видят что-то кроме луны на небе. По его мнению, «единственная тайна вещей заключается в том, что в них нет никакой тайны» [16, 63]. Поэзия есть отражение реальности, сама реальность. Письмо — это не темное и несовершенное отражение идеала, наоборот, письмо — это мысль как она есть и ничего больше. «Вещь — это то, что не подлежит никакой интерпретации», — заявляет Каэйро [Там же, 63]. Таким образом, поэзия у Пессоа — «материальная сеть операций» [5, 41], то, что не нуждается в толковании, в привнесении чуждых смыслов извне.

Очевидно неприятие поэтом-материалистом, изобретающим неклассическую логику, ускользающее отрицание, диагональное бытие, неразделимость предикатов, идей платонизма. Однако далек Пессоа и от антиплатонизма.

Так, математическая парадигма, отождествление понятий красоты и истины сближают идеи Пессоа с платонизмом. Пессоа утверждает фундаментальную связь между математической истиной и красотой искусства: «бином Ньютона так же красив, как Венера Милосская», — пишет он [15, 110]. Не все умы способны увидеть эту связь, и цель поэзии, в понимании Пессоа, как раз сделать очевидным для «непросвещенного» читателя тождество истины и красоты.

Платонической является у Пессоа и архетипическая онтологическая основа видимого. Поэтические образы у Пессоа являются не просто чувственными сингулярностями, но определенным онтоотипом. Этот прием гениальнейшим образом используется в одном из лучших стихотворений Алвару де Кампуша — в «Морской оде»:

Да, от одной пристани, от одной пристани, каким-то образом материальной,
 Реальной, видимой, как пристань, настоящая пристань,
 Пристань Абсолютная, образу которой, бессознательно подражая,
 Неощутимо для себя самих припоминая ее,
 Мы, люди, сооружаем
 Наши пристани из настоящего камня на настоящей воде,
 И они, будучи построенными, внезапно предвещают
 Подлинные Вещи, Вещи-Духи, Сущности в Камне-Души,
 Некие моменты — вспышки наших глубинных чувств,
 Когда во внешнем мире как бы открывается дверь,
 И, хотя ничего не меняется,
 Все раскрывается по-иному [1].

Реальная гавань превращается в Гавань, реально существующие вещи вмещают в себе и предвещают Абсолютное — некоторое подобие платоновской идеи. Этот прием используется всеми гетеронимами и особенно часто — полугетеронимом Бернарду Соарешем, автором «Книги беспокойства»: дождь у него становится Дождем, дерево — Деревом, тень — Тенью, прохожий — Прохожим. Идея видится как нечто неотделимое от вещи, однако это не аристотелевская идея как форма, определяющая и упорядочивающая материю. У Пессоа вещи тождественны своей Идее — так же, как в платоновской диалектике неразделимы мысль о вещи и представление об Идее.

Таким образом, Пессоа ставит под вопрос саму дихотомию «платонизм/антиплатонизм», выходит за ее рамки и в очередной раз опровергает закон исключенного третьего. Можно согласиться с А. Бадью, который полагает, что Фернандо Пессоа представляет в философии определенного рода прорыв. Пессоа фактически опережает свое время, опережает наше время, прикасается к неизведанному. Мысль Пессоа преодолевает различие между платонизмом и антиплатонизмом, находится в пространстве «между», по ту сторону различия, опережая тем самым развитие институционализированной, академической философии.

Кроме того, за несколько десятилетий до Жака Деррида Пессоа воплотил в своем творчестве его знаменитый тезис о несуществовании внетекстовой реальности. Квинтэссенцией философии Пессоа является писавшаяся им на протяжении двадцати лет «Книга беспокойства» — «биография без фактов», книга-хаос, книга без структуры, без центра, релятивизирующая все, даже само понятие относительности, отражение мира, сведенного к фрагментам, не способным собраться в Целое, просто текст о тексте, без каких бы то ни было связей, постмодернистский кошмарный сон. «Все, что человек выражает или высказывает, — всего лишь пометка на полях текста, от которого ничего не осталось. По смыслу пометки мы более или менее можем догадаться о том, что за текст это был; но сомнение неизбежно, и возможных смыслов — множество» [11, 164]. «Книга беспокойства» — отражение и воплощение микрокосмоса Фернандо Пессоа, существовавшего в множественности своих масок-гетеронимов, часто противоречащих друг другу и самим себе.

Философия Пессоа — это философия множественности, пустоты, бесконечности, противоречия, существующая в пространстве «между» взаимоисключающими концепциями. В творчестве Пессоа мы имеем дело с литературой, которая не просто осмысляет философию, но сама является формой философии. При этом философия Пессоа, предвосхитившая идеи Витгенштейна, Деррида и Делеза, фактически опережает развитие современной нам академической философии. Эта имманентная литературе философия оказывается недоступной для институционализированной философии, которой не просто становится непосильной такая глубина восприятия, но и недостает ресурсов даже для того, чтобы адекватно осмыслить феномен Фернандо Пессоа.

1. *Алвару де Кампуш*. Морская ода. Начало [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/2013/02/28/4018> (дата обращения: 10.11.2013).
2. *Бланиш М.* Пространство литературы. М., 2002.
3. Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина. М., 1998.
4. Философия и литература: проблемы взаимных отношений (материалы круглого стола) / В. А. Лекторский [и др.] // *Вопр. философии*. 2009. № 9.
5. *Badiou A.* Handbook of Inaesthetics. Stanford California, 2005.
6. *Dicionário da Língua Portuguesa de Cândido Figueiredo*. Vol. 2. Lisboa. Livraria Bertrand, 1949.
7. *Lourenço A. A.* Identidade e alteridade em Fernando Pessoa e António Machado. Álvaro de Campos e Juan de Mairena. Editora Angelus Novus. Braga ; Coimbra, 1995.
8. *Pareyson L.* Os problemas da estética. 3 ed. São Paulo : Martins Fontes, 1997.
9. *Paz O.* Fernando Pessoa, o Desconhecido de si mesmo. Vega, 1988.
10. *Pessoa F.* Escritos Íntimos, Cartas e Páginas Autobiográficas. Fernando Pessoa. (Introdução, organização e notas de Antóónio Quadros.) Lisboa : Publ. Europa–América, 1986.
11. *Pessoa F.* Livro do Desassossego. São Paulo : Editora Schwarcz, 2008.
12. *Pessoa F.* Páginas Íntimas e de Auto-interpretação, Lisboa, Ática, 1966.
13. *Pessoa F.* Páginas sobre literatura e estética. Mem. Martins, Europa – America, 1986.
14. *Pina Coelho A.* Os fundamentos filosóficos da obra de Fernando Pessoa. Vol. 1. Editorial Verbo, 1971.
15. *Poesias de Álvaro de Campos*. Fernando Pessoa. Lisboa : Ática, 1993.
16. *Poemas de Alberto Caeiro*. Fernando Pessoa. Lisboa : Ática, 1946.
17. *Segolin F.* Fernando Pessoa: poesia, transgressão, utopia. São Paulo, 1992.
18. *Steiner G.* The Poetry of Thought. From Hellenism to Celan. N. Y., 2011.
19. *Tabucchi A.* Wer war Fernando Pessoa? München, Wien, 1992.

Рукопись поступила в редакцию 18 ноября 2013 г.

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЛЕКЦИЯ

УДК 122 + 123.1

Д. В. Пивоваров

ОСНОВАНИЕ, ПРИЧИНА, ЭФФЕКТИВНОСТЬ, ДЕТЕРМИНИЗМ

Лекция

В статье изложена авторская концепция взаимосвязи таких философских понятий, как каузальность, эффективность и детерминизм. Предложено рассматривать эти понятия как модификации взаимосвязи категорий основы, основания и обоснованного. Проанализированы концепты материальной каузальности и телеономной причинности. Показано различие между учениями монокаузализма и кондиционализма. Причинность истолкована как частный случай эффективности, а эффективность определена как существенное отношение изменений на выходе неравновесной системы к изменениям на ее входе. Уточнен и расширен принцип детерминизма, доказана его несводимость к принципу причинности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: основа, основание, обоснованное, условие, идея причинности, причина и следствие, целевая причина, индетерминизм, монокаузализм, кондиционализм, обратная связь в неравновесной системе, эффективность, принцип детерминизма, тенденция индетерминизма.

Обусловленность (детерминация) есть мера зависимости основания от своей основы, обоснованного — от основания. Характер детерминации выявляют в зависимости от специфики ее условий. Так, следствие обусловлено причиной и каузальными условиями, функция — условиями задавания независимой переменной, явления природы детерминированы особенностями действия объективных законов и т. д. Стало быть, различные виды детерминации (равно как и саму детерминацию) логично определять через взаимосвязь родовых понятий основы, основания, обоснованного и условия. Основа, основание, обоснованное и условие — философские категории, которые в их единстве обозначают характер обусловленности опосредованного непосредственным.

Основа, основание, обоснованное

Основа — неразвитое основание, а основание — развитая основа, определяющая свое окружение. Часто понятия основы и основания не различают, берут как синонимы. Тем не менее языковая интуиция требует их противопоставлять. Основа — остов, скелет, первичный очерк, набросок будущего сооружения или предмета (В. И. Даль). Гегель сравнивает основу с зародышем растения или человека, в котором еще нет развившихся частей-органов, нет четкого размежевания внешних и внутренних деталей. Основа, по Гегелю, безразлична к различиям своих предстоящих внутренних и внешних определений; это непосредственная самостоятельность, неразличенное тождество содержания с самим собой, лишённое опосредований. Внутреннее и внешнее в основе слиты воедино. Самостоятельной основой, считает Гегель, служит непосредственное, внутри себя многообразное существование [8].

Основа не некий фундамент, на котором стоит готовая конструкция, а остов («основ») еще не возведенной конструкции, своего рода генотип будущего фенотипа. Например, научная идея, взятая сама по себе и пока не развившаяся в теорию, — это основа, но не основание будущей теории. Когда же идея развернется в систему понятий и следствий, то станет основанием обоснованного — различенным единством исходных посылок и выведенных из них последствий. То, что вначале было основой, со временем обособится во внутреннее ядро (основание) своего окружения (обоснованного). Выделившись из своей сплошной основы, основание внутренне разовьется со временем в сложное единство частей и противопоставит себя обоснованному — внешнему своему-иному, тоже сложившемуся в дифференцированное целое.

Основание — то, что в данном отношении берется за непосредственное, а основанное — то, что опосредовано. Если A определяет B , то A можно называть основанием, а B — обоснованным (A и B — сущности и явления, вещи и процессы). Характер зависимости B от A является производной от условий их взаимодействия. Внутренние различия между основанием и обоснованным могут перерасти в противоречия, снимаемые новой основой.

Любое конкретное основание относительно. Оно противоположно не только своей исходной основе, но и безосновности, т. е. небытию, ничто, полному отсутствию сплошности, определений и обусловленности. Так, бытие Бога в отношении к себе есть безосновное, бездна. Богословы учат, что сущность любой основы заключена в первооснове, первооснова же — это первичная точка общности основы и основанного. Первооснова абсолютно безосновна, предшествует всему существующему, предстает полным безразличием ко всему и принципиальной недвойственностью.

Основание может обернуться изнутри самораскрывающимся бытием, а обоснованное тогда станет внешним, предметным бытием. Но основание бывает и внешним, поверхностным, неглубоким. В механическом смысле «основанием» именуют то, что непосредственно воспринимает нагрузку от опирающегося на него сооружения. Нередко термин «основание» заменяют его обыденным аналогом «почва»: беспочвенно — значит неосновательно; если есть почва для B , то

В основательно. Почва — своего рода основание, которое питает нечто и из которого это нечто произрастает.

В формальной логике обусловленность вывода основанием обозначают понятием импликация (логической причинности): основание есть antecedent условного суждения; под основанием в логике, кроме того, понимают аргумент, а также одну из основных частей доказательства. В естествознании основу изучаемых эффектов и событий часто ищут в каком-либо общем законе природы или принципе, т. е. предпочитают говорить об основе как о существенной связи явлений. Аналогично обстоит дело в юриспруденции: судьи обосновывают свои решения действующими юридическими законами и правовыми нормами. Одна из важнейших задач философии заключается в поиске последних или предельных оснований бытия и мышления (Бог, абсолютная идея, первома́терия).

Основание в логическом (иногда и в онтологическом) смысле первично по отношению к обоснованному, а обоснованное вторично в отношении к основанию. Если иметь в виду не саму первореальность как средоточие всего существующего и всеединое, от которой производно все остальное в мире, а обычные (непредельные) основания, то, вероятно, правильно утверждать, что всякое сущее имеет свое основание и условия своего существования. То, что на одном структурном уровне бытия (сущности) служит основанием для обусловливаемой реальности, само оказывается обосновываемым каким-нибудь более глубоким и мощным основанием. Следовательно, понятия основания, обоснованного суть предполагающие и переходящие друг в друга категории. Они тесно сопрягаются с понятием условия.

Условия — это вся совокупность агентов, способствующих действию *A* и появлению *B*. Выделяют необходимые, достаточные и избыточные условия. Необходимые условия создают реальную возможность *B*, а достаточные условия превращают эту возможность в действительность. Необходимые и достаточные условия, вместе взятые, создают основание для появления *B* как обоснованного.

Понятие условия нетождественно понятиям среды и обстоятельства. Последние охватывают собой все внешние объекты, окружающие *B*, в том числе случайные и не оказывающие на него сколь-либо заметного влияния. Условия же, во-первых, активны в отношении *B*; во-вторых, могут быть не только внешними, но и внутренними. Безусловное — всеобщая, вечная и неизменная первооснова мира, абсолютное бытие, безусловно-необходимое существо (Бог). Условное — это относительное и определенное существование.

Г. В. Лейбниц различил основание и причину, установил принцип достаточного основания для понимания истин факта. Основание он понимал как определяющую причину, которая производит то, что вещи существуют и существовали именно в таком, а не ином виде. Основание существования вещей, по Лейбницу, заключается в стремлении всякой сущности выйти наружу и обрести предметное существование. Вместе с тем у основания всегда больше реальности, нежели у обоснованного им. Нельзя найти достаточного основания существования ни в какой-либо отдельной вещи, ни в собрании их или

совокупности. Основания мира в целом, доказывал Лейбниц, надо искать вне самого мира: все возможное стремится к существованию, поскольку оно имеет основание в Боге. Возможности чего-либо возникают в сущностях вещей, основание возможности — это степень сущности [14–16].

И. Кант считал, что вместо термина «достаточное основание» лучше употреблять термин «определяющее основание»: ничто не истинно без определяющего основания. Познание истины всегда опирается на усмотрение основания. Все то, что содержит в себе основание существования какой-либо вещи, есть ее причина. Если для сущего нет основания, то его основание — это ничто, т. е. не-сущее.

Кант подразделил основания на логические и реальные. В логическом основании отношение причины к следствию может быть усмотрено с полной ясностью по закону тождества (обоснованное логически тождественно с основанием), а в реальном основании характер отношения причины и следствия никак не может быть предметом обсуждения, потому что дождь, например, определяется ветром не по закону тождества, не логически, а по внелогическому, реальному, основанию. Из закона определяющего основания, по Канту, следует: 1) в следствии нет ничего такого, чего бы не было в основании, ибо ничего нет без определяющего основания; 2) из вещей, которые не имеют между собой ничего общего, одна не может быть основанием другой; 3) следствие не может превосходить свое основание [12].

Много внимания данным категориям уделял Гегель. Основание он определил как сущность, тождественную с собой в своей отрицательности; основание есть внутри себя сущая сущность. Основание — это то, что непосредственно, а основанное — то, что опосредовано. То непосредственное, с чем основание соотносится как со своей существенной предпосылкой, есть условие, поэтому реальное основание по существу своему обусловлено.

Отсюда условие: во-первых, есть непосредственное, многообразное наличное бытие; во-вторых, оно соотнесено с иным бытием и положено в него; в-третьих, условие составляет предпосылку основания, оно есть в-себе-бытие основания. Когда налицо все условия какой-нибудь сути дела, то она вступает в существование. Приобретение условиями внутреннего характера — это прежде всего исчезание в основании непосредственного наличного бытия и становление основания. Гегель доказывал, что в философии движение вперед есть скорее возвращение назад, в основание — к первоначалу, исходным принципам [7].

После Гегеля категории основания и обоснованного исследовались преимущественно в логическом аспекте, проводились более детальные разграничения разновидностей оснований, в том числе субъективных и объективных оснований (А. Шопенгауэр, В. Вундт, Л. Витгенштейн и др.).

Идея причинности

Причина и следствие — парные философские категории, совместно выражающие один из моментов всеобщего взаимодействия, генетическую связь

явлений, т. е. обозначающие специфическую обусловленность некоторого обоснованного его основанием [19].

Идея причинности, вероятно, произошла из наблюдений за действиями людей по созиданию и изменению вещей, затем она была экстраполирована на весь космос (мировой порядок) и приобрела универсальный смысл. Принцип причинности обычно выражают формулой «если p , то q », в основе которой лежит следующее определение: причина есть такое явление p , которое с необходимостью порождает другое явление q , т. е. следствие. Необходимость проявляется через случайности, отсюда в реализации причины всегда есть момент случайного [20]. Причина и действие (следствие) не вещи, а происходящие в вещах необходимые события.

В силу единства мира каждое явление в той или иной степени зависит от некоторых иных явлений. Формы взаимообусловленности явлений многообразны, среди них в контрасте с причинностью современный детерминизм выделяет такие негенетические зависимости, как функциональная, вероятностная, корреляционная связи и связь состояний. От объективно-реальной причинно-следственной связи отличают умственную операцию формально-логического следования (импликацию), которая хотя и осуществляется также по формуле «если p , то q », но не сопряжена непременно с идеей материального порождения одного другим (вывода q посылкой p).

По мнению большинства философов и ученых, процесс причинения однонаправлен. Он характеризуется временной асимметрией (направлен от того, что есть, к тому, что возникает). Процесс причинения необратим. Следствие не может поменяться местами со своей причиной. Критики этой точки зрения считают нелогичным утверждение, будто причина предшествует во времени своему следствию — ведь тогда выходит, что в промежутке до появления следствия причина p вовсе не является причиной, поскольку не порождает q . Правильнее предполагать, во-первых, что p и q сосуществуют одновременно и, во-вторых, что следствие оказывает реактивное (обратное) воздействие на свою причину.

Высказывается также сомнение в универсальности принципа причинности. Некоторые исследователи говорят о возможности беспричинных материальных предметов. Периодически провозглашается, будто принцип причинности устарел и утратил свою методологическую ценность для наук. Есть также мнение, что именно человечество, антропоморфизировав явления природы, приписывает им каузальность, тогда как самой природе вещей причинность не присуща. Однако большинство ученых не торопятся расставаться с принципом материальной причинности.

Часто причины явлений глубоко скрыты от внешнего взора, и их нужно тщательно искать. Их следует вскрывать и вычислять, основываясь на интуиции, наблюдении, эксперименте, логическом размышлении. Процесс причинения можно изучать в вещественном, энергетическом и информационном аспектах. Идеалисты полагают, что объективная или субъективная цель (информация) способна сама по себе порождать явления, тогда как современные материалисты берут причину как единство вещества, энергии и информации,

всякий раз соотнося их между собой в разных пропорциях. Соответственно степени значимости того или иного абстрактно выделенного аспекта причинения о причине говорят как о преимущественном переходе от p к q либо вещества, либо энергии, либо информации. При этом ученые опираются на законы сохранения материи и энергии, а также на закон возрастания информации.

Причины классифицируют по-разному. Конечную причину (лат. *causa finalis*) выводят из абсолютного первоначала (Бога, материи-субстанции), а вторичные — из модусов Абсолюта. Непосредственные причины обладают прямым действием, опосредованные же завершаются эффектами через ряд промежуточных звеньев. Можно выделять также внутренние и внешние, главные и неглавные, жесткие и нежесткие причины. Цепи причинения бывают однолинейные, двулинейные с обратной связью и разветвляющиеся. Объективные причины осуществляются независимо от воли и сознания людей. Субъективные причины заключены в целеполагании, воле и действиях людей; они зависят от их эмоций, опыта, разума, интуиции.

Целевая причинность — особый случай информационной причинности. Телеология (от греч. *telos*; род. падеж. *teleos* — цель; *logos* — слово, учение) объясняет всю цепь мировых событий и генезис отдельных явлений верой в целенаправленные воздействия (Бога, энтелехии) на вещество; творческое сознание человека тоже трактуется как источник каузальной детерминации. Под телеологией обычно понимают: а) учение о действии в природе и обществе внечеловеческих объективно-идеальных целей (трансцендентных или имманентных); б) концепцию причинной обусловленности искусственных предметов сознательными целями людей. Это учение развивалось преимущественно в рамках идеалистической философии.

Как известно, В. Вундт ввел понятие психической причинности и доказывал, что одни душевные процессы сильно зависят от других психических явлений: чувство обуславливается восприятием, восприятие — волей и т. д. [6]. Следует заметить, что некоторые современные материалисты все-таки нехотя признали (хотя и с забавными пантеистическими оговорками) целевую причинность. Они увязали идею объективной стихийной закономерности мира с идеей целесообразности органических и технических целостностей и переименовали «целевую причину» в «телеономную причину» (от греч. *telos* — цель, *nomos* — закон, наука). По их мнению, целесообразность не заложена изначально в живой природе, а есть результат спонтанной эволюции материи.

Например, высказывается предложение заменить понятие телеологии, имеющее специфический смысл в богословии и идеализме, научно-материалистическим понятием телеономности. Телеономную причинность определяют как стихийно-закономерное порождение явлений информационными потоками (программой) с организованными обратными связями. Цели, которыми люди руководствуются в своих воздействиях на знаки или объекты практики, относят к разряду осознанно-телеономных причин [1].

Но отличается ли по существу признание рядом материалистов телеономных причин от тезиса о реализации законов материи в физических явлениях? По-видимому, это тавтология. Выходит, что материя-субстанция почему-то

вечно стремится опредметить свои постоянные цели-законы в явлениях природы, но никогда не реализует их до конца, не достигает феноменального совершенства. Если законы природы вечны и все им подчинено, то телеономные причины универсальны. Следовательно, все иные причины надо выводить из целей-законов, что равносильно утверждению: ни одна субстанциальная цель не может быть до конца исполнена.

Если телеономные причины (читай: «объективные цели-законы») вечны и не подвержены эволюции, то нелогично утверждение, будто целесообразность в живой природе есть, с одной стороны, частный случай неизменной телеономности, а с другой — следствие стихийного изменения телеономных причин. Логичным было бы обратное: а) либо телеономные причины эволюционируют; б) либо целесообразность противоречит телеономности и возникает вопреки ей. Наконец, неясно, зачем вообще обращать внешнюю аналогию между целенаправленностью и спонтанным действием некоторого закона природы в пантеистический тезис о стихийных целях материи? Не проще ли наделить материю-субстанцию сверхразумом и вслед за монотеистами сказать, что Абсолют претворил свои осознанные цели в физические законы и подчинил этим законам все явления природы?

Считается, что Будда Гаутама первым сформулировал в общей форме принцип причинности и придал ему этический смысл. Он учил, что жизнь есть страдание, а страдания причиняются нашими желаниями. Главные причины страдания суть зависть, невежество и похоть. Наибольший вклад в разработку принципа причинности внесли Аристотель, Ф. Бэкон, Б. Спиноза, Дж. Ст. Милль.

Аристотель ввел понятие первопричины космоса. Первопричина — Нус, божественный разум, перводвижитель. Она первична, единственна, проста, трансцендентна и самоопределяема. Рассматривая пример со скульптором, Стагирит классифицировал причины на действующие, материальные, формальные и целевые. Действующая причина — сам скульптор, он производит изменения. Материальная причина — вещество (мрамор), в котором происходят изменения. Формальная причина есть принцип организации материи. Она представляет собой идею, неотделимую от материи, т. е. форму продукта деятельности скульптора (законченная статуя). Целевая, или конечная, причина связана с представлением об аттракции, намерении, цели действия — например, со стремлением скульптора произвести художественный объект [3]. Современные философы предпочитают пользоваться только понятиями действующей и целевой причины.

Юм поставил под сомнение универсальность принципа причинности. На каком основании можно утверждать, что любая возникающая вещь имеет свою причину и почему эта причина с необходимостью должна вызывать определенные следствия? Размышляя над этими вопросами, Юм счел логически недоказуемым существование причинности, поскольку то, что принимают за «следствие», не содержится в том, что именуют «причиной», и большинство следствий вовсе не похожи на их причины. Понятие причинности родилось, по мнению Юма, из следующего обыденного умозаключения: «после этого — значит по причине этого». Такое ошибочное умозаключение со временем

переросло в устойчивую ассоциацию ожидания и стало массовой привычкой. Люди начали верить, что если где-то появляется p , то оно непременно вызовет в будущем событие q . На самом же деле физическая необходимость — это вымысел человеческого мозга. Смежность и соединение p и q чувственно воспринимаемы, но необходимость их взаимосвязи нам в опыте не дана. Принцип причинности, заключает Юм, проистекает из особенностей нашей психики и вряд ли применим к реальному миру [21]. Философское сомнение в объективном характере причинных связей либо отрицание универсальности принципа причинности можно назвать «индетерминистской тенденцией в философии».

Индуктивные методы выявления различных причин были предложены Дж. Ст. Миллем, который развил эмпиризм Ф. Бэкона; это методы сходства, различия, сопутствующих изменений и метод остатков. Общая идея этих методов заключается в рассмотрении обстоятельств изучаемого явления с тем, чтобы, исключая все те из них, которые не могут быть его причиной (или следствием), принять в качестве искомой причины неисключенные обстоятельства [4]. При изменении условий меняются способ действия причины и специфика следствия.

Часто считают, что одинаковые причины порождают одинаковые следствия. Причина, однако, реализуется не в «чистом» виде, но через многообразие каузальных условий. Каузальные условия — факторы, от которых зависит возникновение, существование и исчезновение той или иной вещи, но которые сами по себе не продуцируют данную вещь [18]. Определенную роль в инициации причинной связи может сыграть повод, т. е. внешнее пусковое условие случайного характера.

Причины трудно отделить от условий их действия не только на практике, но и в теории. Поэтому постоянно противостоят друг с другом два методологических подхода — монокаузализм (от греч. *μονος* — один, единственный; от лат. *causa* — причина) и кондиционализм (от лат. *condicio* — условие). В самом деле, граница между условиями и причиной относительна, причина действует через условия и под их влиянием.

Монокаузализм исходит из тезиса, что у каждого явления есть только одна собственная причина, а каузальность принципиально отлична от суммы условий. По существу, монокаузализм отрицает важную роль условий в порождении причиной следствия. На позиции монокаузализма стоят многие традиционно мыслящие философы и ученые. Напротив, кондиционалисты (Д. С. Милль, М. Ферворн и др.) сводят причину к полной сумме всех тех условий, которые предшествуют объясняемому явлению. Они растворяют причину в сопутствующих условиях либо вообще предлагают устранить из наук понятие причины. Попытки отыскать золотую середину между этими точками зрения пока не отличались логической ясностью.

Эффективность

Эффективность — это существенное отношение изменений на выходе неравновесной системы к изменениям на входе. В основе многих неравновесных

процессов лежит превращение одной формы энергии в другую. Обычно мы начинаем пользоваться понятием эффективности, когда задаем вопросы: какова потеря энергии, можно ли снижать потери до некоторого эталонного уровня?

Эффективность функционирования неравновесной системы определяется ее способностью разрешать внутренние и внешние противоречия. Существуют несколько условий и требований, предъявляемых к показателю эффективности:

а) показатель эффективности характеризует систему в целом, а не какую-то ее часть;

б) показатель эффективности и его зависимость от установленных факторов должны обеспечивать получение количественной оценки с требуемой достоверностью;

в) необходимо, чтобы область изменения показателя эффективности имела четко очерченные границы.

Показатель эффективности есть некоторая величина, которая получена от деления выходного потока системы на ее входной поток [5]. Обратные связи существенно влияют на эффективность функционирования системы. В данном случае обратная связь понимается как воздействие результатов функционирования (выхода) неравновесной системы на характер самого функционирования (входа). При определенных условиях обратная связь (положительная или отрицательная) может обеспечить рост эффективности использования внешней энергии.

В самом общем смысле понятие эффекта означает реализацию энергии некоторой причины в ее следствии. Малая причина подчас вызывает лавинообразное, катастрофическое действие, т. е. она выступает как пусковая причинность. При анализе функционирования нелинейной системы невозможно ограничиться обнаружением некоторой первопричины. Также недопустимо игнорировать внутренние и внешние случайные факторы, роль граничных условий и среды, так как именно флуктуации в решающей степени определяют коренную трансформацию системы в области аттракторов.

Применительно к весьма распространенным в природе самоорганизующимся системам с обратными связями традиционное понятие причины становится очень туманным. И. Кант и Г. В. Ф. Гегель допускали мысль о нелинейности и необратимом характере взаимодействия материальной причины и следствия: в действии есть нечто такое, чего не было в причине. Даже если причина прекратилась, инициированный ею эффект продолжает развиваться. Субстрат, подвергаемый какому-либо причинному воздействию, имеет активную инерциальность. В особенности это характерно для живых организмов и духовной жизни человека — не допускать в себе продолжения какой-либо причины, а прерывать и преобразовывать ее. По мнению Гегеля, абстрактное рассудочное толкование связи причины и следствия — как временного предшества и необходимого порождения причиной следствия — может быть преодолено в результате более многостороннего понимания каузальности как взаимодействия и взаимоизменения причины и следствия: взаимодействие есть причинное отношение, положенное в его полном развитии [9].

Чтобы не путать рассудочное и более научное толкования причинности, вероятно, следует обобщить их в особом понятии эффективности, в котором концепты причины и следствия отражены наиболее полно. Эффективность — это такой процесс (и результат) взаимодействия прямых и обратных связей в неравновесной системе, который ведет самоорганизующуюся систему к реализации некоторой цели.

Понятие эффективности не тождественно представлению о фатальной необходимости порождения пусковым фактором A следствия B . Реальный процесс порождения B так или иначе связан с действием необходимых и случайных, внутренних и внешних факторов и условий. Важнейшую роль в функционировании неравновесной системы играет внутренняя случайность. Природа такой случайности скрыта в относительной автономности элементов системы. Сложные внутренние процессы, происходящие в любой из подсистем, способны изменять (особенно в точках бифуркации) целенаправленное поведение системы. Активность элементов системы порождает внутренние сравнительно независимые потоки, взаимодействующие с основными потоками системы. Поэтому понятие эффективности включает в себя интегральный результат необходимой и случайной каузальности, причем обе — внутреннего характера. На поведение системы оказывают существенное влияние внешние шумы, изменения среды и условий функционирования.

Понятие эффективности является своеобразной мерой динамики двух противоположных — энтропийного и неэнтропийного — процессов внутри системы. В разные моменты времени соотношение этих процессов различно, доминирует то одна, то другая тенденция. Термодинамика необратимых процессов позволяет объединить три краеугольных теоретических основания: 1) второе начало термодинамики для открытых систем; 2) принцип роста неэнтропии, развиваемый преимущественно биологической наукой; 3) понятие эффективности преобразования энергии.

В системах с обратными связями понятия причины и следствия мало что объясняют, поскольку внешние и внутренние потоки взаимооборачиваются подчас таким образом, что следствие оказывается гораздо активнее причины. Правда, существуют системы, обратные связи в которых не могут физически влиять на источник входных сигналов и его энергию. Тем не менее и в этом случае обратная связь все-таки активно изменяет поступающее на вход системы содержание. Иногда источник внешнего и проходящего через систему потока исчезает. Тем не менее трансформированное содержание данного потока воспроизводится обратной связью на входе системы.

Любой поток в системе обусловлен разностью потенциалов (разность потенциалов составляет обобщенную силу), какой бы природы они ни были. Крайними сторонами потока на выходе являются избыток и недостаток потенциала, отсюда параметр порядка принимает как положительные, так и отрицательные значения. Внутренние неосновные потоки в системе могут подчас использоваться ею для ускоренного возвращения в равновесное (стационарное) состояние. Либо, напротив, эти потоки иногда способны увеличивать свободную энергию системы, расходуемую на противодействие внешнему потоку.

Эффективность функционирования неравновесной системы связана с производством энтропии, а это значит, что рост диссипации энергии будет увеличивать эффективность системы. Таким образом, эффективность есть интегральный параметр неравновесной системы, характеризующий ее взаимодействие с окружающей средой и соотношение в ней процессов обратимости и необратимости. Эффективность связана с неравновесностью. Она определяется через параметры неравновесности и является функцией целостности системы и параметра порядка.

Внешний и внутренний потоки образуют, по сути, производительную силу неравновесной системы, поскольку выполняют работу, в результате которой система стремится к экстремальному состоянию. Описание полной эволюции любой природной или социальной системы с помощью традиционного учения о причинности невозможно, так как пришлось бы принимать во внимание невообразимое количество взаимодействий внутри каждого элемента. В неравновесных условиях нужно учитывать согласованность пространственных и временных характеристик, ибо у любой части целого есть свой ритм, своя направленность.

Учитывая познавательную сложность неравновесных систем, следует признать понятие эффективности более конструктивным, нежели понятие монокаузальности. Оно в состоянии объединить в некотором диалектическом синтезе два утверждения: 1) у каждого эффекта есть только одна причина (монокаузализм); 2) каждое явление есть продукт множества условий (кондиционализм). Как видим, понятие эффективности значительно расширяет представление о причинности.

Детерминизм

Детерминизм (от лат. *determino* — определяю) — философское учение о различных видах обусловленности явлений материального и духовного мира. Идеи о порождении вещей стихиями и зависимости одних явлений от других возникли с незапамятных времен. Они уходят корнями в древние мифы о сотворении мира, кроются в религиозных учениях о божествах, предопределении и судьбе, обнаруживаются в анимизме, тотемизме, фетишизме и магии. Слово «детерминация» происходит от «Терминус» — имени римского Божества границ и межей. Позже это слово стало обозначать операцию логического определения понятия через его ближайший род и видовые отличия; ныне его стали применять в более широком значении объективной зависимости вещей от порождающих их причин — первоначал, законов природы.

Центральный и традиционный принцип этого учения — принцип причинности. В недавнем прошлом под понятие детерминизма подвели только учение об универсальной причинности. Мир изображался в детерминизме цепью прямо и жестко действующих причин. В этой цепи не находилось места для случайностей. Ныне содержание детерминизма существенно расширилось. В него добавлены представления об опосредованных причинах, случайной и вероятностной формах каузальности. Также учение о детерминизме включило в себя

представление о косвенно сопряженных с причинностью некаузальных связях [2].

Обобщенную дефиницию детерминизма нередко предлагают формулировать через понятие объективного закона: детерминизм есть учение об объективной закономерной взаимосвязи и взаимообусловленности явлений материального и духовного мира. Эта широко распространенная дефиниция, несомненно, узка. Во-первых, в ней не учтена объективная незакономерная детерминация феноменального типа (акцидентальная сингулярность, одноразовая мутация). Во-вторых, в данной дефиниции не предусмотрены субъективные формы детерминации (целевая, бессознательно-психическая, логико-функциональная). Те, кто исходят из такой дефиниции, считают индетерминистами сторонников всякой телеологии — объективно-идеалистической и субъективно-идеалистической.

Материалисты не смогли внятно доказать, будто «субъективные причины» — это всего лишь пустые выдумки идеалистов, а причины любых умопостроений людей (в том числе поэтических образов, фантазий и даже логических ошибок) нужно непременно выводить из регулярностей нейрофизиологических процессов, схем практики или из объективных законов внешнего мира. Среди марксистов, например, распространено мнение, что к индетерминистам надо, в частности, отнести мыслителей, которые видят источник причинной связи в человеческом сознании. Это мнение, по-моему, неточно. Трудно не признать специфическую детерминированность человеческих поступков и дел осознанными целями людей.

Творческая мощь сознания и субъективное целеполагание — важнейшие факторы человеческой деятельности, изучаемые телеологией. Наука, не учитывающая роли целеполагания в траектории движения тел, часто не способна объяснять эти траектории. Так, из чисто физического описания наблюдаемой траектории полета самолета ученый не сможет выделить векторы дальнейшего перемещения и пункт приземления этого физического тела — для этого необходимо знать преследуемую летчиком цель полета. Поэтому, полагаю, телеологию следует считать важной разновидностью детерминизма.

Последовательный индетерминизм крайне редок в истории философии, поскольку философская профессия требует рационально и доказательно объяснять предельные основания бытия и мышления. Она требует логически выводить нечто зависимое из независимого — из тех или иных базовых интуиций о материи, духе, сознании, воли и т. п. Материалисты убеждены, что подлинный детерминизм есть всего лишь концепция материальной детерминации, а идеалисты, напротив, ищут истину в определении материи духом.

На мой взгляд, индетерминизм не есть особое и отдельное философское течение. Он является всего лишь одной из тенденций во всякой философии — тенденцией ставить под сомнение либо отрицать детерминацию (материальную или духовную). Эта тенденция необходимо, хотя и по-разному, сопряжена с противоположным стремлением помыслить зависимость материальных и духовных явлений от каких-нибудь мощных факторов. Вряд ли, скажем, следует безоговорочно причислять Юма или Канта к индетерминистам, что марк-

систы делают сплошь и рядом. Юм обосновывает веру в причинность устойчивыми привычками людей, а Кант — безусловной и врожденной нам способностью творческого воображения. В то же время с идеалистической точки зрения отрицание материалистами телеологии тоже есть своеобразная тенденция индетерминизма. По-видимому, можно сказать, что марксизм — это детерминизм «снизу» и индетерминизм «сверху».

Более точное определение детерминизма требует иных понятий, причем более абстрактных, нежели причинность и объективная закономерность. Вероятно, тут более подойдут понятия основы, основания и обоснованного. Детерминизм есть учение о детерминации, т. е. о формах зависимости основания от своей основы и обоснованного от основания. Характер детерминации выявляется в связи со спецификой ее условий. Так, следствие обусловлено причиной и каузальными условиями. Функция определяется условиями задания независимой переменной. Явления природы детерминированы особенностями действия объективных законов.

В истории философии сложились три концепции детерминизма: объективно-идеалистическая (Платон, Аристотель, Плотин, Гегель и др.), субъективно-идеалистическая (Протагор, Беркли, Фихте, Кант и др.) и материалистическая (Демокрит, Гоббс, Гольбах, Фейербах, Энгельс и др.). Объективные идеалисты полагают, что космос и наше сознание порождены и определяются целенаправленной деятельностью духовного Абсолюта, трансцендентного либо имманентного. Субъективные идеалисты ищут причину нашего мировидения в деятельности человеческого сознания, которое продуцирует идеальные цели, придумывает образы мировых связей и экстраполирует их вовне. Материалисты выводят конечную причину мирового порядка из идеи об универсальном и закономерном взаимодействии материальных явлений.

В европейской истории материалистического детерминизма можно различить три периода: 1) античный (Милетская школа, атомисты, учения Эмпедокла, Анаксагора и др.); 2) механистический детерминизм XVII–XVIII вв. (Галилей, Ньютон, Гоббс, Лаплас и др.); 3) вероятностный детерминизм XX в. Некоторые ученые предсказывают, что в XXI в. появится вероятностный многозначный детерминизм, который пока трудно себе представить.

По П. Гольбаху, все материальные и духовные события фатально предопределены [10]. П. Лаплас думал о космосе как о замкнутой системе и верил в возможность однозначно предсказывать состояние мира в любой момент времени, если известны исходные условия [13]. Такой взгляд назван «демоном Лапласа».

В отличие от лапласовского (жесткого, «железного») детерминизма, вероятностный детерминизм учит, что данная причина не обязательно непосредственно вызывает именно такой-то эффект. Нередко причина нелинейно действует через множество внутренних и внешних условий. Она зависит от истории прежних взаимодействий, а ее необходимый характер проявляется в форме случайности. В истории идеалистического детерминизма особых периодов не выделяют, хотя, например, метафизический детерминизм Платона явно отличается от диалектического детерминизма Гегеля. Важную роль в объективно-идеалистическом детерминизме играет понятие предопределения.

Современные философские дискуссии прежде всего сопряжены с вопрошанием о трех уровнях причинных определений: существуют ли: 1) сингулярные причинности; 2) причинные законы; 3) причинно-следственная сила (каузальная потенциальность и возможность)? Важно также выяснить, каковы отношения между этими уровнями [17]. Например, можно ли на самом деле каждую сингулярную причинность подвести под некий закон природы [11]?

В социологии ряд концепций являются той или иной разновидностью детерминизма. Так, исходное учение К. Маркса называется «экономическим детерминизмом», поскольку в нем утверждается, что все формы социального бытия и общественного сознания детерминированы теми объективными законами экономики, которые господствуют в обществе. Представители «культурного детерминизма» развили мысль, что всякая культура каузально обусловлена базовыми идеалами и нормами жизни. Э. Дюркгейм и М. Вебер показали, что именно религия сакрализует эти базовые ценности. «Технологический детерминизм» — вид социального детерминизма, согласно которому общественное развитие определяется технической цивилизацией, но сам рост техники мало зависит от сознания и деятельности людей, создающих ее.

-
1. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия. М., 2004. С. 497–498.
 2. Anscombe G. E. M. Causality and Determination. Cambridge, 1971.
 3. Аристотель. Метафизика. Ростов-н/Д, 1999. С. 106–109.
 4. Бирюков Б., Швырев В., Суханов А. Методы исследования причинных связей // Филос. энцикл. : в 4 т. М., 1964. Т. 3. С. 421–423.
 5. Быстрой Г. П., Пивоваров Д. В. Неравновесные системы: целостность, эффективность, надежность. Свердловск, 1989. С. 82–119.
 6. Вундт В. Введение в психологию. М., 2007.
 7. Гегель Г. В. Ф. Учение о бытии // Наука логики : в 3 т. Т. 1 : Учение о бытии. М., 1970. С. 127, 205; Т. 2 : Учение о сущности. М., 1971. С. 11, 13, 18, 31, 58–60, 72, 82, 152.
 8. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. М., 1971. Т. 2. С. 153, 168
 9. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук // Наука логики : в 3 т. М., 1975. Т. 1. С. 331–340.
 10. Гольбах П. А. Система природы // Избранные произведения : в 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 237.
 11. Davidson D. Essays on Actions and Events. Oxford, 1980.
 12. Кант И. Прологомены // Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4 (1). С. 169, 197, 344, 370, 419, 420, 425.
 13. Лаплас П. С. Изложение системы мира. Л., 1982. С. 364.
 14. Лейбниц Г. В. Абсолютно первые истины // Соч. : в 4 т. М., 1984. Т. 3. С. 123, 124.
 15. Лейбниц Г. В. Об основных аксиомах познания // Там же. С. 141.
 16. Лейбниц Г. В. Среднее знание // Там же. С. 142.
 17. Mellor D. H. The Matter of Chance. Cambridge, 1971. Ch. 4, 8.
 18. Парнюк М. А. Принцип детерминизма в системе материалистической диалектики. Киев, 1972.
 19. Пивоваров Д. В. Основные категории онтологии. Екатеринбург, 2003. С. 108.
 20. Suppes P. A Probabilistic Theory of Causality. Amsterdam, 1970.
 21. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. : в 2 т. Т. 1. М., 1966. С. 168–181.

УДК 1(091) + 101.8 + 141.5

О. Б. Ионайтис

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ФИЛОСОФИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ (XI–XVII вв.)

Лекция

В лекции рассматриваются логика развития, основные направления и темы антропологической проблематики в средневековой Руси (XI–XVII вв.). Особое внимание уделяется проблеме духовного совершенствования человека, воспитания новой личности в идеалах христианства; также показано понимание отечественными средневековыми мыслителями смысла жизни человека в кризисные периоды исторических потрясений, как это было, например, в эпоху раскола.

Ключевые слова: русская средневековая антропология, философия сердца, человек и мир в русской средневековой философской мысли.

В русской средневековой философии две темы были центральными — историософская и антропологическая. Именно они получили всестороннее развитие в отечественной философской мысли XI–XVII вв., всегда были тесно связаны [6].

Изначально следует отметить, что в антропологической проблематике основными константами были сердце человеческое и любовь. Такие понятия, как сердце и любовь, выступают главными характеристиками бытия человеческого. Например, описания познания человеком Бога часто передается через такие выражения, как «собирая мысли в сердце своем», «вложил Бог мысль в сердце его», «просветлил сердце свое» и т. п. Бытие человека характеризуется через такие определения, как «тяжкосердие», «высокоумные сердцем», «темные сердцем», «сердце их суетно», «ослеплены очи духовные» и т. д.

Сердце человека часто уподобляется такому значимому библейскому образу, как псалтырь. Например, в «Азбуковниках», которые, по сути, являлись русскими средневековыми энциклопедическими словарями, указывалась широкая палитра понимания того, что может именоваться псалтырью. В «Азбуковниках» писали, что псалтырь — это: 1) древний музыкальный инструмент, звуки которого улаждают слух; 2) книга псалмов, составленная царем Давидом, которая улаждает душу; 3) сам человек, имеющий десять чувств (пять телесных и пять духовных), который своим совершенствованием улаждает Бога. Также подчеркивается, что человек, познающий и испытывающий влияние высших истин Священного Писания, становится сам подобием псалтыри, что воспекает славу Господу, а определяет и направляет этот процесс сердце человеческое.

Русские книжники склонны были воспринимать окружающий мир как пример гармонии, блага. Но, как бы ни был прекрасен мир, вершиной творения является человек, более того, сам процесс творения был осуществлен для него. Осознание этого делает человека счастливым, смелым, гордым и открывает

неограниченные перспективы для деятельности и творчества. В «Слове о расслабленном» и «Притче о душе и теле» Кирилл Туровский указывает на то, что человек изначально определен как цель мироздания. Мир — гармония, в которой связующим звеном является именно человек. И от констант его бытия зависит сохранение красоты и единства мироздания.

В своем знаменитом «Поучении» Владимир Мономах пишет о том, что все существующее Бог дает в управление человеку. При этом речь идет не об отдельном человеке, а обо всем человечестве. Отсюда значимость проблемы истории, в которой участвуют Бог, человек и мир. Поэтому русских средневековых мыслителей так интересовало понимание души человека, ее устремлений.

Рассуждая о бытии человека, о поиске им смысла жизни, русские средневековые мыслители рассматривали соотношение духа, души, тела и плоти. Авторы «Изборника Святослава 1073 года» употребляют понятие «тело» в противоположность не «душе», а «духу», в то время как «плоть» рассматривается в оппозиции «душе». Если плоть и душа «комплектуют» тело, то дух оказывается силой, автономной по отношению к телу. Тело — одушевленная плоть. Таким образом, душа считалась частью тела, она при помощи плоти воплощена в теле. Все присутствующие в человеке изъяны, несовершенства и пороки оказываются связанными не с телом, но с плотью. Следовательно, зло мыслится не в самом телесном, но в испорченности плоти, вызванной грехопадением. Причина зла и греха, делается вывод, не в материи, а в воле. И, следовательно, цель спасения усматривается не столько в освобождении души от плоти, сколько в освобождении плоти от греховности, исправлении ее через одуховление.

Были представлены и другие варианты. Например, в «Изборнике 1076 года» дилемма «плоть — душа» решалась так: различие у человека души и тела можно мыслить лишь в абстракции. Автор сборника, следуя канону, предписывающему понимать Христа состоящим из двух природ — Божественной и человеческой, проецирует это понимание единства двух природ на человека. Поэтому душа и тело едины и нераздельны, их можно различать по свойствам, функциям и назначению, но совершенствовать их необходимо совместно.

В «Слове о расслабленном», а в особенности в «Притче о душе и теле», Кирилл Туровский пишет о том, что тело человека объединяет его с природой, с физическим, т. е. с тем, что смертно и разруσιμο. И только «живая душа» — мир духовный, невидимый — спасет человека, так как она формирует из физического человека сознательную личность. Она же развивает волю человека по правильному направлению — по направлению к единению с Создателем. Изначально данная свободная воля была подарком человеку от Бога, который человек сам по свободному же волеизъявлению смог утратить.

Но какой бы точки зрения ни придерживались русские средневековые авторы, все они сходились в одном — забота о душе является главной целью жизни человека: «Тот, кто о душе своей не заботится, только о смертной плоти печется, подобен тому, кто рабыню кормит, а госпожу отвергает. Тот, кто ищет земных благ, забывая о небесных, подобен человеку, который хочет пахаря иметь на стене изображенного, а не в поле пашущего» [9, 214]. Или: «...думал,

как бы корабль своей души уберечь с Божьей помощью от многих бурь и волн, то есть напастей от бесов и людей, с надеждой не погибнуть в этих бедах и достичь пристанища спасения, и в тишину Небесного Иерусалима нашего Бога пройти. Ибо в святых книгах пишется, что здешняя жизнь — это смерть, искушение и война, так что трудно кому-либо пройти ее без напастей» [2, 73], это возможно, лишь совершенствуя душу свою, укрепляя ее в вере и силе, совершенствуя в подвигах любви к ближнему.

В ряде текстов содержатся попытки ответить на вопрос: почему в мире существует сила, способная нарушить волю Бога, почему в мире существует зло? Этот вопрос имел важнейшее значение для понимания смысла жизни человека. Так, например, авторы «Изборника Святослава 1073 года» объясняют, что Бог допускает существование зла (так называемая концепция «Божьего поущения») со следующими целями: показать свое могущество, испытать силу любви к Нему, выявить тех, кому будет даровано бессмертие, побудить к выполнению норм, предписанных Им. Это одна сторона теодицеи, другая состоит в том, что человек сам повинен, что «...погубляет своя пути... человек самовластен есть о своем спасе и погыбели» [3, 165]. Таким образом, ответственность за зло перекладывалась на каждого индивида, который сам решает свою судьбу, так как воля человека свободна.

Свое мнение по данному вопросу высказывает и Кирилл Туровский в «Притче о расслабленном». Автор указывает, что грехопадение имело два последствия. Во-первых, человек образ Божий в себе предал на тление. Во-вторых, вслед за человеком в грех была ввергнута и природа. Примером чему являются землетрясения, наводнения и другие природные катаклизмы. Образ, который использует Кирилл Туровский, образ уходящий в библейское предание, — «расслабленный человек». «Расслабленный» — страдающий после грехопадения человек, а в целом таковым является и все человечество. Речь, которую произносит «расслабленный», полна страданий, молбы. Главная ее идея — выражение «нужды» человечества в Боге, в Его любви и милосердии, в спасении. Приход Христа в мир воспринимается как врачевание от «праотеческой скверны», от «растлевающего греха». В речи Иисуса Христа особенно подчеркивается мысль, что Его явление в мир совершено ради спасения человека, ради нового союза с ним.

В «Слове о слепце» Кирилла Туровского звучит тема обновления Богом человеческого естества, великой всепрощающей любви к человечеству, его спасения. Важно, что от человека ожидается активное стремление к установлению гармонии с Богом, для чего свободная воля человека должна быть направлена к Творцу.

Рассуждения о добре и зле, сосредоточенность на проблеме несовершенства окружающего мира, на его склонности к греху привели средневековых мыслителей к тому, что постепенно закреплялась тенденция к оценке всего в таких универсальных категориях, как добро и зло. Например, по мнению авторов «Пчелы», человек может быть либо только лукавым и злым, либо добродетельным и правым, нравственные качества зависят от его «естьства». И все же человек в принципе может преодолеть в себе зло, способен воспитать

потребность в добре. И наоборот, человек, по природе добрый, может стать орудием лукавого, если не «испытывает», «...что есть естеством добро и что есть зло» [7, 57–91].

В «Изборнике Святослава 1073 года» вся окружающая человека действительность представлена либо как зло, либо как добро. При самом внимательном изучении текста почти невозможно обнаружить суждения проблематические, все четко соотносено с понятиями «добро» или «зло». Показательна в этом плане статья «О супротивных». Названные понятия трактуются таким образом: «Супротивья же истовая суть елико же их погублением супротивных съставляють ся, рекше, доброта и злоба, видение и слепоту» [3, 233]. Добро же существует как отрицание зла, они прямо противоположные явления: «...погубляемо злобе съставляють ся доброта... да сица убо супротивья наричеть ся, елико же в купе съставити ся не могут, нь всяко погубляемо единому есть другое» [Там же, 233 об.]. Добро выступает как совокупность космологических, социальных, психологических факторов, благоприятно влияющих на человека.

Мир построен «страданиями, скорбями и отрадами», а беды, посылаемые Богом, — залог возвращения его и человека в изначальное состояние. Наказания следует воспринимать как радость и благодарить за них Бога. Более того, они есть ценность и благодать. Парадокс ряда высказываний устанавливает обратно пропорциональную зависимость между злом и эсхатологической благодатью: «Рече Господь, яко выплачете рыдаете вы, мир же весь взрадуется а вы в печали будете... И предани будете и от родитель, и братия, и другы, и уморять от вас, и будете ненавидимы от всех, имене моего ради. В тьрпении вашем приобряшете и душа ваша» [Там же, 66]. Таким образом, утверждается, что через испытания, скорбь и страдание человек приходит к добру.

Для авторов Киевской Руси все же характерно довольно лояльное отношение к человеку. Показательным в этом смысле является «Изборник 1076 года», в котором предлагается широкий спектр стилей жизни человека. Однако превалирует все же дух умеренности. Требования, звучащие в тексте, не содержат максималистских тезисов, не подразумевают и не призывают прямо к полной аскезе, прекращению трудовой деятельности, социальных контактов, не рекомендуют всем и сразу же отказаться от семьи, имущества и т. п., хотя и в духе христианского мировосприятия звучат мысли о бренности и тленности всего земного и об идеале стремления к небесным благам: «Чядо не буди самохотью лишен вечнааго жития. Греха бежи, яко ратьника, губящего душу твою. Не възсошти веселовать ся в мире семь. Все бо веселие света сего с плачем коньчавається, и се яве видите в мире семь в двоих суседех: у сих сватьбу творять, а у других мрътвеца плачють. И ть же плачь суетьны — дньсь плачють ся, а утро упивають ся. Темь же разумей суету века сего и скоропадающтю плть нашу. Дньсь бо растем, а утро гнием. Темь же в молеми животе възмити вечныя жизни ими же от сея жизни вечныя несть ни скърби, ни въздыхания, ни плача, ни сетования, нь радрсть и веселие, свет и мьрьця, слньце сам Господь. Ту жизнь възлюби, к тои по вся дньи тьштися и о то и вьну помышляи» [4, 168–170].

В «Изборнике 1076 года» обрисованы семь ступеней, прохождение которых приближает человека к Богу. Первая: человек погружен в плотские страсти и предстоит перед Богом как «перед смертью»; вторая: как должник, предстоит и отвечает Богу; третья: как раб со страхом и молитвой; четвертая: как «наймник», обладающий свободой и желающий получать плату; пятая: как друг предстоит перед Богом и обращается к Нему; шестая: как сын к Богу «дерзает»; седьмая: «вышши вьсех есть и на преждьспяние, братосътворение к Богу» [4, 597–600]. Показательно, что моделью для определения действительного места каждого элемента этой градации послужили на первых этапах отношения трудовые, на последующих — общественные и кровнородственные.

Подобные рассуждения звучат и в оригинальных русских текстах, например, в знаменитом «Поучении» Владимира Мономаха, которое обращено не только к сыновьям — будущим правителям, но и к любому человеку вообще и отражает понимание цели и смысла жизни: долг, вера, труд.

Средневековая Русь — эпоха классического расцвета монументального стиля в изображении человека. Письменность, в значительной мере рассчитанная на чтение вслух во время монастырских трапез (жития), на произнесение в храмах (проповеди), отвечает тем же потребностям, что архитектура и живопись, развивает черты монументального историзма в отображении человека своего времени.

Стиль монументального историзма связан с феодальным устройством общества. Образующим ядром стиля монументального историзма является понимание человека: человек интересен не сам по себе, а в качестве представителя определенной социальной группы в определенный исторический момент. Князь оценивается по его «княжеским» качествам, монах — по «монашеским», горожанин — как подданный или вассал. Это не идеализация человека, это идеализация его общественного и исторического положения — той ступени в иерархии феодального общества, на которой он стоит. Вымышленно-обобщенных образов тексты этого времени не знают. Вместе с тем каждое историческое лицо вводится в круг идеалов, располагающихся на ступенях феодальной лестницы с учетом конкретной ситуации. Но возраст человека определить трудно, не существует «психологии возраста», он неизменен в своей статичности. Цель этого — точная идейная ориентация читателя. Человек либо хорош, либо плох, и, как правило, всегда что-то одно. В данный период рассматриваются в основном исторические личности в исторически значимых событиях, великих свершениях.

В области светской наиболее четко оформился княжеский идеал. Герои летописей, повестей по преимуществу князья, так как их решения и поступки направляли ход истории. Характеристика духовенства определялась религиозными идеалами. Особую группу составляют святые, хотя внешне они не входили в феодальную систему (они вышли из жизни и встали над социальной системой, они — между миром горним и дольным). Черты подданного задавались его отношениями с вышестоящими в иерархии общества.

Но, несмотря на схематизм, вообще свойственный средневековой литературе, русские авторы в своих сочинениях изображали современников ищущими

свое место в изменившемся и продолжающем постоянно меняться мире. И за схемами «князя», «святого» проступают конкретные личности. Тот факт, что многие деятели русского Средневековья оставили автобиографические тексты, написанные в средневековых традициях, конечно же говорит о глубине понимания проблемы «человек — мир», а также об устремленности к самопознанию.

В той или иной мере оценка описываемого лица всегда присутствовала в тексте — оценка, четко отражающая идеологическую ориентацию автора. Имя автора не всегда известно, но личность всегда узнаваема.

Киевский митрополит Иларион пишет «Похвалу князю Владимиру» (третья часть «Слова о Законе и Благодати»), которая представляет собой не что иное, как заявку на канонизацию с перечислением всех значимых атрибутов правителя и христианина. Более того, Иларион приводит перечень апостолов, выступавших с проповедью нового учения в разных странах, и в один ряд с ними ставит имя киевского князя Владимира, указывая тем самым на его главную заслугу — крещение Руси.

Митрополит Иларион прежде всего отмечает величие Владимира, идущее от предков: «...внука старого Игоря, сына же славнейшего Святослава... сей славный — от славных родился, благородный — от благородных» [5, 73]. Правил он справедливо и умело, покорил множество «окрестных стран... те миром, а непокорные мечом» [Там же, 78]. И «...сошло на него посещение Всевышнего... и воссиял разум в сердце его, как... взыскать единого Бога» [Там же], и крестился сам, а затем крестил Русь. После крещения князь Владимир приобретает все христианские добродетели, преображается, в нем проявляются те свойства, которые и характерны лишь для христианского правителя: «Ты правдою облачен, крепостью препоясан, истиною обвит, смыслом венчан, и милостынею, как ожерельем, обвит... красуешься. Ты стал, о честная глава, нагим одеждой. Ты стал алчущим — кормитель... ты стал вдовицам помощник. Ты стал странникам пристанищем. Ты стал бездомным — кровом. Ты стал обиженным заступником, бедным, бездомным — обогащением... помолись о земле своей и о людях, ими ты благоверно владычествовал» [Там же, 99–101]. Так создается образ князя.

Представляет интерес «Поучение» Владимира Мономаха, которое показательно тем, что принадлежит перу человека, непосредственно знающего и что такое власть, и какие испытания таит в себе высота этого положения. В «Поучении» сказывается знание «княжеских зеркал» Кекавмена и «Учительных глав» Василия I. В тексте рассматривается целый ряд вопросов, но ведущей является все же этическая проблематика. Влияние русской действительности отражается на осмыслении отдельных вопросов, присутствует в самом духе сочинения.

Владимир Мономах указывает, что для князя праведно выступать против междоусобной вражды и устанавливать мир. Автор призывает к пониманию истинного смысла понятий правды и добра, христианских заповедей. Для князя забота о единстве земли русской, благе подданных определяет сущность истинной веры. За это правитель ответствен перед Богом и поддан-

ными. Не менее значима роль князя и в организации христианского правосудия в стране.

Владимир Мономах говорит о необходимости правителю постоянно укреплять свою веру, что выражено в рассуждениях о молитве, творимой не только в церкви (как пример для подданных), но и наедине с собой.

Большое значение Владимир Мономах придает развитию познавательных способностей для князя, любви к знаниям вообще и их постоянному приобретению. Правитель должен совершенствоваться в познании Священного Писания и Священного предания, как можно больше знать о своей стране, об окружающем мире, разбираться в самых разных науках. Идеал князя, описанный Владимиром Мономахом, станет для средневековых авторов традиционным.

«Киево-Печерский патерик, или Сказания о житии и подвигах Святых угодников Киево-Печерской лавры» представляет довольно широкий спектр человеческих индивидов, характеров, жизненных ситуаций. Но какие бы испытания ни посылала человеку жизнь, какое бы место в обществе он ни занимал, для человека есть главные правила жизни, которым он должен следовать. Он должен развивать в себе: «...нелицемерную, искреннюю любовь к Богу и ближним, благодушие, радость непорочной совести, мир и душевный покой после победы над страстями, долготерпение в скорбях и напастях, благодать в покорности ко всему, милосердие и сострадание к бедным, глубокую веру через выполнение заповедей, кротость, незлобие, воздержание в пище и питии и победу над похотью телесной» [8, 174]. Все эти совершенства с помощью духовных учителей взрастили святые земли русской, о чем так подробно и повествуют тексты патерика. К этим же целям должны устремиться все люди. Руководствуясь указанной задачей, архимандрит Печерский Поликарп считал необходимым записать подвиги старцев «на пользу прочим ищущим спасение», так как «...он не только сам хотел быть добродетельным, но и горел ревностью о вкоренении христианской добродетели в своих ближних и во всех христианах» [Там же, 174–175].

Иноки — идеал христианской жизни, так как «...они жили на земле ангельской жизнью, не радея здесь о плоти, но, как бесплотные, с пренебрежением относились к земному и все житейское считали за сор. Ища в жизни своей одного Христа, они Его возлюбили и привязались любовью к Нему, и предали и покорили Ему свою волю, чтобы от Него принять обожение» [Там же, 145–146]. Верность их Богу, праведность постоянно испытываются «дьявольским смущением», богатством, властью, сомнениями, гордыней. «Киево-Печерский патерик» показывает, как через смирение, мудрость, учителей, молитву и покаяние, чудо «смущения» они преодолеваются и «Он же (Бог. — О. И.), в воздаяние за их труды и подвиги, даровал им возмездие даже на земле — дары чудотворения, на небе прославил их неизреченною славою» [Там же, 146]. Так в «Киево-Печерском патерике» провозглашается единство светской и религиозной власти в деле просвещения народа.

Подобные тенденции зарождаются, по свидетельству «Киево-Печерского патерика», уже при основании Киево-Печерской лавры, в деятельности ее основателя Антония Печерского. Не случайно деятельность Антония, ее результаты

сравниваются со свершениями Моисея, князя Владимира, который, в свою очередь, сравнивается с апостолами: «Господу было угодно, чтобы откуда воссиял свет православной веры во всю Российскую землю через благоверного князя, оттуда распространились и лучи совершенного закона постнического чрез преподобного Антония!» [8, 16].

Дело Антония с рвением, упорством и твердостью продолжали его ученики, в первую очередь его преемник — Феодосий. Портрет Феодосия близок к образу Антония: «...он был иерей, кроткий нравом, смиренный и простой сердцем, но исполненный духовной премудрости и имевший нелицемерную любовь ко всей братии» [Там же, 27]. Феодосий отражал греческий идеал мерности, образцом которого был византийский святой Савва.

Важным является то, что фактически в Житии Феодосия отсутствуют свидетельства о его мистической практике. Много говорится о его молитве и о великопостном затворе, но аскеза преобладает в нем над созерцательными формами духовной жизни. Это вполне соответствует тому церковно-социальному служению, которое взял на себя Феодосий, и его эпохе в целом.

При этом Феодосий, в отличие от Антония, занимался литературной деятельностью. Ему принадлежат «Слово о терпении, и о любви, и о посте», «Поучение о любви», «Поучение о терпении и смирении», ряд других интересных и ярких сочинений. Наряду с литературным трудом Феодосий занимался учительством. К братии и посетителям Киево-Печерской обители он обращался с поучениями и проповедями, не лишеными философского, преимущественно этического, содержания, которые оказывали на современников большое воздействие. Притча была излюбленным его средством. В летописях и житиях данного периода вообще много внимания уделяется сократовскому типу философствования, которое часто дополнялось созданием модели нравственной философии образа поведения, родоначальником и ярким представителем подобного синтеза и является Феодосий Печерский. В основание этой новой нравственной философии были положены христианские идеалы.

Между Феодосием и Антонием было много общего, но были и различия, которые значительны для понимания развития смысложизненной проблематики. Антоний и Феодосий — этот как бы две вехи в истории русского иночества, в понимании смысла аскезы. Путь Антония к Феодосию — путь от аскета-отшельника, удалившегося от мира (Антоний), до монаха (Феодосия), активно участвующего в общественной жизни, пишущего книги. Пещеры остаются в основном для великопостного затвора, а мир предъявляет свои права. В монастыре создается больница, в монастырь стекается народ, за советом идут князья и бояре, сам Феодосий — частый гость в княжеских теремах. Характерно, что первые русские подвижники селились на окраинах городов. Во влиянии на мир они нашли для себя возмещение пустынного безмолвия. Нестор Летописец описывая практику учительства Феодосия, его кроткое, но властное вмешательство в дела мирские, горячее и смелое отстаивание правды, «блюдение» гражданского мира, подчеркивает цель земного служения святого. Феодосий учит сильных мира сего высшей мудрости, и в этом заключен смысл его жизни.

Феодосий — последователь Антония, но через сопоставление их образов становится ясным развитие идеи святости на Руси. Антоний тяготился человеческим общением, не пожелал взять на себя игуменское бремя; когда число братьев увеличилось, он оставил их и затворился. Образ Феодосия, по сравнению с Антонием, ярче, самобытнее, полон индивидуальных характеристик. Для средневековой Руси образ Феодосия более характерен. Это образ активно действующего, проповедующего милосердного монаха, и главное — монаха философствующего.

Образ Феодосия показателен не только как пример служения обществу. Его почитание книг, образованности, понимание значимости осознанной веры, учительства находили отклик в последующих сочинениях Киевской Руси, например в «Житии Авраамия Смоленского». Автор «Жития» многократно подчеркивает, что «...из всех книг более всего любил он читать учение преподобного Ефрема, и великого учителя вселенной Иоанна Златоуста, и Феодосия Печерского... Изучая и вдумываясь в святые Боговдохновенные книги с их житиями и поучениями, он читал днем и ночью, непрерывно молясь Богу... просвещая свою душу и помыслы. И он кормился Словом Божиим, как трудолюбивая пчела» [2, 73]. Но Авраамий не останавливался лишь на совершенствовании своей души, он считал необходимым просвещать окружающих: «...и многие из города стали приходиться и слушать... чтение Божественных книг. Ибо блаженный стал искусным чтецом, так как по Божьей благодати он мог не только читать, но также толковать книги, так что многие несведущие люди, слушая его, понимали все... его уста никогда не умолкали, обращаясь ко всем, к малым и к великим, к рабам и свободным, и к ремесленникам» [Там же, 75]. Авраамий демонстрирует, какими путями человек ищет смысл своей жизни, как воля выступает средством достижения высшего счастья — единения с Богом.

Кроме высших примеров восприятия новой веры в Киевской Руси звучали рассуждения о разных ступенях приближения к идеалу. Например, в «Киево-Печерском патерике» показана характерная стадия духовного подъема, на которую была способна Русь, не так давно покинувшая свое язычество. Ведь сегодняшний христианский подвижник был вчерашним членом того языческого общества, которое теперь необходимо было преобразовать по христианским идеалам. «Совлекши с себя ветхого Адама», ему требовалось время для нового преобразования. В большинстве своем это была сильная и крепкая физическая натура, и физические подвиги (рубить дрова, носить воду и т. п.) были для нее привычными и не трудными. Настоящие подвиги начинались тогда, когда заходила речь о лишении пищи и сна, о духовном совершенствовании, и об этом много пишут авторы патерика.

Было и общее в жизни инока и простого мирянина, в обоих случаях трудности и искушения требовали постоянных усилий, победы давались тяжело, страдания присутствовали везде. Таким образом, смысложизненные идеалы инока и мирянина, кем бы он ни был по социальному статусу, имели много общего как в целях, так и в средствах их достижения.

Смысл жизни подданного: вера и долг, что отражено, например, в таких сочинениях, как «Молитва» митрополита Илариона, «Послание отца к сыну».

Постепенно, в связи с теми потрясениями, которые переживала Русь — феодальная раздробленность, татаро-монгольское иго, — в понимании человека все более начинают сказываться пессимистические и эсхатологические мотивы. Пример тому — сочинения Серапиона, епископа Владимирского. Серапион Владимирский в своих сочинениях отражает не только последствия испытаний, пришедших на Русь, но и определенную стадию осознания христианства. Серапион Владимирский пишет, что его современники уже были свидетелями всех обещанных мук и событий, демонстрирующих наступление конца света (затмение, землетрясение, голод), и все это является следствием того, что Бог «...грехов наших... беззакония нашего вынести не может» [13, 141]. Бог через святых учителей (Василия Великого и Григория Богослова, Иоанна Златоуста) пытался наставить на путь истинный Своих сынов, но так как они не слушали слов Его, теперь Он учит людей «не устами, но делом». Само татаро-монгольское иго послано Богом за грехи людей, и все происходящее дополняет картину приближающегося конца: «И не раскаялись мы, пока не пришел на нас немилостивый народ, как наслал его Бог; и землю нашу опустошили, и города наши полонили, и церкви святые разорили, отцов и братьев наших избили...» [Там же]. Страшного суда не избежать, но можно уменьшить вину свою через покаяние и тем самым уменьшить «ужас» Судного дня: «...раскаемся все мы сердечно — и Бог оставит свой гнев; отвратимся от всех злодеяний — и Господь Бог да вернется к нам... Придите и покайтесь со мной, и вместе умолим мы Бога, ибо я знаю: если покаемся мы — будем помилованы...» [Там же, 445].

К концу XIII столетия ощущение приближающейся катастрофы еще более возрастает. И все чаще и чаще звучит тема Суда и мучений, которые ждут человека за несоблюдение заповедей Бога. Христианство уже существовало несколько столетий, восприятие его становилось все более осознанным. И что же возникало перед взорами современников? Идеал оставался идеалом, внешние же проблемы только усиливали различие между желаемым и реальностью: «...мы же считаем себя православными, во имя Божье крещенными и, заповедь Божью зная, неправды всегда преисполнены, и зависти, и немилосердия...» [Там же, 445].

Примером развития антропологической проблематики уже в Московской Руси может служить учение нестяжателей. Идеологом этого направления отечественной средневековой мысли был Нил Сорский. В учении Нила Сорского традиции неоплатонизма тесно переплелись с воззрениями, свойственными исихазму. Нил Сорский — автор «Предания ученикам», «Устава», «Малого устава», нескольких Посланий.

В «Уставе», который иногда именуется «Большой Устав», Нил Сорский развивает основные положения своего учения. В предисловии «От писании святых отец мысленем деланиеи, что ради нужно сие и како подобает тшцатися о сем», опираясь на концепции Симеона Нового Богослова и Григория Синаита о «делании сердечном и мысленном блюдении, и умном хранении различными беседами», Нил Сорский пишет «...о делании сердечном, мысленном блюдении и умном хранении...» человека [12, 71]. Он указывает, что «...от

сердца исходят помышления зла и скверняет человека» [12, 71], и, следовательно, борьбу со злом нужно начинать с очищения своего сознания («...внутреннее сосуда научится очищать» [Там же]) и своего сердца. При этом Нил Сорский постоянно подчеркивает, что человеку необходимо достигнуть единства своего духа и ума.

Невидимая «мысленная брань» потрясает все существо человека, переворачивает его, или, точнее говоря, «выворачивает наизнанку». По сути — жизнь человека есть борьба со страстями, которые поражают и душу, и ум. Поэтому, советует Нил Сорский, следует хранить ум как «око душевное», постоянно пребывать в «мудровании» и «рассуждении духовном». Автор подчеркивает, что внешние поступки (или «телесное делание») есть лишь «лист точию», а внутренние свершения (или «умное делание») подлинно плодоносно — «плод есть».

Эту же мысль мы можем видеть в его Посланиях. Например, в «Послании старца Нила к брату, въпросившему его о помыслех. 1 послание». Нил Сорский пишет: «Похвално желание подвигнул еси, о възлюбленне, еже слышати слово Божие ищещи на утверждение себе, на сохранение от злых и поучение к благым» [10, 136]. Нил Сорский постоянно подчеркивает необходимость поиска истины, заключенной в мудрости мыслителей как прошлого, так и настоящего. Этот поиск направляет человека к пониманию необходимости совершенствования, преодолению собственной ограниченности.

В первой главе «Устава» — «О различии еже на нас мысленна брани, победы и побеждения, а еще тщаливно противися страстем» — Нил Сорский приводит психологический анализ возникновения различных страстей в душе человека.

Нил Сорский исследовал различные «мысленные брани», которые мучают душу, вводя в нее пороки и грехи. Он пишет о стадиях формирования страсти. В этих своих рассуждениях Нил Сорский особенно близок к учению о страстях Максима Исповедника, знание византийского мыслителя прослеживается достаточно хорошо. Изначально Нил Сорский так указывает логику развития страстей: «...прежде прилог, затем сочетание, потом сложение, затем пленение, и потом страсть» [12, 77].

Причиной страстей человеческих являются «образы неции и начертания мира». «Образы неции и начертания мира» — предметы и явления действительности. Через чувства они «объявляются» уму и запечатлеваются в уме как простые идеи. Эта и есть первая ступень развития страсти, которую Нил Сорский именуется «прилог». Если ум не проникается им, не увлекается им, то сам по себе «прилог» безгрешен, но это требует больших усилий воли человека. Вторая ступень страсти — «сочетание», т. е. соединение возникшей идеи с «произволением» человека, его волей, возникает, когда ум склоняется к «приятию помысла». Нил Сорский и в этом случае указывает на то, что человек имеет возможность справиться с заблуждениями. Средство — призвать ум и учение истинное Отцов Церкви, размыслить над всем и прийти к правильным выводам. В данном случае необходимо осознать, что богоугодна только такая мысль, которая может быть направлена в сторону благих деяний. Любая

другая мысль должна быть решительно отсечена, чтобы не возникло «сложение» — «...приклонение страстное души к являющимся помыслам или образам» [12, 79], т. е. согласие души с тем, что «глаголет вражеский помысл», «съластное» ощущение. В результате на данной стадии происходит то, что человек «...приемлет помыслы вражьи волей, и собеседуя и сочетаяся с ними, побеждается ими, и уже не противостоит страсти, но сложит в себе отвержение страстям, или уже будет делом творити [то, что страсти велям ему]» [Там же, 80–81]. Следствием подобного наступает «пленение», или «...невольное сердца пленение» [Там же, 80], когда человек уже перестает управлять волей своей и губительные помыслы проникают и в сердце, и в разум. И в конечном итоге утверждается «страсть» — высшая любовь и приятие земного мира, человеческих «мечтаний». Страсть — полная зависимость человека от своих мечтаний и заблуждений. Когда «пленение» из временного, эпизодического становится постоянным, всепоглощающим, неотделимым от природы человека, то как раз в этот момент и наступает «страсть». Она выбирает и указывает человеку, как ему вести себя и что делать, сам же человек свою свободную волю окончательно теряет. «Страсть» — это то, что человека «обуревающе присно» и «аще хочет, аще не хочет, побежастеся от неа мыслене».

Страстность выражается и в том, что человек за видимым миром и его удовольствиями не видит ложности окружающего, конечности и неистинности чувственного мира: «...колики скорби и развращение имать мир мимходящий и колико злолютьства сътворяет любящим его и како посмеивается, отходя от работавших ему, сладок являся им, егда ласкает вещи, горек бывает последи. Поелику убо мнать благая его множащася, егда удерживаются им, потолику растут скорби им, и мнющася бо его благаа по видимому суть блага, внутрь же исполнена многа зла... Аще кои и славы, и чьсти, и богатство имеша, не вся ли сиа ни во что же быша и яко сень мимойдоша и яко дым исчезоша?» [10, 136]. Главное в страсти то, что она захватывает человека, и он перестает понимать, где добро, а где зло, где истина, а где ложь. Человек становится рабом природы, творения, а не Бога, не Творца.

Чтобы избежать зависимости от мира, следует всякое дело начинать с «мудрования», с рассуждения, чтобы не поработилась душа ощущениями, а ум был очищен от «лукавых помыслов». Без этого губительно даже чтение церковных книг, ибо «...Писания бо многа, но не вся божественна суть» [11, 139]. Нил Сорский пишет: «Буди же потребен к послушанию божественных писаний, и сих гл[агол]ы, яко водою животною, напоай свою душу и тщися, елико по силе, по сих творити. Тако же имущим разум божественных писаний и мудрование духовно и жителство свидетельствованно в добродетелех, таковым тщися повиноватися и тех житию подражатель быти. Терпение имей в скорбех, и за оскорбивших тя молися, и имей тех яко благодетеля» [10, 137].

Разумение есть раскрытие богооткровенной тайны, благоразумение — умолчание о ней, признание ее непостижимой, слишком высокой и глобальной для человека. Благоразумие уравнивает ум, освобождая и очищая его от словесных форм. Оттого оно равнозначно молчаливосту, исихии. Таким образом, Нил Сорский пытается дать своему мировоззрению логическое основание.

В своем «Уставе», как и в ряде других сочинений, Нил Сорский рассматривает средства «противоборства» страстям: «прилог блюсти», т. е. отсекал греховное изначально («...потщательнo отсецай лукавыя помыслы» [10, 137]); «сердце имети глубоче, молчаше от всякого помысла, и молится», т. е. стремиться к внутренней сосредоточенности духа на устремленности к Богу, не допускающей внешнего воздействия («...сххраняй же ся от бесед, и слышания, и зрений неподобных, иже въздвижутъ страсти и укрепляють нечистыя помыслы» [Там же]); «Господа Иисуса Христа на помощь призывати», т. е. повторять определенные молитвы («...имей же на сих всегдашнюю победу — молитву, господа Иисуса призывая» [Там же]); «память смертную имети», т. е. размышлять о конечности всего мирского, работать постоянно («...твори же что-либо и рукоделие, и сим бо лукавыя помыслы отгоняются» [Там же]). К этому еще добавляются такие указания: «держати дыхание», «молчати», «воздыхати».

В главе пятой «Устава» Нил Сорский указывает на восемь пороков, порождаемых страстями: чревоугодие, прелюбодеяние, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. Нил Сорский пишет о том, что все эти пороки не ведут человека к счастью и покою, к гармонии с миром, самим собой и с Богом. Наоборот, они вызывают в человеке зависимость от них, страх потерять желаемое и страдания: «...как волны морские, восстают на меня беззакония мои, и как корабль в пучине, погружаются помышлениями моими [в бездну]» [12, 155]. В противовес страстям, человек должен воспитывать в себе средства борьбы. Такими средствами являются добродетели, которые в себе необходимо воспитать и укрепить. Нил Сорский указывает на следующие добродетели: пост, целомудрие, нестяжательство, милосердие, веру, терпение, скромность, смирение. Каждая добродетель побеждает соответствующую страсть. Логика описания соотношения страстей и добродетелей в рассуждениях Нила Сорского также во многом следует логике Максима Исповедника.

Смысл жизни каждого человека, вновь и вновь повторяет Нил Сорский, — это внутреннее, нравственное самосовершенствование, цель которого — гармония человека с окружающим его миром и полное согласие с Богом.

Нил Сорский, рассуждая о возможных путях совершенствования для человека, много пишет о роли сердца — путеводаителя в мире, испытаниях и искушениях. Таким образом, мы можем видеть, что Нил Сорский продолжает традиции, которые сформировались еще в Киевской Руси и о которых мы упоминали, говоря о ранних русских «Азбуковниках». Воспитание сердца, пишет Нил Сорский, — начало духовного совершенства. Это соответствует самому духу русской философии, для которой «...тема любви и сердца занимает особое место, ибо ее с давних пор отличает преимущественное стремление не к дискурсивно-рассудочной, но к эмоционально-взволнованной манере изложения мыслей, образов и концепций. Ее исповедальный, экзистенциальный характер также способствовал превращению философии не в узкий набор профессиональных дисциплин, но в серию страстных, сменяющих друг друга, взаимно полемизирующих смысложизненных учений, где важнейшим было вопрошание о смысле человеческого существования...» [1, 23].

Нил Сорский абсолютно вписывается в эту магистральную традицию отечественного философствования. Воспитание сердца — начало восхождения к совершенству, истине, Богу. Сердце же и радуется совершенству души человеческой. Нил Сорский пишет об этом так: «...се есть путь правды — еже претерпети искушение скорбей о благочестии. И на сей путь поставляя, Бог страдальцев своих приводит в живот вечный. И сего ради с радостию подобает шествовати нам непорочне в путь сей, ходяще в заповедех Господних, всем сердцем благодаряще Его, яко посла нам благодать сию, възлюбив нас, беспрестанно молящся благодати Его, поминающе конец жития нашего скорбного и бесконечное блаженство будущаго века. И Бог всякая радости и утешения утешит сердце твое и съхранит тя...» [10, 137].

Учение Нила Сорского имело много последователей. Был близок к мировоззрению Нила Сорского популярный публицист и философ Максим Грек, который, как «пчела трудолюбивая, собирал мед духовный со всех цветов афонских» [16, 131].

Максим Грек приезжает в 1518 г. на Русь по приглашению Василия III для перевода книг, в первую очередь Толковой Псалтыри. К этому времени Максим Грек был уже известным мыслителем. Судьба его полна событиями. Получил он образование в Италии, но путешествие в Константинополь и знакомство с учениями византийских мыслителей приводят его к принятию православия. Он едет на Афон, чтобы лучше познать глубину учения Отцов Церкви. После прибытия в Москву судьба Максима Грека складывалась неоднозначно: он и пережил славу, и был осужден. Но, несмотря на превратности фортуны, Максим Грек оставался одним из самых известных мыслителей для своих современников до самой своей смерти в 1556 г. Многие стремились к встрече с ним, чтобы обсудить философские, общественные проблемы времени. Максим Грек участвовал во всех философских дискуссиях времени.

После осуждения и высылки из Москвы Максим Грек возобновил популяризацию идей нестяжателей, организовал обсуждение их на философских беседах в Троице-Сергиевом монастыре, участие в которых принимали Иван Грозный, Андрей Курбский, Артемий Троицкий и многие другие.

Максим Грек считал, что человек создан Богом разумным и поэтому он должен искать ответы на вопросы, волнующие ум и сердце. При этом для поиска истинного ответа необходимо, подобно пчеле, собирающей мед со всех цветов и тем самым наполняющей его многим содержанием, собирать мудрость учителей и Отцов Церкви. Человек все время должен ставить «пытливые вопросы» и «премудро» искать ответы на них. Именно в таком духе и ищет ответы на волнующие вопросы Максим Грек.

Важно четко понимать, считает Максим Грек, где границы человеческого познания, и не преступать их: «Горе нашему дерзостному бесстыдству, по причине которого осмеливаемся дерзать на божественные таинства, которые вполне непостижимы для самих ангелов!» [15, 143]. Человеку надо благодарить Бога за то, что Тот предоставляет человеку возможность искать истину: «Горнее же и созерцаемое выше нас откуда пришло к нам? — По благодати, от Отца светов, как говорит святой Дионисий (Дионисий Ареопагит. — О. И.).

Поэтому и исследовать, и изъяснять это прилично не так, как того желает невоздержанный разум, но как установлено наученными божественною благодатью Божьим тайнам пророками и апостолами, а потом боговдохновенными отцами и учителями» [15, 174–175].

Что же касается познания того, что окружает человека, то Максим Грек считает, что науки и существуют для того, чтобы человек познал мир — творение Бога. Но нельзя пользоваться науками для того, чтобы превзойти Бога или противоречить воле Бога: «Не книги эти (математические. — *О. И.*) правилом запрещено читать, а то, чтобы пользоваться ими превратно и веровать, что наши обстоятельства (жизни. — *О. И.*) зависят от движения небесных тел, и пытаться узнать что-либо будущее, как имеющее непременно совершиться по причине такого-то и такого движения звезд» [Там же, 216].

Описывая человека, Максим Грек утверждает, что человек есть высшее творение Бога, изначально украшенное мудростью и добродетелями. Человек — смысл бытия. Все существующее создано ради него и дано ему в управление. Максим Грек по этому поводу пишет так: «Создав же человека непостижимую Своею (Божественною. — *О. И.*) Премудростью по образу Своему и по подобию, то есть самовластным и владыкою, начальствующим над всем, что на земле, Ты украсил его правдою и благодатью и, по человеколюбию Своему, предложил ему спасительные заповеди, при соблюдении которых обещал ему жизнь вечную и Царство Небесное» [Там же, 223]. Но, к сожалению, человек не исполнил своего высокого предназначения.

В рассуждениях Максима Грека о судьбе человека сказывается влияние «Диоптры» Филиппа Пустынника. Это проявилось даже в названиях сочинений Максима Грека: «Инока Максима Грека слово душеполезно злыо внимающимъ ему. Бесъдуеть умъ къ души своей. Въ немже и на лихоимство», «Инока Максима бесъда души и уму, по вопросу и отвѣту, о еже откуда страсти ражаются въ насъ, въ немже и о Божественномъ Промыслѣ, и на звѣздочетцовъ».

Вторя Филиппу Пустыннику, Максим Грек задается вопросом, обращаясь к душе: «Чесо ради, о любезна ми душе, нълепотно забвеніе творимъ славы и благодатей небесныхъ вьнецъ?.. Чесо ради не приѣмлемъ во умъ божественныя мысли, еюже создани быхомъ отъ Господа по образу его, но аки скоти лишены смысла, провожаемъ всея нашае жизни время, чреву угожающе?» [14, 5]. Максим Грек пишет о том, что человек, не обращающий внимание на душу свою и не слушающий советов ума своего, сам разделяет душу и плоть. Результатом этого становится то, что постепенно грех овладевает человеком, он утрачивает понимание и способность познания истины, впадает в различного рода заблуждения. Максим Грек призывает: «Нашея славы высоту, о душе, познаимъ и не уподобляимъ без ума себе безсловеснымъ скотомъ» [Там же, 6]. Максим Грек считает, что душа изначально украшена добродетелями и божественной красотой, поэтому она и может привести человека от зла к добру, но для этого душа должна объединиться с волей, а затем — и с телом, так как только единое может соединиться с Единым.

Особую роль в жизни человека играет сердце, которое направляет свободу человека к благу. Максим Грек, обращаясь к сердцу человека, указывает:

«Станемъ же на тверди высокія свободы, на тверди свободы богоподобныя, еюже преже обогатяше» [14, 7]. В системе изложения своей концепции Максим Грек опирается на традицию неоплатоников в христианизированном ее виде, в которой любви, сердцу уделено значительное внимание. Максим Грек, рассуждая о смысле жизни человеческой, говорит: «Позаботься же приобрести правость сердца, и тогда будешь иметь Бога споспешником своим во всем и исправляющим дела рук твоих... Правость же сердца тогда приобретешь, когда скажешь и ты со Псалмопевцем: “Яко возвеличашася дела Твоя, Господи: вся премудростью сотворил еси” (Пс. 103:24)» [15, 222–223].

Душа выступает в человеке тем началом, которое ищет истину, ищет не боясь. Душа все время задает вопросы, ответы на которые должны помочь ей определиться в этом мире, выбрать правильные жизненные ценности, понять смысл земного бытия. Ответить на поставленные вопросы можно через разрешение дилеммы «добро и зло». В связи с этим Душа задает вопрос: «Аще Господь мертвить и живить, убожить и богатить, и смиряеть и высить, и низводить во адъ и возводить, якоже предречеса тобою, и паки индь глаголетъ: созидайя злая азъ есмь; како сатана всъмъ злымъ виновень глаголется быти?» [14, 71].

Ум растолковывает душе, что зло есть нарушение Божественного порядка, хаос и разлад. Зло убивает душу и «...во адъ низводить, и нескончаемымъ огнемъ тамо мучить» [Там же]. Действует зло через страсти, увеличивая их и вырабатывая в человеке зависимость от них. Спасает человека лишь Премудрость Божия.

Максим Грек считал, что вера, знание истины и жизнь в истине должны стать едины. Он пишет: «Ибо по слову божественного Иакова, брата Божия, вера без дел благих мертва есть (Иак. 2:20); так же и дела без правой веры, бесполезны... надлежит человеку Божию быть совершенным в том и другом. И это — так!» [15, 3]

Человек, обратившись к сердцу своему и разуму, должен понять свое высокое предназначение и устремиться к тому, чтобы достичь его. Возможно это, если развивать в себе добродетели, которые будут противостоять страстям. Максим Грек выделяет душевные добродетели: разум, мужество, правдивость, целомудрие, кротость, смиренномудрие. Много внимания уделяет Максим Грек рассуждениям о том, что добродетельным человек становится сам и что только Бог является помощником ему в этом пути совершенствования. Никакие внешние причины (зодиак, звезды и т. п.) не влияют на человека и не могут руководить его волей. Если бы последние были бы причиной того, что человек добр или нет, то это означало бы, что Бог сотворил в мире зло. Но это не так.

Бог есть абсолютное добро и благо. Причина зла кроется в самом человеке. Русский мыслитель рассуждает так: «Вот причина всех наших зол и погибели нашей! Она заключается в том, чтобы немедленно и тотчас подчиниться, по подобию скотов, восстающим на нас бесплотным, плотским и душевным похотям и страстям и не желать противиться им, удерживать и обуздывать их данную нам свыше разумною силою, как и божественный Максим Исповед-

ник премудро и благочестиво учит, говоря приблизительно так: это есть не что иное, как только небрежение об умном по естеству делании; поэтому те, которые прилежно всегда упражняются в этом делании, делают всегда доброе, а злое никогда не делают» [15, 233].

Рассуждая о страстях человеческих, Максим Грек указывает, что сначала страсть зарождается в сознании, а затем отражается в поступках. А также подчеркивает: человек должен бороться с отрицательными эмоциями, гневом, яростью и т. п., так как они сбивают с истинного пути и сердце, и разум: «Ибо где преобладает гнев и ярость, там и всякое душевное нестроение, и безобразия, и бесчиния словесной части души, так как ум бывает ослеплен и омрачен бурей гнева» [Там же, 4]. Человек впадает в страсть тогда, когда забывает Бога, мир и сердце свое: «Ибо, отвергнув страх Божий и истребив из сердец своих то, что составляет исполнение всего закона, то есть любовь к ближним, мы, подобно диким зверям, встаем друг против друга, желая каждый иметь всех у себя под ногами в поправление, не понимая, по великому своему неразумению, что насколько кто усиливается подняться на высоту суетной славы, настолько большему подвергает себя падению» [Там же, 265].

Максим Грек дополняет свои рассуждения: «Три имеем мы побуждения к добру: естественную склонность, святые силы и доброе произволение. Три также существуют побуждения к злу: страсти, бесы и злое произволение» [Там же, 234]. Избавиться от страстей возможно лишь «...просветив свой разум обычною православным тишиною священной любви и кротости» [Там же, 4].

Представляет интерес переписка Василия III, Ивана Грозного и Максима Грека. Максим Грек пишет о том, что смысл исторического развития государства — создать все условия человеку для совершенствования или, по крайней мере, сделать все возможное для развития самосознания любого человека.

Рассуждая о формах общественного устройства, об управлении государством, о переменах в истории человечества, Максим Грек неоднократно подчеркивает, что примером должен быть Иисус Христос, который покориł народы без меча, без лживых обещаний и т. п., а лишь любовью, прощением и милосердием. С приходом Христа началась новая эра в истории человечества, изменившая духовные устремления людей: «И совершил Он (Иисус Христос. — О. И.) это не посредством многочисленного войска, не храбрыми вооруженными людьми и не посредством стрельбы молниями с неба, но кроткими словами и приятными поучениями отвлек всех от мрачной прелести идолослужения и привлек к неложному свету Своего благоверия, и при этом не славу земную, не наслаждение пищею обещал им, и ничто другое прекрасное в этой жизни, а, напротив, как всякому известно, предсказывал им скорби и множество всяких злоключений; почесть же за то и воздаяние обещал — Царство Божие. И если поищешь, то найдешь, что ради этого царства бесчисленное множество людей разного звания и состояния по всей земле отверглись всех своих стяжаний, — и одни из них похвально провели всю жизнь в пустынях, а другие были замучены огнем и мечом и многими другими мучениями, и так расстались с этою жизнью. Какой же когда-нибудь от начала века бог ваш

(языческий. — *О. И.*), или сильный царь, или ритор и премудрый законоучитель, возмог когда сделать что-либо подобное, хотя бы даже среди своих единоплеменников, и увещать их не радеть обо всех, вообще, удовольствиях этого мира — так, чтобы дерзнуть на самую смерть и радоваться о скорбях, претерпеваемых за благоверие» [15, 28–29].

Максим Грек написал целый ряд сочинений, в которых отразил свое понимание проблем общественного бытия. Например, «Инок Максима главы поучительные начальствующим правоверно». Максим Грек пишет о том, что мир есть система, которая функционировать должна без каких-либо отклонений. Только при этом условии государство, его подданные смогут процветать. Основой всего является правитель. От него зависит судьба народа и государства. Царь, чувствуя высоту положения и ответственность свою, испытывает и соблазны многие. Поэтому Максим Грек указывает: «...мужество же души, царскія же и боголюбивыя, востающія на ню богомерскія плотскія страсти и речениемъ, утишити всегда тщится» [14, 157]. Определяет образ жизни и мышления царя Максим Грек таким образом: «Царя истинна и самодержца оногo мни, благовернейшій царю, который ко еже правдою и благозаконіемъ устрояти житейская подручниковъ прилежить и безсловеснымъ своя души страстемъ же и похотемъ одолети тщится всегда, глаголю же ярости и гневу напрасному и беззаконнымъ плотскимъ похотемъ» [Там же, 157–158]. Царь должен быть образцом во всем для своих подданных: веры, мудрости, нравственности, милосердия, смирения. Добродетели должны украшать нрав и поступки правителя.

Обращаясь к Ивану Грозному, Максим Грек формулирует свое видение законов устройства государства: «Многа убо и ина суть уподобляющая небесному Владыце благоверно царствующиыхъ на земли, и кротость бо и долготерпение, и еже о подручныхъ прилежание, и еже ко своимъ боляромъ благоволение и веледарное, изрядне же правда и милость и еже не презрети обидимыя, но со многимъ человеколюбиемъ и божественою ревностію воставляти на отмщение ихъ» [Там же, 346–347]. Если царь таков, то и его государство стабильно развивается и не переживает ни внешних, ни внутренних потрясений: «Сія начальствующихъ Богу подобныхъ соделываютъ и державу ихъ не точію утверждаютъ и во глубоче мире и тишине всегда сохраняются, но еще и преславнейшими победами украшаютъ и прославляютъ ихъ, вседержительней деснице свыше помогающи имъ и покоряющи подъ ногами ихъ вся ихъ супостаты» [Там же, 347].

Правитель может управлять вверенным ему Богом государством, опираясь на веру и разум. Он должен постоянно учиться у мудрых знанию истины, в первую очередь у философов.

Максим Грек являет нам в истории философии интересный пример взаимовлияния самых разных культур: итальянской, византийской и русской. Он стоит на перекрестке этих разных духовных традиций. Приехав на Русь, он не просто выучил язык новой страны, он принял активное участие в ее жизни, духовной — в первую очередь. Он, с одной стороны, стал активным последователем русского движения — нестяжательства, с другой — явился звеном, через

которое византийское наследие транслировалось и становилось еще более известно на Руси. Деятельность Максима Грека ставит перед нами вопросы о сочетании и взаимодействии мировой и национальной философии. И здесь, нам кажется, стоит вспомнить рассуждения по вопросу о преемственности в философии, высказанные В. К. Чалояном: «...мировая культура проявляется лишь в отдельных национальных культурах. Никакое национальное творчество, даже если оно становится всеобщим достоянием, не перестает быть национальным. Мировое и национальное — это противоположности. Но эти противоположности образуют единство — такое единство, в котором связи отдельного и общего всегда исторически детерминированы. При этом чем более развито общество, тем полнее и интенсивнее связи отдельного и общего и многограннее само единство. ...Благодаря внешнему общению национальное и всеобщее (мировое) оказываются в неразрывном единстве: во всеобщем содержится национальное, а в национальном — всеобщее» [17, 35]. И пример Максима Грека, его влияние на отечественное философствование и место в истории русской философской мысли, подтверждает высказанное мнение. Действительно, Максим Грек обогащал русскую мысль идеями, что, в свою очередь, позволяло ей войти в мировой философский процесс.

Постепенно в средневековой Руси в восприятии человека все более начинает сказываться стремление к всестороннему пониманию личности, к отражению эволюции и процессов изменения, в ней происходящих. Человек становится «земным» человеком: герои литературных произведений «спускаются на землю», перестают ходить на «ходулях» своих официальных высоких рангов в феодальном обществе (Д. С. Лихачев). Особую популярность приобретают автобиографии. Пример тому — наследие Ивана Грозного, протопопа Аввакума.

Злое начало, проявляющееся в мире, становится еще более общим и жестоким. Личность, в свою очередь, определяется в борьбе с ним, в утверждении ценностей бытия и в борьбе за свободу в исповедании добра. Борьба Аввакума против государства и церкви, против «благополучных» людей есть новый этап борьбы за освобождение человеческой индивидуальности. Но при этом, освободившись, сама эта свободная личность начинает проявлять тенденции к авторитаризму, угнетению свободы других, ничуть не сомневаясь в том, что имеет на это право. С этой точки зрения «Житие» Аввакума, его Послания демонстрируют новую трагедию — трагедию индивидуализма.

Протопоп Аввакум ведет борьбу со всем миром, погрязшим в грехе и заблуждениях, один на один. Он вызвал на единоборство все государство. Он ведет титаническую борьбу, но борьбу одиночки. Не случайно во сне Аввакуму снится, что тело его заполнило собою весь мир. У Аввакума есть последователи, он обменивается с ними посланиями, но Аввакум воспринимает свою борьбу лично — «один на один». Это не только духовная борьба, но и физическая, борьба силы с инерцией материи, с сопротивлением материальной среды. Аввакуму приходится преодолевать голод и холод, окружающая природа то громоздится над ним горами, то топит водами Иртыша, то наступает льдами, то засыпает землей в Пустозерской тюрьме. В своей борьбе с природой,

отражающей косность греховного мира, Аввакуму удается преодолевать сопротивление самих законов природы.

Для литературы времени пророка Аввакума характерно большое внимание к быту, что также отражает возросший интерес к жизни конкретной личности с ее повседневными заботами. При этом человек выступает существом ищущим, самостоятельным. Человек покидает рамки социального положения. Но цена этой свободы — одиночество.

Логика развития философии истории и антропологических воззрений в средневековой Руси приходит к общему результату: историческая иллюзия не сбылась, человек утратил ощущение гармонии мира и себя как вершины мироздания. Именно эти проблемы будет пытаться разрешить XVIII столетие, но это уже будет другой этап истории отечественной философии.

-
1. Громов М. Н. Типология русской средневековой философии. М., 1997.
 2. Житие Авраамия Смоленского // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981.
 3. Изборник Святослава 1073 года. М., 1977.
 4. Изборник 1076 года. М., 1965.
 5. *Иларион*. Слово о Законе и Благодати. М., 1994.
 6. *Ионайтис О. Б.* Византия и Русь: развитие философских традиций. Екатеринбург, 2002; *Ее же.* Неоплатонизм в русской средневековой философии. Екатеринбург, 2003; *Ее же.* Философия истории в средневековой Руси (XI–XVII вв.): лекция // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 3 : Обществ. науки. 2013. № 3. С. 196–211.
 7. *Калайдович С. К.* Древние списки «Пчелы». М., 1881.
 8. Киево-Печерский патерик, или Сказания и жития и подвигах Святых угодников Киево-Печерской лавры. Киев, 1991.
 9. Послание отца к сыну // Изборник: Повести Древней Руси. М., 1987.
 10. Послание старца Нила к брату, выпросившему его о помыслех. 1 послание // Тр. отд. древнерус. лит. Л., 1974. Т. 29.
 11. Послание старца Нила к иному о ползе // Там же.
 12. Предание о жительстве скитском преподобного Нила Сорского. М., 1997.
 13. «Слова» Серапиона Владимирского // Памятники литературы Древней Руси: XIII в. М., 1981.
 14. Сочинения преподобнаго Максима Грека : в 2 ч. Казань, 1860. Ч. 2.
 15. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Догматико-полемические сочинения. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1910.
 16. Троицкий патерик, или Сказания о святых угодниках Божиих, под благодатным водительством преподобного Сергия в его Троицкой и других обителях просиявших. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992.
 17. *Чалоян В. К.* Восток — Запад. Преимственность в философии античного и средневекового общества. М., 1979.

Рукопись поступила в редакцию 16 октября 2013 г.

АВТОРЫ НОМЕРА

БЕРДНИКОВА Дарья Владимировна — магистрант 1 года обучения кафедры общей психологии и психологии личности департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: dariyab@bk.ru

БЕРЕНАЛИЕВА Аруна Автандиловна — докторант Института философии и политико-правовых исследований Национальной академии наук Кыргызской Республики. E-mail: aruna1307@mail.ru

БОРОЗНЯК Александр Иванович — профессор кафедры теории и лингводидактики межкультурной коммуникации факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Липецкого государственного педагогического университета, доктор исторических наук. E-mail: bor-33@mail.ru

ВИНДЕКЕР Ольга Сергеевна — доцент кафедры общей психологии и психологии личности департамента психологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат психологических наук. E-mail: olgatt@yandex.ru

ВИТАЛЕ Алессандро — профессор департамента международных, юридических и историко-политических исследований Миланского исследовательского университета (Италия). E-mail: alessandro.vitale@unimi.it

ГОРБАТОВА Юлия Валерьевна — старший преподаватель кафедры онтологии, логики и теории познания факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: Logic-fs@ya.ru

ИОНАЙТИС Ольга Борисовна — профессор кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доктор философских наук. E-mail: Ionaitis@yandex.ru

КИСЛОВ Алексей Геннадьевич — заведующий кафедрой онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, доцент, кандидат философских наук. E-mail: kislov@e-sky.ru

КЛЯШТОРНЫЙ Алексей Сергеевич — магистрант 2 года обучения кафедры онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: freddiefrean@gmail.com

ЛИСАНЮК Елена Николаевна — доцент кафедры логики философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат философских наук. E-mail: elenalisanjuk@yandex.ru

ЛОБОВИКОВ Владимир Олегович — главный научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, профессор, доктор философских наук. E-mail: vlobovikov@mail.ru

ЛЮБИН Валерий Петрович — ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН, профессор Московского государственного лингвистического университета, доктор исторических наук. E-mail: valerij.ljubin@gmail.com

ЛЮКС Леонид — директор Института по изучению Центральной и Восточной Европы (Германия), главный редактор журнала «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры», профессор, доктор исторических наук. E-mail: leonid.luks@ku-eichstaett.de

МИКРЮКОВ Дмитрий Анатольевич — аспирант кафедры теологии Социального института Российского государственного профессионально-педагогического университета. E-mail: damatrios@yahoo.ca

МУХАМЕТОВ Руслан Салихович — доцент кафедры теории и истории политической науки департамента политологии и социологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат политических наук. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

НАГУМАНОВА Светлана Фарвазовна — доцент кафедры истории, философии, социологии и политологии Казанского государственного медицинского университета. E-mail: nagouman@mail.ru

ОЛЬХОВИКОВ Григорий Константинович — доцент кафедры онтологии и теории познания департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: Grigory.olkhovikov@usu.ru

ПАЩЕНКО Тарас Валерьевич — старший преподаватель кафедры онтологии, логики и теории познания факультета философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). E-mail: taras.pashenko@gmail.com

ПИВОВАРОВ Даниил Валентинович — заведующий кафедрой религиоведения департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, профессор, доктор философских наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: daniil-pivovarov@yandex.ru

САВЕЛЬЕВА Елена Александровна — соискатель кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук. E-mail: ya.eleasav2013@yandex.ru

ТЕЙТЕЛЬБАУМ Елена Сергеевна — старший преподаватель кафедры истории философии и философии образования департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета. E-mail: Correo.est@gmail.com

ТЕРЕХОВ Олег Эдуардович — доцент кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, доктор исторических наук. E-mail: terehov1968@mail.ru

ФЕЛЬДМАН Михаил Аркадьевич — профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральского института управления РАНХ и ГС при президенте РФ, доктор исторических наук. E-mail: feldman-mih@yandex.ru

ШВЕДОВ Денис Викторович — аспирант кафедры новой, новейшей истории и международных отношений исторического факультета Национального исследовательского Томского государственного университета. E-mail: Denis.shvedov@gmail.com

SUMMARY

FORUM

<i>Borozniak A. I.</i> Field Notes Interview with V. I. Mikhailenko	5
<i>Feldman M. A.</i> About Interview with V. I. Mikhailenko	6
<i>Lubin V. P.</i> Features of Italian Fascism (on Interviews Professor V. I. Mikhailenko)	8
<i>Vitale A.</i> About Fascism	15
<i>Luks L.</i> Italian Fascism and National Socialism: A Brief Note about Parallels and Differences ...	21
<i>Terehov O. E.</i> Between Science and Ideology: On the Relevancy of German «Conservative Revolution»	23

URAL ANALYTICAL CONFERENCE (UANALYTICON)

<i>Lisanyuk E. N.</i> Loyal Agents and Defeasibility in Deontic Logic	32
---	----

On the basis of the distinction between deterministic and indeterministic approaches to deontic logic normative activity of rational agents is investigated by means of pursuing two respective groups of scenarios of loyal behavior according to the code at question. A key aspect of the analysis is defeasibility of norms which is treated as the norms' specification or compensation. Defeasible norms are modeled first with the help of K. Alchourron's revision operator, cstit- and dstit-operators and, finally, with the help of preference and priority based dynamic semantics introduced by van Benthem, Grossi and Liu. The need of expressive possibilities for modelling agent's normative activity is demonstrated with E.Mally's Deontik. Substantive conclusions are drawn concerning the weaker normality of defeasible conditional norms and concerning the distinction between two approaches to norms' defeasibility, key feature of which amounts to the closure or openness of loyal behavior scenarios.

Key words: Logic of norms, deontic logic, Mally, agency, ought, obligation.

<i>Lobovikov V. O.</i> Moore's Paradox in the Light of Algebra of Formal Ethics	44
---	----

Moore's paradox is investigated by considering the epistemic modalities "knowledge" and "assumption", "belief and "doubt" not as true or false propositions, but as morally good or bad actions. The investigation of the paradox is implemented by means of two-valued algebra of formal ethics. In this algebra a precise evaluation-functional definition of the notion "formal-ethical (axiological) contradiction of activity" is given and this notion's relation to the notion "formal-logical contradiction of thought and speech" is clarified. The author arrives to the conclusion that Moore's paradox is not

a formal-logical contradiction of thought and speech, but a formal-ethical contradiction of activity. The formal-ethical inconsistency of Moore's paradox is demonstrated by "computing" a relevant evaluation-table.

Key words: epistemic; paradox-of-Moore; absurdity; formal-logical-contradiction; algebra-of-formal-ethics; evaluation-variable; evaluation-function; formal-ethical-contradiction.

Olkhovikov G. K. Reference to Actions as the Basis for Reference to Objects 57

The paper deals with the formalization of the solution to the Kripke's puzzle about belief that was earlier proposed by the author. The formalization is based on the author's own theory of actions D, or, more precisely, in a specific extension D(N) of this theory, which is defined in this paper. The author shows that, apart from the formalization of Kripke's puzzle, D(N) may serve as a tool for the analysis of important concepts in philosophical pragma-semantics, e.g. the distinction between different kinds of truth conditions of an utterance act.

Key words: Kripke's puzzle, logic of actions, speech acts, semantics of proper names.

Gorbatova Y. V. Possible Worlds Semantics: Levels of Analyses and Concept of Existence 72

The author argues that the possible worlds semantics, which at the moment is very popular among logicians, should be based on a multilevel ontology in order to become an effective tool for dealing with purely theological questions.

Key words: possible worlds semantics, ontology, analytic theology.

Kislov A. G. On the Question of Ontological Autonomy of Assertion and Negation 79

The article discusses negative judgments as ontologically autonomous. The author argues that the two-dimensional logic, which was a focal point in Kant's early text "Principiorum primorum cognitionis metaphysicae dilucidatio nova" (1755), could affect the Kantian division of judgments according to quality. The autonomous status of elementary affirmative and elementary negative propositions allows to retain the trichotomy of judgments that distinguishes purely affirmative, purely negative and infinite judgments.

Key words: affirmative and negative judgments, two-dimensional logic, Kant's table of judgments, infinite judgments, quality judgments division.

Nagumanova S. F. The Content of Consciousness: Different Approaches 88

In this article, the author argues that neither externalist representationalism, nor internalist biological realism solve the problem of content of consciousness, which may be formulated in the following way: how consciousness can be a product of brain and at the same time have external content? The author concludes that structural representationalism provides us with better means to tackle with this problem.

Key words: content of consciousness, externalist representationalism, biological realism, structural resemblance, structuralist theory of mental representation, structural representationalism.

Pashchenko T. V. Epistemological Foundations of Mathematics in Neologicist Theories 94

The article focuses on neologicism, which is the trend of modern philosophy of mathematics associated with attempts to resolve the contradictions of Frege's "Foundations of Mathematics" and to develop alternative ways of deriving mathematics from logic. The author examines neologicist theories of C. Wright, B. Linsky and E. Zalta in detail and reviews broader discussions concerning Fregean neologicism. The author highlights comparative advantages of certain neologicist theories and seeks to define the concept of neologicism in a more precise way.

Key words: Foundations of mathematics, neologicism, principles of abstraction, abstract objects, Hume's principle, Frege's Theorem.

Klyashorniy A. S. On the Ontological Assumptions of the Conception of "Strong" Artificial Intelligence in the Context of the Theory of Action by Hans Joas 106

The article outlines brief history of research on artificial intelligence and offers its philosophical

assessment. The author focuses on the ontological assumptions that underlie the notion of “strong” artificial intelligence. Non-classical sociological theory of action that was elaborated by H. Joas is analyzed. The author argues that this theory provides valuable insights for our understanding of “strong” artificial intelligence.

Key words: Artificial intelligence, AI, the conception of “strong” artificial intelligence, a critical consideration of the conception of “strong” AI, a theory of action.

POLITICAL THEORY, POLITICAL SCIENCE AND POLICY ANALYSIS

Muhametov R. S. Role of Non-governmental Organizations in Russia’s Foreign Policies towards the “Near Abroad” 118

The author analyzes what impact civil society has on the state policies that strive to consolidate Russian diasporas in the post-Soviet countries. The author concludes that non-governmental organizations play the major role in advocating the rights and protecting the legitimate interests of Russian compatriots in neighboring countries and demonstrates that the number of these organizations is growing.

Key words: Diaspora, compatriots, neighboring countries, NGOs, Russian foreign policy.

Bernalieva A. A. Deputies’ Factions and Alliances in the Kyrgyz Parliament 126

The author examines the nature of alliances and factions among the members of the Jogorku Kenesh, the Parliament of Kyrgyzstan. Theoretical approaches to parliamentary unions as well as current legislative practices of the Kyrgyz Parliament are analyzed. The article focuses on coalition of factions, which is specific to the post-Soviet parliamentary development.

Key words: Parliamentary faction, coalition of factions, Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic, political party.

INTERNATIONAL RELATIONS

Shvedov D. V. Evolution of US Policy on Non-Proliferation of Nuclear Weapons (1945–1965) 137

During the Cold War, due to mutual mistrust the leading powers did not manage to find an effective resolution to the problem of nuclear proliferation. The US pundits and government discussed various strategies after the WWII, including such options as nuclear monopoly, cooperation in development of peaceful nuclear energy, multilateral nuclear force (within NATO), but only by the mid-1960s the plan to establish international regime of non-proliferation was adopted.

Key words: nuclear proliferation, selective proliferation, MLF, Gilpatric committee.

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY AND PSYCHOLOGY

Berdnikova D. Vl., Vindeker O. S. Achievement and Learning among Students in Psychology 145

The authors discuss how achievement motivation of the students in psychology correlates with their academic performance. Two types of achievement motivation such as adaptation motivation and transcendence motivation are analyzed. High correlation of indicators relating to transcendence motivation and those relating to intrinsic academic motives is demonstrated. The authors conclude that transcendence motivation has positive impact on personal and professional development of the students.

Key words: academic motivation, achievement motivation, adaptation and transcendence.

RELIGIOUS STUDIES

Mikrioukov Dm. A. Religious and Political Views of R. J. Rushdoony 153

The article examines radical religious and political views of the 20th century American philosopher Rousas John Rushdoony, whose position is often described as ultra-right with respect to social life and as libertarian in regard with economy. The author traces the historical roots of this radicalism and compares Rushdoony's doctrine with Maximus the Confessor's, John Damascene's, Martin Luther's and Jean Calvin's teachings. The contemporary discussions and criticisms of Rushdoony's views are analyzed.

Key words: Rushdoony, social philosophy, religious law, theology.

HISTORY OF PHILOSOPHY

Savelyeva E. A. Slavophil Philosophers on the Notion of People 161

This article examines attitudes of the Slavophil thinkers to the problem of nationalities.

Key words: Russian philosophy of the 19th century, Slavophil, nationality, culture, civilization

Teytelbaum E. S. Philosophy and Literature: Analyzing Fernando Pessoa's Oeuvre 173

The author discusses Alain Badiou's theory of non-aesthetics and employs this approach to analyze the relation between philosophy and literature in Fernando Pessoa's work.

Key words: Literature and Philosophy, heteronymy, otherness.

UNIVERSITY LECTURE

Pivovarov D. V. Foundation, Cause, Effectiveness, Determinism 183

The author describes his conception of the relationship of such philosophical concepts as causality, effectiveness and determinism. These concepts are considered as modification of the relationship of the categories of basis, foundation and superstructure. The notions of material causality and teleonomic causality are compared. The study shows the difference between the doctrines of monocausalism and conditionalism. Causality is interpreted as a special case of effectiveness, and effectiveness is defined as the essential attitude of changes on an output of nonequilibrium system to changes on its input. The principle of determinism is specified and expanded. The author's analysis proves that the principle of determinism must not be reduced to the idea of causality.

Key words: Basis, foundation, superstructure, condition, the idea of causality, cause and effect, teleonomic cause, indeterminism, monocausalism, conditionalism, reverse connection in unbalanced system, effectiveness, the principle of determinism, the non-deterministic tendency.

Ionaitis O. B. Anthropological Ideas in Russian Medieval Philosophy 197

The author describes the evolution and surveys main topics of anthropological problematique as it developed in medieval Russia (from the 11th to the 17th century). The lecture focuses on the texts that discuss spiritual perfection and education in accord with the Christian ideals. The views on the meaning of human life in times of historical cataclysm such as e.g. the schism period, are analyzed.

Key words: Russian medieval anthropology, philosophy of the heart.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
2014. № 1 (125)

Серия 3
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Редактор и корректор *Т. А. Федорова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 07.04.2014. Формат 70×100^{1/16}.
Уч.-изд. л. 18,0. Усл. печ. л. 18,47. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 508.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в ИПЦ УрФУ. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

*Уважаемые авторы и читатели журнала
«Известия Уральского федерального университета»
Серия 3. Общественные науки!»*

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27 января 2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 3 июля 2007 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 1817–7174;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук в соответствии с рекомендациями экспертных советов по **философии, социологии, политологии, культурологии, психологии, международным отношениям** Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ;
- включен в Объединенный подписной каталог «Пресса России». Подписной индекс 82415.

Библиографические сведения и информация о статьях в журнале размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской университетской научной электронной библиотеки (РУНЭБ).

Полнотекстовая версия журнала размещается на портале университета (<http://urfu.ru/science/scientific-publications/izvestija-urfu/>), на собственном сайте журнала (<http://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia3>) и на платформе РУНЭБ.

О порядке предоставления рукописей

1. В редакцию по электронной почте (izvestia_3@usu.ru), по почте или лично автором предоставляется текст статьи (в двух экземплярах) (см. ниже требования к оригиналу) и анкета статьи (см. ниже).
2. В редакцию по почте или лично автором представляется официально заверенная внешняя рецензия (делается специалистом соответствующей отрасли знаний, не работающим в одном вузе, или на одном факультете, или на одной кафедре с автором статьи).
3. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и, если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.
4. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.
5. Редакция согласует с автором все исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:
 - а) шрифт – Times New Roman, кегль – 14, интервал – 1,5. Поля – все по 2 см;
 - б) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество – полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в том числе сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес.

Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук — философских, социологических, политологических, культурологических или экономических — они выступают соискателями ученого звания;

в) инициалы и фамилия автора на русском языке;

г) заголовок статьи на русском языке;

д) краткая, 5–7 строк, аннотация (включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций) к статье на русском языке (по ГОСТ 7.9–95).

Аннотация необходима для упрощения поиска в электронных научно-информационных базах, среди миллионов других доступных источников. Именно благодаря аннотации статья может заслужить внимание читателя, поэтому четкая краткая характеристика основного содержания статьи является важнейшим элементом поискового образа документа (ПОД), наряду с самим названием, ключевыми словами и кодами. Объем аннотации — не менее 500 и не более 800 знаков без пробелов.

В аннотации должны быть указаны:

— конкретная научная проблема (предмет), анализу которой посвящена статья, сформулированная таким образом, чтобы выявить ее актуальность;

— научное направление, школа или научный подход, в рамках которого проведено исследование;

— основные этапы анализа или аргументации;

— главные результаты (выводы) проведенного исследования, сформулированные таким образом, чтобы выявить новизну.

Аннотация и ключевые слова должны отражать специфику работы и быть максимально конкретными;

е) ключевые слова по исследуемой проблеме (должны повторяться либо в названии статьи, либо в аннотации);

ж) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке;

з) основной текст статьи с внутритекстовыми ссылками на цитируемые источники;

и) затекстовый список цитируемой литературы (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

Автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила оформления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на сборе руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 02.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Герцен А. И. Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3.

.....

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. СПб. ; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbk.ru> (дата обращения: 15.10.2013).

.....

21. *Шацлло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000;

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках. Например:

[1] — означает общее указание на книгу или другой источник по теме исследования;

[1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются;

в) ссылки на архивные материалы располагаются непосредственно в тексте, в квадратных скобках. Название архива, если оно не является общеизвестным, приводят в сокращенном варианте, а затем расшифровывают в круглых скобках. Например:

[ГАСО (Гос. архив Свердловской обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

[РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.]

3. **Журналу предлагаются не публиковавшиеся ранее научные труды (предоставленные только в наше издание) объемом не более одного учетно-издательского (авторского, 40 000 знаков) листа.**

4. Текст не должен содержать сложных таблиц, графиков и рисунков.

Почтовый адрес редакции: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 319.

Философский факультет.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 3. Общественные науки».

Главному редактору *Суслову Николаю Владимировичу*.

Рукописи принимаются в редакции: пр. Ленина, 51, к. 319

(член редколлегии *Ковалева Екатерина Сергеевна*. Телефон для справок (343) 350-59-20).

Электронный адрес: izvestia_3@usu.ru